

**МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАОЧНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

**ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ:
СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ,
ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ**

Новосибирск, 2011 г.

УДК 3
ББК 6/8
О 28

Рецензент — кандидат исторических наук, Член Российской Ассоциации политической науки (РАПН), Профессор Российской академии естествознания (РАЕ), Валуев Антон Вадимович.

О 28 «Общественные науки в современном мире: социология, политология, философия, история»: материалы международной заочной научно-практической конференции. (16 ноября 2011 г.) — Новосибирск: Изд. «Априори», 2011. — 170 с.

ISBN 978-5-4379-0022-2

Сборник трудов международной заочной научно-практической конференции «Общественные науки в современном мире: социология, политология, философия, история» отражает результаты научных исследований, проведенных представителями различных школ и направлений современных общественных наук.

Данное издание будет полезно аспирантам, студентам, исследователям и всем интересующимся актуальным состоянием и тенденциями развития общественных наук.

ББК 6/8

ISBN 978-5-4379-0022-2

Оглавление

Секция 1. Политология	6
1.1. Политика в России	6
ИРРАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭПОХ И ИХ ЛИДЕРОВ В РОССИИ В XX — НАЧАЛЕ XXI ВЕКОВ Львов Евгений Владимирович	6
ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ГРАЖДАН В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ Пастухов Антон Валерьевич	20
1.2. Мировая политика	28
КРИЗИС НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ? ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ КАК НОВЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ СУБЪЕКТ Авилова Мария Александровна	28
1.3. Социология и психология политики	32
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК РЕЗУЛЬТАТ ПРОЦЕССА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ Руткаускайте Марите Викторасовна	32
Секция 2. Социология	36
2.1. Методология и методика социологического исследования	36
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ВОПРОСОВ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ Сараева Ольга Валерьевна	36
2.2. Социология личности	40
ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ЗАМЕЩАЮЩИХ СЕМЕЙ, НА ПРИМЕРЕ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ Безрукова Анна Николаевна Палкина Татьяна Сергеевна	40

		49
		53
Секция 3. Философия		58
3.1. Философия и ее роль в современном обществе		58
		58
3.2. Динамика современной культуры		63
		63
		71
3.3. Социальная философия		81
		81
		85
3.4. История философии		90
		90
		96
		101

3.5. Онтология и теория познания	106
ФИЛОСОФИЯ КАК МЕТАФИЗИКА: ОТ АНТИЧНОСТИ ДО НОВОГО ВРЕМЕНИ Дмитриева Анастасия Валерьевна	106
ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПОНЯТИЯ «НАУЧНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» Лёвин Виктор Гаврилович	115
О ПРИРОДЕ И СУЩНОСТИ ИСКУССТВА Бульчев Игорь Ильич Фурса Сергей Викторович	125
Секция 4. История	135
4.1. История России	135
ВЛИЯНИЕ ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА РАЗВИТИЕ ХОЗЯЙСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ОСВОЕНИЕ ТЕРРИТОРИИ ОМСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ НА РУБЕЖЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ Азарова Людмила Васильевна	135
ЛИЧНОЕ ПОДСОБНОЕ ХОЗЯЙСТВО СРЕДНЕГО ЗАУРАЛЬЯ (1965–1985 ГГ.) Афонасьева Ольга Владимировна	143
ГЕРОЛЬДМЕЙСТЕРСКАЯ КОНТОРА СЕНАТА: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ Татьяна Анатольевна Белова	147
ПРИНЦИПЫ НОВОГО СУДЕБНОГО ПРАВА ПО РЕФОРМЕ 1922 ГОДА Вафаева Эльвира Рашидовна	151
ПРОТИВОСТОЯНИЕ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ЮСТИЦИИ ПОПЫТКАМ НАРУШЕНИЯ ЗАКОННОСТИ ПАРТИЙНО-СОВЕТСКИМИ ОРГАНАМИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ Крыжан Анна Викторовна	156
ПОДГОТОВКА ТЕХНИЧЕСКИХ КАДРОВ В СРЕДНЕВОЛЖСКОМ КРАЕ В 1930-Е ГОДЫ XX В. Сорокина Светлана Владимировна	162
КАПИТАЛЬНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ПОВОЛЖЬЯ В 1938-1941 ГГ. Филатов Сергей Геннадьевич	166

СЕКЦИЯ 1.

ПОЛИТОЛОГИЯ

1.1. ПОЛИТИКА В РОССИИ

ИРРАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭПОХ И ИХ ЛИДЕРОВ В РОССИИ В XX - НАЧАЛЕ XXI ВЕКОВ

Львов Евгений Владимирович

г. Москва

E-mail: yovlvov@yandex.ru

*Случайность – это непознанная закономерность
Из наследия древних*

Иррациональные методы, часто отвергаемые многими, стремятся описать и изучить «внутренние механизмы и пружины» исторических событий и, таким образом, соединить прошлое, настоящее и будущее понятиями метаистории. Например, многим известна 12-летняя последовательность дат из истории России XX века: 1905 — революция, 1917 — революция, 1929 — год большого перелома, 1941 — война, 1953 — смерть Сталина, 1965 — начало косыгинской реформы, 1977 — конец реформы, начало застоя, 1989 — пик социальной активности в СССР, 2001 — завершение эпохи Ельцина и начало т.н. периода «золотых нефтедолларовых» лет Путина. Совсем несложно спрогнозировать и ближайшую ключевую дату — 2013 г. Поэтому, несмотря на некоторый субъективизм, иррациональные методы могут успешно дополнять рациональные, приближая общую картину к действительной объективности.

В данной работе представлена попытка выявления иррациональных закономерностей развития России в XX—XXI веках.

Образы как иррациональная форма описания политических эпох и их лидеров

Понятие политического образа (в дальнейшем по тексту — образ) используется как наиболее яркое и схематичное, порой эмоциональное

или иррациональное описание изучаемого события, человека, объекта. Поиск образа через случайные совпадения, мистические, исторические аналогии и параллели, проникновение в его суть позволяет выявить невидимые, но порой очень важные грани, описывающее «зерно, соль объекта». Во все времена именно к этому стремились мудрецы, философы, ведуны, провидцы, а в наше время режиссеры, писатели, политтехнологи.

В XX веке в широкой народной массе качестве образов стали использоваться термины-слоганы, связанные эпохами или многократно произносимый лидером эпохи: железный порядок, оттепель, застой, перестройка.

Всех политических лидеров страны, оставивших глубокий след в судьбе России, начиная с начала 1917 года можно представить в виде ряда: **Царь Николай II → Керенский А. Ф. → Ленин В. И. → Сталин И. В. → Хрущёв Н. С. → Брежнев Л. И. → Горбачев М. С. → Ельцин Б. Н. → Путин В. В. → Медведев Д. А.** С позиции современников можно составить и соответствующий ряд образов эпох: **монархия → временное правительство → революция, диктатура пролетариата → железный порядок → строительство коммунизма → застой → перестройка → демократический хаос, смута → диктатура закона, застой реформ →**

В связи с двумя последовательными революциями, произошедшими в 1917 году и гражданской войной можно считать, что изначально был задан отрицательный импульс развития России (сверху вниз). Этот импульс через эпохи Сталина И.В. и Хрущёва Н.С. достиг «дна», «застоя» в эпоху Брежнева Л.И., постепенно «перебродив» и создав условия в обществе к смене вектора развития. Потом последовательно перестройкой Горбачева М.С. и реформами Ельцина Б.Н. был четко задан устойчивый обратный импульс — снизу вверх. И таким образом эволюция России описала что-то петлеобразное похожее на проекцию витка спирали на плоскости. Располагая противоположные эпохи друг напротив друга: революция — застой, железный порядок — демократический хаос, строительство коммунизма — перестройка и объединяя их в одну схему можно построить общую круговую схему политических эпох после 1917 года (рис.1), в которой каждая эпоха и ее лидер занимает определенное место. Интересно, что образы эпох и их лидеров приводят к проявлению коррелирующих друг с другом эпох и политиков.

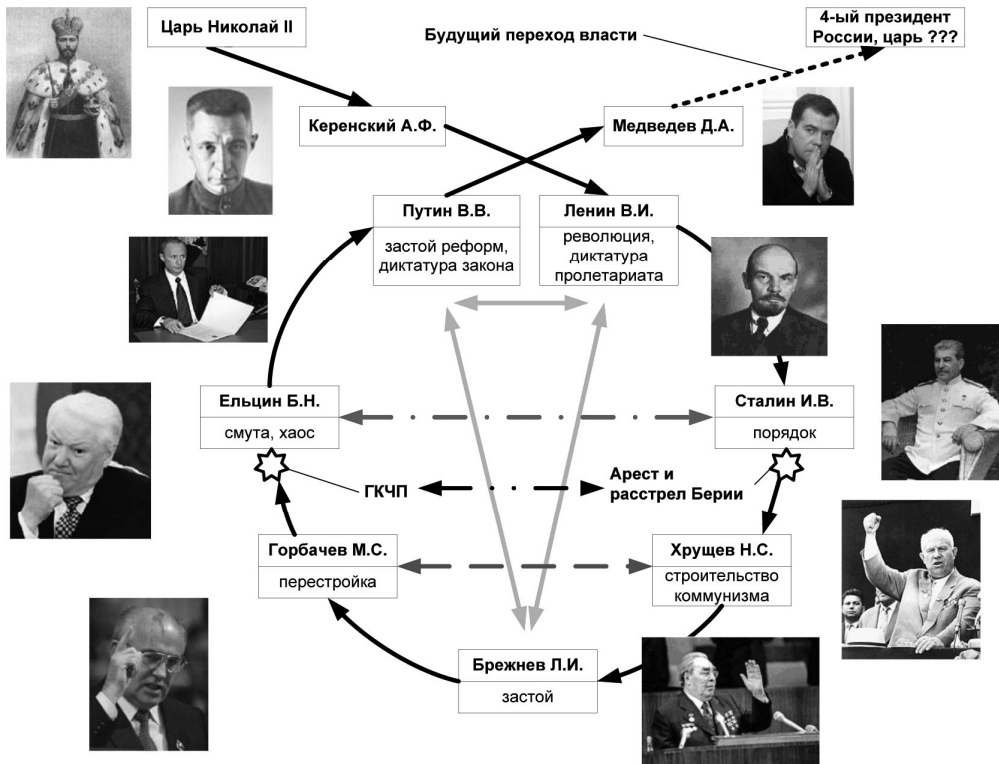

Рисунок 1 Общая схема политических эпох после 1917 года.

При этом образуются коррелирующие треугольник и пары, имеющие ярко выраженные иррациональные связи между собой:

- 1) Ленин В. И. (революция) — Брежнев Л. И. (застой);
- 2) Ленин В. И. (диктатура пролетариата) — Путин В. В. («диктатура закона»);
- 3) Брежнев Л. И. (застой) — Путин В.В. (застой реформ);
- 4) Ленин В. И. (диктатура пролетариата, революция) — Брежнев Л.И. (застой) — Путин В.В. («диктатура закона», застой реформ);
- 5) Сталин И. В. (тоталитарный порядок) — Ельцин Б. Н. (демократический хаос, смута);
- 6) Хрущев Н. С. (строительство коммунизма) — Горбачев М. С. (перестройка).

Понятно, что выделенные пары эпох и их лидеры являются частями единого исторического процесса в России, почти идеально дополняющими друг друга, как элементы большого пазла. При этом казавшиеся прежде случайные совпадения уже не представляются такими уж и случайными, а весьма закономерными схеме. Рассмотрим их подробнее.

Таблица 1.

Ленин В.И. и Брежнев Л.И. Революция и застой

В таблице 1 приведены самые известные случайные совпадения и исторические аналогии между Лениным В.И. и Брежневым Л.И.

Ленин В. И.	Брежнев Л. И.
Революция	«Застой»
Энергичность и ораторский талант	Косноязычие и невнятная речь
Приход к власти в результате октябрьского переворота 1917 года	Приход к власти в результате октябрьского переворота 1964 года
Непримиримость и борьба с оппозицией и инакомыслием	
Покушение на Ленина В.И. в 1918 г.	Покушение на Брежнева Л.И. в 1969 году
54 тома творческого наследия Ленина В.И.	«Авторская» трилогия Брежнева Л.И.: Малая земля, Возрождение, Целина
17-летние циклы в жизни Ленина В.И.	17 лет во главе СССР

Таблица 2.

**Ленин В. И. и Путин В. В.
Диктатура пролетариата и диктатура закона**

Все то, что иррационально, образно связывает эпохи Ленина В.И. и Путина В.В. приведено в таблице 2:

Ленин В. И.	Путин В. В.
Диктатура пролетариата	Диктатура закона
У обоих умерли старшие братья, у обоих матерей звали Мария. Оба учились на «юрфаке» в одном университете, оба долго жили в Германии	
Неожиданно стал во главе России в 47 лет	Неожиданно стал во главе России в 47 лет
7 лет во главе России	8 лет во главе России
Ораторский талант	Афоризмы Путина В.В.
Поваром у Ленина В.И. был дедушка Путина В.В.	
Непримиримость и борьба с оппозицией и инакомыслием	
17-летние циклы в жизни Ленина В.И.	17 лет рост во властной элите России

Таблица 3.

Брежнев Л. И. и Путин В. В. Застой и «застой реформ»

В таблицу 3 сведены «случайные совпадения» для эпох Брежнева Л.И. и Путина В.В.

Брежнев Л. И.	Путин В. В.
Застой	«Застой реформ»
Нефтедоллары как основной «паровоз» экономики	
Бюрократия, коррупция и нарастающая стагнация политической жизни	
Молдавско-украинская группировка	Питерская группировка
Абсолютное неприятие инакомыслия	
Дело Сахарова	Дело Ходорковского
Вьетнамская война	Вторжение американских войск в Ирак и Афганистан
Высадка американцев на Луну и последующее закрытие лунного проекта	Начало нового лунного проекта и его приостановка
17 лет во главе СССР	17 лет рост во властной элите России

Ленин В. И., Брежнев Л. И. и Путин В. В. Общее в образах трех лидеров эпох

Ключевым и объединяющим для всех этих политических лидеров является сакральность числа «17».

Для Ленина В.И.:

1870 — 1887 — в 17 лет умирает отец, а вскоре брата Александра казнят как заговорщика, а затем и вовсе вся семья переезжает в Казань;

1887—1905 — в течении 17 лет происходит его становление его как теоретика партии-большевиков, как авангарда борьбы с самодержавием;

1905 — 1921/1922 — подготовка и осуществление революции, гражданской войны, этапов военного коммунизма, перехода к НЭПу.

Для Брежнева Л.И. — 17 лет руководства СССР.

Для Путина В.В. — с 1991—2008 гг. 17-летний период политического роста во властной элите России.

Таблица 4.

**Сталин И.В. и Ельцин Б.Н.
Тоталитарный порядок и демократический хаос**

В таблицу 4 сведены исторические аналогии эпох Сталина И.В. и Ельцина Б.Н.

Сталин И. В.	Ельцин Б. Н.
Тоталитарный порядок	Демократический хаос, смута
Создание СССР	Распад СССР
Разрушение церквей в 20-30-х годах	Восстановление церквей в 90-х годах
Вытеснение партийцев «ленинского призыва» в 30-е годы	Вытеснение «прорабов перестройки» в 90-е годы
Создание новой общности людей «Советский народ»	Разрушение образа «Советский народ»
Великая отечественная война	Чеченская война
Создание ракетно-ядерного щита СССР	Разрушение ракетно-ядерного щита
«Вор лучше убийцы»	
Арест Берии (1953 г.), сразу после смерти Сталина И. В.	ГКЧП (1991 г.) перед приходом к высшей власти Ельцина Б. Н.
Архипелаг Гулаг	Архипелаг нищих и бродяг
«Югославский вопрос»	
Участие в создании государства Израиль	Новый импульс сотрудничества с Израилем в 90-е годы
Образ Гайдара (деда) в эпоху Сталина И. В.	Образ Гайдара (внука) в эпоху Ельцина Б. Н.

Таблица 5.

**Хрущев Н. С. и Горбачев М. С.
Строительство коммунизма и перестройка**

Все признаки, связывающие Хрущева Н.С. и Горбачева М.С., приведены в таблице 5.

Хрущёв Н.С.	Горбачев М.С.
Строительство коммунизма	Перестройка
Общая схема прихода к власти и ухода из нее	
Возвращение к ленинскому наследию	
Судьбоносный XX съезд КПСС	Судьбоносный XXVII съезд КПСС
Всемирный московский молодежный фестиваль 1956 г.	Всемирный московский молодежный фестиваль 1985 г.
Полет Юрия Гагарина в космос	Запуск космического челнока «Буран»
Мирное преодоление Карибского кризиса	Остановка гонки вооружений
Летчик-нарушитель государственной границы СССР - Пауэрс	Летчик-нарушитель государственной границы СССР - Руст
Дух свободы времен хрущевской оттепели и горбачевской перестройки	

Использование образов для политических прогнозов

Итак, как видно из рис. 1, схематически развитие событий в России за прошедшие почти 100 лет, имеет петлеобразный характер. Стал также понятен особый высший фатализм, в котором политические эпохи объективно обусловлены друг другом, образно говоря «...на каждого Ленина найдется свой Лёнин, а на каждого Сталина — свой Ельцин....».

Помимо правильного понимания прошлого, исторического процесса также важна еще и возможность прогноза. Предполагая сохранение симметричности представленной «политической петли» можно допустить сохранение уже проявленных ранее иррациональных связей и в будущем. Именно это и является основой для двух прогнозов, представленных далее.

Прогноз 2007 года об уходе Путина В.В. и «фоторобот» нового лидера России

Ранее летом 2007 года в [1,2] на основе общей схемы политических эпох, изображенной на рис. 1, уже был рассмотрен малый прямоугольник власти, состоящий из Керенского А.Ф., Ленина В.И., Путина В.В. В этом прямоугольнике не хватало четвертого политического лидера, который должен был еще только проявиться и иметь признаки близкие к признакам председателя

Временного правительства Керенского А.Ф. Другими словами, было сделано предположение о том, что Керенский А.Ф. (Временное правительство) будет составлять пару, иррационально связанную с Медведевым Д.А. Эта пара может быть также добавлена в перечень перечисленных выше коррелирующих пар. Был сделан прогноз об уходе Путина В.В. с поста президента РФ («третьего срока не будет») и составлен «фоторобот» нового политического лидера страны (рис. 2.). Как показала жизнь 3-й президент России Медведев Д.А. почти полностью соответствует прогнозируемому описанию, органично дополняет политический пазл, подтверждает действенность предложенного метода и предопределенность свыше, фатальности, почти полное отсутствие какой-либо случайности (рис. 3).

Прогноз 2010 года об «ухуде обоих» и появлении нового лидера России

Имея положительный опыт прогнозирования летом 2007 года согласно [1] в дальнейшем осенью 2010 г. был представлен общественности еще один прогноз, основанный на использовании большого прямоугольника власти: царь Николай II, Ельцин Б.Н. и Сталин И.В. [2]. В этом политическом пазле (рис.4) будущий монарх схематически должен был симметричен царю Николаю II и вместить в себя многие иррациональные взаимосвязи всего этого большого прямоугольника власти. Такой прогноз позволил построить «фоторобот» 4-го президента России, который будет иметь атрибуты монарха, царя, а Россия начнет менять курс в сторону монархического государства (рис.5).

Образ будущего монарха России включает все общие общеизвестные объективные обстоятельства жизни (в т.ч. и семейной) и политической карьеры, а также мелкие и даже возможно малоизвестные факты, общие субъективные «случайные совпадения», аналогии, параллели и др.

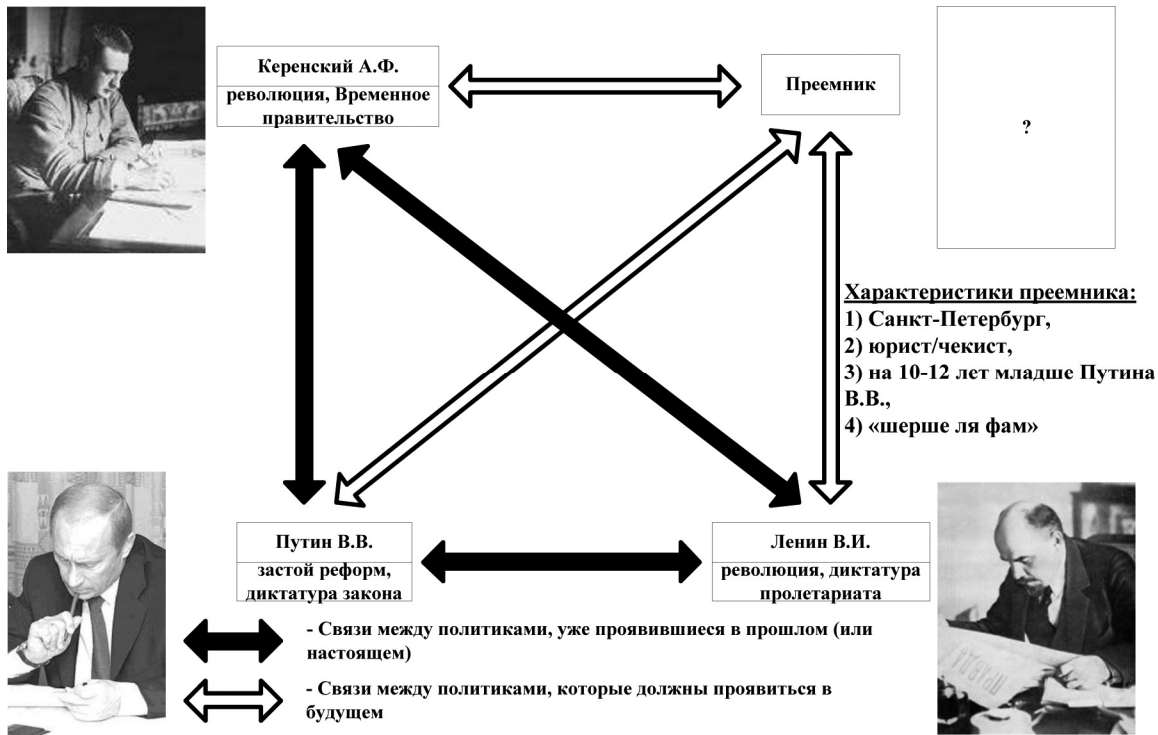
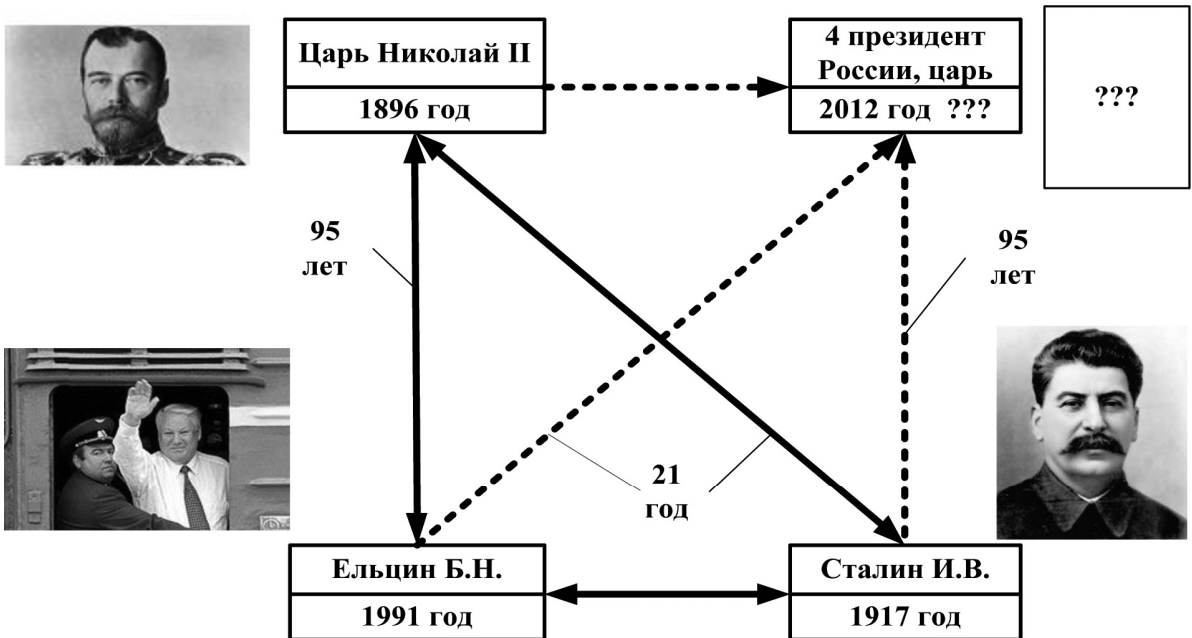

Рисунок 2. Использование малого прямоугольника власти для составления «фоторобота» 3-го президента России летом 2007 года, до выдвижения Медведева Д.А.

Рисунок 3. Полное проявление малого прямоугольника власти после того, как Медведев Д.А. стал 3-им президентом России.

- ↔ - Связи между политиками, уже проявившиеся к настоящему времени
- - - - - Связи, которые должны проявиться в будущем

Рисунок 4 Использование большого прямоугольника власти для составления «фоторобота» 4-го президента России

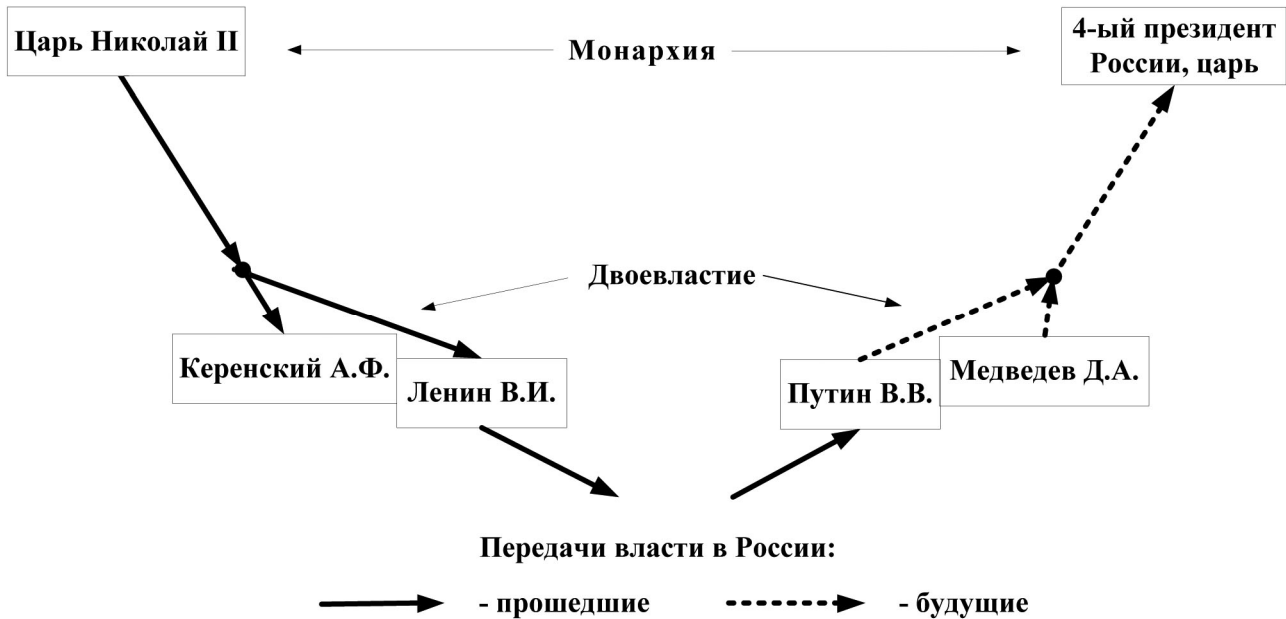

Рисунок 5 Особенности переходов власти в России в 1917 г., в настоящем и ближайшем будущем

Исходя из принципа зеркальности, предполагалось, что в жизни этого человека проявятся в первую очередь те события, факты и люди, которые сопутствовали Николаю II на заключительной стадии его жизни, после отречения, перед расстрелом. Итак, ниже вниманию читателей представлено описание «портрета» будущего 4-го президента России — будущего монарха:

1. Возраст — от 28 до 54 лет (к 2011—2012 годам к моменту появления на политическом Олимпе страны);

2. Наличие связи с ЗападноСибирским и/или Уральским регионами (Тобольск—Тюмень—Екатеринбург с последними местами обитания семьи императора Николая II, местом работы Ельцина и местами ссылки Сталина);

3. Наличие каких-то связей с Германией;

4. Не лысый, с растительностью на лице, будет иметь, как минимум, усы;

5. Гражданский, не военный человек;

6. Дети — 2 или более, как минимум, один ребенок — мальчик. Наиболее вероятны проблемы со здоровьем сына;

7. Отсутствие ярко выраженной специализации, несмотря на конкретное образование, предрасположенность к единым универсальным знаниям;

8. Много женщин в ближнем (семейном?) круге: бабушки, тети, сестры и т.д.

9. Развитая интуиция, внутренняя религиозность;

10. Приоритет благородных гуманитарных ценностей над логическим;

11. Преобладание иррациональных поступков, действий и мышления, воспринимаемые окружением как нелогичные, прихоти, странности;

12. Многие черты характера воплощают собой особенности русского характера, русской души;

13. Волевой, несмотря на возможно, мягкий характер;

14. Одно из ключевых событий в его жизни произошло в середине июля (дата расстрела царской семьи);

15. Представители ближайшего окружения и особенно, в начале политической карьеры носят следующие фамилии (члены расстрельной команды императора Николая II, расстрелянные и др.): **Юровский, Медведев, Медведев-Кудрин, Никулин (Акулов), Ельцин, Ермаков, Боткин, Романов, Лукоянов, Кабанов, Люханов, Белобородов, Стрекотин, Голошкекин (Фрам), Ленин, Свердлов (как санкционировавшие расстрел);**

16. Наличие каких-то связей с Ельциным или его семьей, т.к. в первых, Борис Николаевич в бытность секретаря Свердловского

обкома КПСС отдал приказ на уничтожение дома Ипатьева, как последнего пристанища царской семьи, а во-вторых, и сам лично участвовал в организации перезахоронении останков Царя и царской семьи в Санкт-Петербурге;

17. Это не будет представитель дома Романовых за рубежом. Также вряд ли он будет как-то связан с династией Рюриковичей. Он не будет также родственником кого-либо из элиты, бывшей у власти в XX—XXI веке в России. Но вероятно будет иметь какую-то связь с нерядовыми родами, проявившимися в советское время.

Созданный портрет отражает, в основном, внешнее, окружение этого человека, фрагменты судьбы и т. п. Это не позволяет оценить его потенциал, способности и человеческие качества. Но, похоже, что он будет именно тем, на кого многие будут возлагать большие надежды.

Заключение.

1. Иррациональное образное описание советских и постсоветских эпох России XX—начала XXI веков позволяет представить эти эпохи как дополняющие друг друга периоды единой круговой схемы (проекция спирали на плоскость). Наиболее ярко в этой схеме проявлены связи, выраженные в виде случайных совпадений, исторические параллели и аналогий между эпохами и их лидерами, образующими один треугольник: Ленин В. И. — Брежнев Л. И. — Путин В. В. и две пары Сталин И. В. — Ельцин Б. Н., Хрущёв Н. С. — Горбачев М. С.

2. Вскрытые взаимосвязи между политическими эпохами и их лидерами показывают, несмотря на все противоречия и даже личную неприязнь, их дополняющий друг друга характер как из «единой политической семьи».

3. Вскрытые взаимосвязи эпох и их лидеров позволяют осуществлять прогнозирование ситуации в России. Подтверждением этого является прогноз, составленный летом 2007 года об уходе Путина В.В. с поста президента, появлении нового руководителя России и составленный его «фоторобот».

4. Выявлена новая пара политиков, иррационально связанных друг с другом: Керенский А.Ф. — Медведев Д.А.

5. Следует признать наличие фатальности, жесткой предопределенности свыше политических курсов, эпох и руководителей в России в советскую и постсоветскую эпохи.

Список литературы:

1. Евгений Львов. Преемник. М., Аввалон, 2007, 130 с.
2. Евгений Львов. Древнейшие корни русского языка. Политические образы — ключ к пониманию истории и будущего России. М., Традиция, 2011, 256 с.

ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ГРАЖДАН В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Пастухов Антон Валерьевич

*аспирант кафедры политологии Орловского филиала РАНХ
и ГС при Президенте РФ, г. Орёл
E-mail: manurist@yandex.ru*

В последние годы многие независимые эксперты самых разных политических взглядов высказывали оценочные суждения о довольно низком уровне правосознания у среднестатистического российского гражданина. Признание этих оценок обнаруживается и в указе президента Российской Федерации «Об основах государственной политики в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан», где речь идет о необходимости формирования у граждан высокой правовой культуры [1].

Смысл этого объемного документа сводится к тому, что в России следует внедрить принцип взаимоотношений граждан между собой и с государством на основе права, а не личных отношений, то есть максимально возможно приблизить общественные взаимосвязи к западным моделям. По сути, это проект переустройства российского общества в контексте его политической модернизации. При этом в качестве основы предлагается вариант общественного договора, при котором государство обеспечивает гражданам равенство перед законом и защиту их прав, а граждане, в свою очередь, законопослушны, решают вопросы не взятками и другими нелегитимными способами, а через правовые механизмы.

Еще более значимым является факт признания невозможности формирования высокой правовой культуры без помощи гражданского общества, среди институтов которого в документе выделены не только органы местного самоуправления и негосударственные организации в целом, но и профильные, с точки зрения назначения нормативно — правового акта, общественные объединения юристов.

Однако беда в том, что правовой нигилизм для многих россиян уже давно стал нормой жизни. Причем это касается не только рядовых граждан, но и самой элиты. Поэтому воспитать должное уважение к суду и правоохранительной системе весьма сложно. Этого будет трудно добиться еще и потому, что государственные институты, такие как суд, милиция, прокуратура, во многом себя дискредитировали [2, с. 201]. Восстановить народное доверие они могут только

путем следования закону, который, как гласит ст. 19 Конституции РФ, должен быть один для всех.

К сожалению, правовой нигилизм «служит почвой для многих негативных социальных явлений в обществе (пьянства, наркомании, семейного насилия, бытовой преступности, пренебрежения правами и охраняемыми законом интересами окружающих, посягательства на чужую собственность, самоуправство, самосуд и др.).

В политической сфере правовой нигилизм проявляет себя в деятельности различного рода экстремистских объединений, террористической деятельности, нелегитимных политических акциях, проявлениях национализма, шовинизма, незаконном лоббировании групп интересов и давления и проч.

Неверие в силу закона или его незнание ведут к неправовым способам защиты своих прав и интересов у многих граждан, но прежде всего молодежи. Так, социологический опрос студенческой молодежи показывает, что студенты демонстрируют слабую осведомленность в отношении гражданских прав и обязанностей: только 43% уверены в знании своих прав. На вопрос: «Кто должен защищать Ваши права» 42% считают, что они сами, 33% считают защитником своих прав государство, 19% — родителей, 19% — правозащитные организации, 7% — ВУЗ, в котором студенты учатся.

Вот результаты еще одного социологического опроса граждан: только 45% имеют представление о федеральном и 22% — о региональном законодательстве; только 37% демонстрируют знания о своих конституционных правах и обязанностях [3, с. 32].

Эти цифры указывают на потенциальную возможность правомерного поведения и необходимость воспитания правовой культуры граждан. Она должна стать на пути правового нигилизма, порождающего незнание и непонимание норм права.

Причинами правового нигилизма являются «избирательность в применении норм права, недостаточность институциональных механизмов, гарантирующих безусловное исполнение требований закона, неотвратимость, соразмерность и справедливость санкций за их нарушение» [1]. Преодоление правового нигилизма видится в формировании необходимой правовой культуры.

К приоритетным направлениям «государственной политики России в области формирования правовой культуры граждан» относятся:

- правовое просвещение и правовое информирование граждан;
- развитие правового образования и воспитания подрастающего поколения в образовательных учреждениях различного уровня

посредством внедрения в образовательный процесс учебных курсов, программ, учебно-методических материалов, обеспечивающих получение знаний в области права;

- совершенствование системы юридического образования и подготовки квалифицированных юристов и педагогических кадров в области права;

- преобразования в сферах культуры, массовой информации, рекламной и издательской деятельности, направленные на формирование высокого уровня правовой культуры и правосознания граждан;

- совершенствование деятельности государственных и муниципальных органов, правоохранительных органов, направленной на обеспечение законности и правопорядка и повышение правосознания служащих государственных и муниципальных органов;

- совершенствование деятельности в области оказания квалифицированной юридической помощи, в том числе создание эффективной системы бесплатной юридической помощи [1].

Указанные направления представляются приоритетными для формирования гражданского общества и повышения уровня правовой культуры и правосознания граждан.

Таким образом, в современной России закладывается юридический фундамент для реализации государственной политики развития правовой культуры современного российского общества. Однако, пока не совсем понятно, принесет ли принятие «Основ государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан» желаемые результаты, ведь во многом эффективность принятой нормы будет зависеть от механизма правоприменения и реализации указанной политики.

Механизм реализации государственной политики формирования правовой культуры общества является многоплановым и включает целую систему мер, обеспечивающих развитие правовой грамотности и правосознание граждан: выделяется группа мер, нацеленных на реализацию государственной политики в сфере формирования правовой культуры общества. Среди них:

1. меры в области совершенствования законодательства Российской Федерации и правоприменения;

2. меры по повышению правовой культуры лиц, замещающих государственные и муниципальные должности, государственных и муниципальных служащих, сотрудников правоохранительных органов;

3. меры в области образования и воспитания подрастающего поколения, юридического образования и подготовки юридических кадров;

4. меры в сферах культуры, массовой информации, эфирного и кабельного вещания, рекламной и издательской деятельности;

5. меры по поддержке институтов гражданского общества;

6. меры организационного и методического характера.

Государство призвано создавать условия, обеспечивающие развитие правовой грамотности и правосознания граждан» путем юридического просвещения на всех уровнях [4, с. 16], от детского сада до спецкурсов для госслужащих, информирования граждан о способах юридической защиты своих прав и пропаганды преимуществ законопослушного поведения, повышения прозрачности судебных процессов и торгов.

Для эффективной реализации государственной политики в рассматриваемой нами сфере, как представляется, необходима разработка политико-правовых мер, включающих в частности:

- совершенствование нормативно-правовых документов;
- внедрение новых форм взаимодействия органов государственной и муниципальной власти с институтами гражданского общества в области защиты прав и свобод граждан;
- создание систем мониторинга состояния правовой культуры в обществе;
- повышение роли таких специализированных институтов, как образовательные учреждения, общественно-политические объединения, научные учреждения;
- создание надлежащих условий для правового всеобщего населения и др.

Россияне же должны, по-видимому, осознать «законопослушание как основную модель социального поведения», для чего государству надлежит создать портфолио стимулов. Отрадно, что предполагается даже в программу детских садов включение обучения «элементарным общепринятым нормам и правилам взаимоотношений со сверстниками и взрослыми (внимательность к людям, готовность к сотрудничеству и дружбе, оказание помощи тем, кто в ней нуждается, уважение к окружающим)», не говоря уже о курсах права в школах и вузах. «Законопослушное поведение родителей» признано фактором номер один в формировании «позитивного типа правосознания и поведения».

При этом будут внедряться и определенные ограничительные меры, в первую очередь в отношении СМИ и сферы культуры. Производителям криминальных телепередач придется, наконец,

сократить объем своего публичного присутствия. Приходит и понимание того, что отрицательно влияет на «позитивный тип поведения» деятельность лиц творческих профессий, СМИ, производителей рекламы, направленная на создание и распространение произведений, пропагандирующих непочтительное отношение к закону, суду и государству, правам человека и гражданина, поэтизирующих и пропагандирующих криминальное поведение. Распространение таких произведений государство собирается прямо или косвенно ограничивать, а тех, кто активно продвигает в общественное сознание модель законопослушного поведения в качестве общественно одобряемого образца, — поощрять.

В качестве одной из мер в «Основах государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан» предлагается введение механизма «публичной оценки» в случае предполагаемого распространения упомянутых выше негативных материалов. Кроме того, СМИ и общественным организациям предлагается теснее сотрудничать с правоохранительными органами с целью «депопуляризации» криминальной культуры.

В качестве механизма реализации государственной политики формирования правовой культуры граждан можно рассматривать целевые программы органов государственной власти.

Однако, как показал наш мониторинг областных порталов, ни в одном из субъектов федерации в данный период времени такие программы не реализуются. Одним из механизмов государственной политики развитие правовой культуры граждан является более эффективное использование потенциала общественных организаций, прежде всего юридической направленности. На это обратил внимание и Президент Российской Федерации Дмитрий Анатольевич Медведев. Выступая на съезде ассоциации юристов России, он отметил: «задача общественных объединений юристов — быть ближе к потребностям наших людей... Нам нужно отладить систему правового просвещения таким образом, чтобы к ней были подключены школы, клубы, СМИ» [5].

Разумеется, в реализации этих и других мер в целях достижения нужного эффекта, непременно должны участвовать как государственные, так и негосударственные организации, а также профессиональные сообщества. С их помощью и будет выработана методика работы с общественным мнением. Только эффективное взаимодействие гражданского общества и государства по формированию высокой правовой культуры, по нашему мнению,

способно обеспечить движение России по пути дальнейшей демократизации, укрепления правового государства в целях стабильного и устойчивого развития.

Современное российское общество не преодолело до конца духовного кризиса, вызванного радикальными социально-экономическими переменами в стране. Кризис наблюдается и в правовом сознании граждан: правовой нигилизм, юридический беспредел, правовое бескультурье все еще процветают в современном обществе. Кризис современного правосознания во многом определяется низким уровнем правовой культуры [2, с. 199].

Для формирования правовой культуры, соответствующей требованиям правового государства необходимо использовать все имеющиеся в распоряжении государства резервы.

Эффективными путями формирования правовой культуры современного российского общества, на наш взгляд, могут быть:

- организация доступа каждого гражданина к квалифицированной юридической помощи;
- введение основ права в учебные программы;
- информационное обеспечение населения относительно существующих нормативных актов;
- обеспечение доступа населению к юридическим документам;
- информирование через средства массовой информации о принимаемых законах и изменениях к ныне существующим нормативным актам.

Что касается организации доступа каждого гражданина к квалифицированной юридической помощи, то этот вопрос в последнее время приобрел наибольшую актуальность. Как подчеркнул президент России Д. А. Медведев, его острота заключается в том, что качественная юридическая помощь на рынке услуг в нашем государстве стоит больших денег и только единицы могут себе позволить систематически получать квалифицированную юридическую помощь [5].

В данной ситуации государство должно сделать важный социально-политический ход, организовав систему социальных правовых центров, где в зависимости от имущественного положения гражданина, каждый смог бы получить бесплатную либо доступную правовую поддержку.

Еще одним важнейшим шагом к формированию правовой культуры современного российского общества может стать введение основ права в общие учебные программы. Данная мера, по мнению

автора, способна стать чрезвычайно эффективной и полезной для осуществления заявленной цели.

Правовое образование воспитывает в гражданах уважение, почтение к закону, органам государственной власти, правоохранительным органам и суду, способствуя вырождению правового нигилизма. Наличие у гражданина правовых знаний способно предотвратить безнаказанное нарушение его прав.

Введение основ права в общеобразовательные учебные программы способно привести к формированию высокого уровня правосознания, что, в свою очередь, укрепит позиции гражданского общества в современной России.

Информационное обеспечение населения относительно существующих нормативных актов окажет свое благотворное влияние на повышение уровня правовой культуры современного российского общества, что отразится в надлежащем правовом поведении индивидов и повышении правосознании общества. Данный путь повышения эффективности формирования правовой культуры современного российского общества может быть реализован через учреждение и последующее распространение на бесплатной или льготной основе печатного издания, содержащего сведения о новациях в российском законодательстве.

Обеспечение доступа населения к юридическим документам способно, как представляется, предоставить гражданам дополнительные возможности для реализации своих законных прав и интересов. Такой доступ может быть организован государством посредством прикрепления к судам, государственным органам и учреждениям справочных служб, в которых граждане смогут получать формы необходимых документов и консультации по вопросам их заполнения, а также размещения необходимой информации в сети интернет. Обнадёживает, что такие технологии начали реализовываться многими государственными учреждениями и органами исполнительной власти с помощью специальных сайтов. К сожалению, качество предоставляемой ими правовой информации оставляет желать лучшего и требует специального анализа.

Информирование через средства массовой информации о принимаемых законах и изменениях к ныне существующим нормативным актам, по мнению автора, должно осуществляться как на федеральном, так и на региональном уровне. Такое социальное политико-правовое информирование может осуществляться органами государственной власти через средства массовой информации, через обяание их императивными мерами выделять эфирное время или

полосы для печати такой информации. Данная мера способна довести до каждого гражданина требования норм права, что позволит в целом повысить уровень правовой грамотности населения.

В целом же только тщательно продуманная и эффективная система правовой пропаганды сможет повысить уровень правовой культуры нашего общества и будет способствовать развитию правового демократического общества.

Список литературы:

1. Указ президента Российской Федерации от 04.05.2011 «Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан» — [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://президент.рф>
2. Смоленский М.Б. Правовая культура, личность и гражданское общество России: формула взаимообусловленности // Известия ВУЗОВ. Правоведение. — 2003. — № 1. — С. 197—204.
3. Семенов В.В. Правовая культура молодежи // Общество и право. — 2008. — № 4. — С. 30 — 33.
4. См.: Попов М. Правовая культура, как элемент социального порядка // Власть. — 2006. — № 6. — С. 13 — 18.
5. Медведев Д.А. Выступление на съезде Ассоциации юристов России 29 января 2009 года — [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://rost.ru>

1.2. МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

КРИЗИС НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ? ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ КАК НОВЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ СУБЪЕКТ

Авилова Мария Александровна

*соискатель кафедры российской политики
факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва
E-mail: mavilova@yandex.ru*

В настоящее время система международных отношений подвергается широкомасштабным изменениям: тема глобализации перестала быть предметом исключительно теоретических споров и политических дискуссий, перейдя в практическую область. Существует широко распространенное мнение, что глобализация ведет к утрате национальными государствами политической власти. Действительно, возможности нации-государства во многом подрывают такие явления глобализации, как формирование международных финансовых рынков, интернационализация бизнеса и капитала, появление всемирных открытых информационных сетей, резко увеличившаяся мобильность населения, неделимый характер угроз безопасности и глобальные проблемы. Широкое распространение меж-, транс- и наднациональных институтов воспринимается многими политологами как свидетельство растущей неспособности национального государства справиться с вызовами времени.

В то же время глобализация не означает, что национальные государства исчезают или становятся менее важными субъектами политики, скорее происходит трансформация их роли в свете последних событий. Особый интерес в условиях широкомасштабной экономической и политической интеграции представляет исследование национального государства на примере стран Европейского Союза, уникального образца добровольного делегирования части суверенитета наднациональным институтам. Опыт современной европейской политики важен для мирового сообщества, ведь речь идет о выработке государствами-членами ЕС совместных ответов на вызовы современности.

Евросоюз — образование, не имеющее на настоящий момент аналогов, это еще не единый политический организм, но уже и не простой конгломерат национальных государств.

С самого начала интеграция в Западной Европе преследовала как экономические, так и политические цели. Европейское объединение угля и стали задумывалось не только как средство восстановления промышленности, но и как регулирующая организация между Францией и Германией, способная наладить сотрудничество этих национальных государств. Отдав под наднациональный контроль две стратегические отрасли, недавние противники создали базу для долгосрочной стабильности в регионе.

Как правило, национальные государства включаются в процессы интеграции для достижения трех основных целей: политической стабильности внутри региона, росту экономики и благосостояния населения и укреплению позиций союза в геополитическом пространстве [1, с. 368]. Можно сделать вывод, что стремление национальных государств к сотрудничеству диктуется чисто прагматическими соображениями [2, с. 37]. Интеграция Евросоюза способствует внутренней политической стабильности, поскольку, став союзниками, государства-участники принимают кодекс добрососедства. В экономическом плане интеграция предполагает оказание помощи отстающим странам Европы и усиление конкуренции, позволяющей национальным компаниям продавать свои товары на всей территории ЕС, однако вовсе не гарантирует выравнивание уровней экономического развития. Показательно, что данная проблема остается нерешенной даже в рамках ЕС-15, несмотря на довольно длительный период ведения крупномасштабных проектов, таких как строительство Единого внутреннего рынка и Экономического и валютного союза, которые должны были существенно стимулировать рост экономики в странах догоняющего типа. Укрепление геополитического веса организации отражается в фиксации права самостоятельно определять позиции целой части света. Так, именно успехи ЕС заставили правительство США в срочном порядке создавать НАФТА.

Начиная с декабря 1969 года, когда в Гааге было принято решение о расширении Сообществ и углублении интеграции, история Евросоюза развивалась по этим двум направлениям, объединяя национальные системы в единую структуру и захватывая новые региональные зоны. Процесс углубления сопровождался созданием и совершенствованием институтов ЕС, т. е. функциональной интеграцией, которая постепенно сменялась политической. В свою очередь, в результате процесса расширения количество участников увеличилось с 6 до 27, а территория и численность населения выросли почти в три раза. Динамика углубления и расширения отчетливо

свидетельствует об их внутренней связи и параллельности протекания. Взаимодействие между ними проявляется во временных изменениях – в ускорении или замедлении процессов слияния национальных государств в организованный региональный комплекс [1, с. 15-16].

Значительную роль в процессе европейской интеграции играет интенсивность внутренних экономических связей между странами— участницами союза и вступающими национальными государствами. К примеру, учитываются удельный вес взаимного экспорта двух групп государств в общих объемах их экспорта, его товарная структура и величина прямых инвестиций. Столь же важна степень развития интеграции, достигнутая ЕС на момент вступления новых членов. Очевидно, что интеграционные процессы могут замедлиться или даже приостановиться в связи с объективными трудностями присоединения новых участников. Поэтому последние должны соответствовать определенным требованиям, принятым с целью снизить «болезненность» прохождения данного этапа для обеих сторон.

Не менее важной является степень совпадения взглядов старых и новых участников интеграции на конечные цели существования союза и методы их достижения. Сходство уровней экономического развития, интенсивность торговых связей, потоки инвестиций, — все это не будет играть большого значения, если точки зрения на смысл союза у национальных государств различны. К примеру, особый путь избрала Великобритания, которая еще с момента вступления в ЕЭС определила для себя исключительную роль и продолжает придерживаться этой политики до сих пор.

По мере развития интеграции круг вопросов, которые решаются на наднациональном уровне, расширился. Национальные правительства подчиняются коллективной воле союза, в том числе интересам других, более развитых и сильных государств. Зачастую это довольно болезненный процесс, поскольку в общественном сознании укоренились некоторые традиционные функции государства. Но с определенной долей уверенности можно утверждать, что в последние 20 лет наднациональное начало в Евросоюзе резко усилилось.

Правительство ЕС добилось серьезных успехов: проводится общая экономическая политика, была введена единая европейская валюта и создано Шенгенское пространство, функционирующие почти на всей территории союза за несколькими исключениями, широкую известность получил Европол — ведущее полицейское ведомство союза, появился институт европейского гражданства, был подписан и ратифицирован аналог Конституции — Лиссабонский договор.

Постепенно вырисовывается облик Евросоюза, как глобального политического игрока.

Хотелось бы отдельно отметить, что в настоящее время Евросоюз переживает двойной кризис, вызванный, с одной стороны, замедлением интеграционных процессов в связи с присоединением стран ЦВЕ, и с другой, — затянувшимся финансово-экономическим мировым кризисом. Последнее расширение, начавшееся в 2004 году, беспрецедентно по своим масштабам и по сложности процессов интеграции, существенно отличается от предыдущих по количественным и качественным характеристикам. Положение осложняется тем, что даже страны ЕС-15 не могут эффективно противостоять глобальным экономическим трудностям. Греция является самым ярким примером несостоятельности национального правительства в борьбе с угрозами, подрывающими социально-экономическое положение страны.

Однако официальная позиция европейского правительства представляется довольно оптимистичной: было принято решение совместно бороться с вызовами времени, оказывать соответствующую помощь пострадавшим национальным государствам, проводить жесткие, зачастую принудительные изменения там, где необходимо и использовать сложившуюся ситуацию во благо организации.

Список литературы:

1. Расширение Европейского Союза и Россия / Под ред. О.В. Буториной, Ю. А. Борко. — М.: Издательский Дом «Деловая литература», 2006. — 568 с.
2. Ян Э. Национализм в поздне- и посткоммунистической Европе. В 3-х томах. Том 1: Неудавшийся национализм многонациональных и частичных национальных государств. — М.: Росспэн, 2010. — 432 с.

1.3. СОЦИОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛИТИКИ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК РЕЗУЛЬТАТ ПРОЦЕССА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Руткаускайте Марите Викторасовна

аспирант, Пермский государственный университет, г. Пермь

E-mail: rut-marite@yandex.ru

Вопрос о механизмах формирования политической идентичности в значительной степени становился импульсом развития всей теории политической идентичности, и в настоящее время вызывает немало споров, являясь темой многих научных дискуссий. Исследование политической идентичности начинается в европейской и американской политической науке с середины XX века. Активное исследование, в том числе и в российской политической науке, данного феномена наблюдается с начала 1990-х годов, так как современность, с ее глобализацией, информатизацией и прочими сопутствующими элементами, вкладывает новые смыслы в понятие политическая идентичность.

Большинство исследований данной тематики начинаются с фиксирования кризиса идентичности в мире, который возникает из-за многозначности современного мира, государства в мире и человека в государстве.

Если обратиться к истории возникновения проблемы, то можно сказать, что древнегреческие мыслители решение проблемы самоопределения нации видели в «языково-культурном» принципе самоидентификации: «всякий, кто говорит по-гречески, — эллин, всякий, кто говорит на ином языке и придерживается иных обычаев, - варвар» [5, с. 6].

Сильная власть короля, огромное влияние церкви, формирование национальных государств в средневековый период создали у европейцев мощную подданническую идентичность, основанную на вере в определенную миссию человека, данную Богом и закреплённую королем.

В период эпохи Возрождения появляются первые смуты в сознании четкости предначертанной идентичности. Как отмечает З. Бауман, с этого времени у мыслящих людей появляется свобода «творить самих себя», самосовершенствоваться, но это совершенно не

означало постоянное движение и неопределенность. Размытие четкости идентичности продолжилось в период распада сословий и появления классов, в связи с необходимостью постоянного соответствия жизни стандартам класса. Получается, что существенными ограничителями идентичности того периода были «класс» и «пол» [1].

Современность привнесла в человеческую жизнь возможность выбирать индивидуальные траектории, вне зависимости от класса, сословия, пола и других возможных ограничителей.

Проблема идентичности настоящего времени по мнению З.Баумана заключается в «выборе наименее рискованного поворота на ближайшем перекрестке, в изменении направления до того как местность впереди окажется непроходимой, или изменится схема дорог, или же пункт назначения переместится в другое место, а то и просто потеряет прежнюю привлекательность» [1]. В этом смысле логичным представляется мнение ученого, что «вместо разговора об идентичностях <...> уместным <...> выглядело бы исследование идентификации, никогда не заканчивающейся, всегда незавершенной, неоконченной» [1]. Таким образом, изучение неоднозначного результата, а именно идентичности в определенной точке времени, по мнению ученого, является для современной науки не актуальным знанием, важнее анализировать процесс формирования идентичности, так как в эпоху современной «модернити» люди настолько неуверенны в своем положении в общественных отношениях, что всячески пытаются найти ту окончательную идентичность, которой нет.

Тема постоянно развивающейся идентичности находит свое продолжение и в трудах И.С. Семенов: «Как система социально значимых ориентиров «узнавания» себя идентичность постоянно находится в процессе становления и переосмысления своих характеристик. Но в информационном обществе, в мире многоуровневой взаимозависимости социальных субъектов и индивидов сами референтные ориентиры становятся все более неопределенными, размытыми и изменчивыми. Они подвержены влиянию стремительно растущих потоков информации и сами формируют пространство информации и коммуникации» [4].

В.В. Лапкин совместно с И.С. Семенов отмечают, что «существенные изменения в социальной идентичности и ее составляющих, с одной стороны, являются следствием экономических, политических и культурных процессов, а с другой — сами приводят к значимым общественным трансформациям» [2].

Таким образом, политическая идентификация в современном обществе представляет собой постоянный процесс по соотносению себя с политической системой, выработки политических ценностей и установок, а политическая идентичность, становится неуловимым результатом политической идентификации, возможность зафиксировать который было бы реально с помощью «фотографии» общества.

Рассмотрев характеристики политической идентификации, автор предлагает обратиться к теоретической модели. Данная теоретическая модель не является авторской разработкой, скорее актуализацией ранее созданных социологической и психологической науками моделей.

Действительно, граней развития теории политической идентичности достаточно много, но представляется возможным сузить ее рассмотрение путем выделения взаимосвязи теорий политической идентичности и политической социализации, берущую свое начало именно из социологии и психологии.

Стоит отметить, что К. Юнг отождествлял идентификацию с обретением «самости» в процессе социализации, которая длится всю жизнь индивида.

Перефразируя З. Фрейда, социализация является процессом идентификации с отцом, неким разрешением Эдипова комплекса. Таким образом, сексуальные импульсы индивида сублимируются в социально приемлемые формы.

О.В. Попова фиксирует, что в социологической литературе под идентификацией обычно понимают «один из механизмов социализации личности, с помощью которого приобретаются или усваиваются нормы, идеалы, ценности роли и моральные качества представителей социальных групп, к которым принадлежит данный индивид» [3, с. 2].

Понимая под политической идентификацией механизм политической социализации, точнее один из процессов политической социализации, который преобразует процесс направленной и стихийной политической социализации в некий законченный результат, называемый политической идентичностью, автор статьи также поддерживает понимание социологической взаимосвязи между указанными политическими процессами и результатами.

Политическая социализация индивида состоит из двух видов процессов: внутренних и внешних. Внешние процессы характеризуются соотношением направленности или стихийности политической социализации, а также вертикальными или горизонтальными связями в ее осуществлении. Внутренние же

процессы представляют собой взаимозависимые процессы познания и идентификации, результатом которых является некая политическая идентичность, которая в каждый момент времени может быть различна. Внешние процессы, берущие свое начало из «среды» или из самой «политической системы», определенно, влияют на внутренние процессы, происходящие на уровне индивида.

Агенты политической социализации, такие как семья, друзья, школа, СМИ и т. д., провоцируют внешние процесс политической социализации, которые могут быть как направленными, так и стихийными. Следовательно, каждый агент политической социализации вносит свой вклад в развитие внутренних процессов политической социализации индивида, определенным образом влияя и на характер процесса познания и на качество процесса идентификации.

В стабильных системах существует некий баланс между направленными и стихийными процессами политической социализации, основанный на качественных горизонтальных связях политической социализации. Между тем, в переходных политических системах такого баланса нет. Вследствие чего преобладает то стихийный процесс, привнося в политическую систему элементы дисбаланса и «смуты», либо тотально направленный процесс, вызывающий большее отторжение, нежели поддержку политической системы.

Таким образом, анализ политической идентичности возможен как срез процесса политической социализации в определенной точке времени, рассматривая его внешние и внутренние процессы.

Список литературы:

1. Бауман З. Идентичность в глобализирующемся мире. URL: <http://www.tovievich.ru/book/print/155.htm> (дата обращения: 09.01.2011).
2. Лапкин В. В., Семененко И. С. Нет развития без самопознания. Независимая газета. 30.03.2010 URL: http://www.ng.ru/scenario/2010-03-30/9_development.html (дата обращения: 19.01.2011).
3. Попова О.В. Политическая идентификация в условиях стабильности и трансформации общества. Автореф. дисс. канд. пол. наук. — СПб, 2002. — 24 с. С.2
4. Семененко И.С. Культурные факторы и механизмы формирования российской национально-цивилизационной идентичности на рубеже XXI века // Полис. — 2004. — №1. URL: <http://www.politstudies.ru/N2004fulltext/2004/1/22.htm> (дата обращения: 11.11.2011).
5. Феоктистов И. На переломе, в поисках себя. От редакции // Хантингтон С. КТО МЫ?: Вызовы американской национальной идентичности. Пер. с англ. А. Башкирова. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. — 635 с., С.6

СЕКЦИЯ 2.

СОЦИОЛОГИЯ

2.1. МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ВОПРОСОВ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ

Сараева Ольга Валерьевна

к. соц. н., доцент КИ РГТЭУ, г. Казань

E-mail: olgasaraeva2010@yandex.ru

Социологический подход к изучению трудовой миграции населения включает:

Позитивистский подход связан со стремлением вскрыть объективные закономерности миграций с целью оценки их социальных последствий и определения эффективности управленческих мер. Суть этого подхода состоит в том, что миграционное поведение каждого отдельного индивида или семьи рассматривается как результат индивидуального выбора, зависящий от целого ряда факторов — географических, экономических, экологических. Характерным примером данного подхода могут также служить работы М. Тодаро [7, с. 361—402]. В основе этого подхода лежит теория рационального выбора и отводится довольно значимая роль индивидам в принятии решения о миграции, но не рассматривается воздействие внешних по отношению к индивиду обстоятельств на его индивидуальный выбор. Важнейшим мотивом миграционного поведения позитивисты рассматривают заинтересованность индивида или семьи в улучшении своего положения, и, прежде всего, в повышении дохода.

Большое внимание вопросам исследования миграции уделяли теоретики Чикагской школы Р. Парк, Э. Берджес и Р. Маккензи [6, с. 215], обосновавшие идею о том, что миграция зачастую выступает как показатель и ускоритель социальной мобильности.

Методология *структурного функционализма* ориентирована на исследование детерминирующих миграции социальных факторов в их системно-функциональном единстве (Т. Парсонс). Миграции насе-

ления оказывает влияние на длительные социальные трансформации, происходящие в общностях людей, и, таким образом, выполняют устойчивые социально значимые функции либо вызывают дисфункциональные состояния (Э. Дюркгейм). В соответствии с теоретическим подходом Р. Мертона, социальные функции миграций также могут быть классифицированы как явные и латентные.

Системный и функциональный подходы рассматривают миграцию населения как серию явлений взаимодействия людей друг с другом или серию явлений, происходящих в организации и структуре групп, изменяющих отношения между людьми или же отношения между составными элементами общества.

Отдельно выделяют *конфликтологический подход* к исследованию миграционных процессов. Яркий представитель данного подхода российский конфликтолог А.В. Дмитриев. Конфликт, связанный с миграцией, рассматривается как взаимодействие двух основных участников: постоянных жителей и мигрантов. В данный конфликт зачастую вмешивается власть, как третий участник. Суть конфликта — в восприятии участниками поведения друг друга, как ущемления своих материальных и духовных устремлений [1, с.23].

Ассимиляционная теория (Гордон [2, с. 54], Хандлин [3, с. 45] и др.) основывается на принципе однолинейности процесса адаптации иммигрантов к обществу страны въезда. Ассимиляционная теория есть частный случай более общей функционалистской парадигмы в социологии, применяемой к вопросам иностранных меньшинств.

Теория социального действия в ее «понимающих» (М. Вебер), системно-структурных (Т. Парсонс) традициях и более современных концепциях *феноменологической* (А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман) и этнометодологической (Г. Гарфинкель) интерпретации социальной реальности позволяет отрабатывать различные модели социального взаимодействия в ситуациях контактов «место — мигранты», эффективно используя при этом инструментальность качественных методов.

Бихевиористский подход. В качестве предмета исследования берется поведение индивидов, которые испытывают на себе влияние среды и под этим влиянием происходит формирование новых образцов поведения.

Структурный подход, здесь судьба людей рассматривается в зависимости от условий, в которых они оказываются. Каждый человек испытывает на себе влияние различных структур, которые определяют его образ жизни: социальной, экономической, политической, информационной и др. Определенные структуры «вытесняют» их из родных краев в стремлении к более достойной жизни.

Теория социальных изменений дает основание рассматривать миграционные процессы как атрибут социальной реальности, как однородные серии актов социального взаимодействия, приводящих к изменениям социально-функционального и социально-структурного характера и, таким образом, исследовать и более полно интерпретировать социальные функции миграций.

Концепция «притяжения—выталкивания», которая позволяет рассматривать миграцию как функцию относительной привлекательности стран выезда и въезда, а наличие препятствий, возрастающих с увеличением расстояния между этими странами, в качестве ограничения миграционных процессов.

Миграционная система связей (сетей) или теория «миграционной цепи». К сетевой теории имеет прямое отношение широко известная на Западе и в нашей стране *концепция социального капитала*. Экономист Гленн Лоури [5, с. 153-186] применил концепцию социального капитала для установления набора нематериальных ресурсов в семьях и сообществах, которые способствуют социальному развитию молодых людей.

Сетевая гипотеза теории социального капитала заключается в следующем утверждении: люди, которые социально связаны с текущими или прошлыми мигрантами, имеют доступ к социальному капиталу, который значительно увеличивает вероятность того, что сами они станут мигрантами.

Теория жизненных сил, индивидуальной и социальной субъектности. В рамках данной теории миграция является результатом взаимодействия социального пространства и жизненных сил, вследствие которого складываются новые потребности, что в свою очередь активизирует индивидуальную и социальную субъектность личности, а также средством, с помощью которого осваивается оптимальное социальное пространство для реализации жизненных сил.

Теория рационального выбора превратилась в один из ведущих подходов в социологии миграции. Наиболее важные черты, характеризующие подход рационального выбора это возможные перспективы. Теория рассматривает социальное взаимодействие в процессе социального обмена и не исключает важность экономической составляющей при принятии решения. Ядром теории рационального выбора является субъективная модель ожидаемой полезности [4, с. 585—605].

Теория совокупной причинной обусловленности заключается в том, что каждый акт миграции изменяет социальный контекст, в пределах которого последующие перемещения людей становятся более вероятными. Выводы данной теории состоят в том, что:

происходит социальное расслоение профессий на «иммигрантские» и для местного населения; с течением времени, даже при значительной внутренней безработице, правительство не в состоянии сократить трудовую миграцию и начать принимать на работу коренное население на места, ранее занимаемые иммигрантами, т. к. произошло изменение ценностей у своих рабочих, которые отказываются от «иммигрантских» рабочих мест.

В рамках социологии доминируют два основных подхода к трактовке процессов миграции.

Во-первых, изучается роль миграции в изменении социальной стратификации общества. В центре анализа обычно находятся отдельные страны, и миграционный поток рассматривается не полностью, а только в той части, которая затрагивает элиту общества (сюда относят и высококвалифицированных специалистов). Обосновывается это тем, что именно перемещение элиты генерирует и воспроизводит социальные слои, наиболее активные в политическом и экономическом отношении. Это утверждение согласуется с концепцией новой экономики миграции, предполагающей, что решения о перемещениях принимают наиболее активные и продвинутые семьи.

Во-вторых, используют личностный социальный подход, при котором выявляются побудительные социальные причины миграции и ее последствия для конкретной личности.

Список литературы:

1. Дмитриев А.В. Миграция: конфликтное измерение. — М.: Альфа—М, 2007. с. 176.
2. Gordon M.M. Assimilation in America: the theory and reality// The ethnic factor in American politics. — Columbus, 1970. P. 204.
3. Handlin O. Race and nationality in American life. — Englewood Cliffs, 1957. P. 322.
4. Haug, Sonja (2008) 'Migration Networks and Migration Decision—Making', Journal of Ethnic and Migration Studies, P. 622.
5. Loury G. A dynamic theory of racial income differences // Women, minorities, and employment discrimination. / Eds. P. Wallace, A. LaMond. — Lexington, Mass: D.C. Heath & Company. — 1977. — P. 286.
6. Park R., Burgess E, McKenzie R The City. Chicago, 1925. P. 515.
7. Todaro M. Internal migration in developing countries: a survey // Population and economic change in developing countries. / Ed. R. Easterlin. — Chicago: University of Chicago Press. — 1980. — P. 443.

2.2. СОЦИОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ЗАМЕЩАЮЩИХ СЕМЕЙ, НА ПРИМЕРЕ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Безрукова Анна Николаевна

*старший преподаватель кафедры психология
Волгоградского государственного университета, г. Волгоград
E-mail: anne4ka@mail.ru*

Палкина Татьяна Сергеевна

*старший преподаватель кафедры психология
Волгоградского государственного университета, г. Волгоград
E-mail: kachucha@mail.ru*

Поддержана грантом РГНФ 11-13-34008 а/В

Жизнеустройство детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, является актуальной проблемой для нашего государства. Это связано с тем, что увеличение детского сиротства в России за последние годы приобрело угрожающие масштабы. В РФ сегодня более 697 тысяч детей-сирот, у большинства из которых есть родители, но они либо лишены, либо ограничены в родительских правах. Эти показатели в 4-5 раз выше, чем в Европе или США. В Волгоградской области их на 2010 год зарегистрировано около 10 тыс. сирот.

С принятием в 2003 г. социальной подпрограммы «Дети-сироты» все больше усилий государство прилагает к тому, чтобы сохранить ребенка в биологической семье и предотвратить его передачу на воспитание в государственные учреждения. Если же, по каким-либо причинам, проживание ребенка в биологической семье становится невозможным, предпочтение отдается замещающей семье.

Правовую основу организации и осуществления деятельности по опеке и попечительству составляют Конвенция ООН о правах ребенка, Конституция РФ, Гражданский кодекс РФ, Семейный кодекс РФ от 29 декабря 1995 г. N 223-ФЗ (в ред. Федерального закона от 21.07.2007 N 194-ФЗ.), Федеральный закон от 24 июля 1998 года № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», Федеральный закон от 21 декабря 1996 года № 159 ФЗ «О

дополнительных гарантиях по социальной защите детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», Федеральный закон РФ «Об опеке и попечительстве» от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ. (по состоянию на 02.08.2009. в ред. ФЗ № 178-ФЗ от 18.07.2009) Федеральный закон от 16 апреля 2001 года № 44-ФЗ «О государственном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей», Гражданским кодексом РФ, Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», закон Волгоградской области N 1558-ОД от 15 ноября 2007 года (в ред. от 28.03.2008 N 1649-ОД, от 13.07.2009 N 1909-ОД, от 30.03.2011 N 2166-ОД) [5] и иные федеральные законы и нормативные правовые акты Российской Федерации и Волгоградской области.

Необходимо учитывать и тот факт, что штатная численность специалистов органов опеки и попечительства по федеральному закону определяется из расчёта 1 специалиста на 5000 детского населения. Доктор психологических наук Г.В. Семья указывает, что в ряде регионов на основании местных законов устанавливается иная норма. Например, в республиках Алтай, Калмыкия и Магаданской области — на одного специалиста должно приходиться 3 тыс. детского населения; в городе Воронеже — 10 тыс.; в Ростовской области нормой считается один специалист на 10 тыс. детского населения, но не менее трех на муниципалитет.

По норме кадрового обеспечения органов опеки и попечительства в Московской области положено не менее одного специалиста на 5 тыс. детского населения в городе и не менее одного — на 3 тыс. в сельской местности, а также дополнительно один специалист на 100 детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Не меньше вопросов у ученых и практиков (Семья Г.В., Иванова Н.И др.) вызывает введение с 2006 г. трехуровневой системы органов местного самоуправления: муниципальное поселение, муниципальный район, городской округ [5]. На них возложены функции по опеке и попечительству и содействию в установлении опеки (Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»). В законе не ясен порядок распределения полномочий между регионом и муниципальными образованиями. Это, в свою очередь, может приводить к нарушениям прав несовершеннолетних. Например, в связи с изменениями, внесенными в ст. 150 СК РФ, на органы государственной власти субъектов РФ возложена обязанность законодательного установления порядка и размера денежных средств, ежемесячно выплачиваемых опекуну (попечителю)

на содержание ребенка. Несмотря на требования ст. 153 ФЗ № 122 (о недопустимости снижения размеров выплат по сравнению с размерами выплат, действовавшими до 31 декабря 2004 г.) в ряде регионов уменьшился объем пособия опекунам, попечителям, приемным родителям.

Выделяют несколько форм жизнеустройства детей: усыновление; опека (попечительство); приемная семья и временные формы передача детей на патронатное воспитание или в семейно-воспитательные группы (СВГ). Каждая из этих форм имеет свои особенности, достоинства и недостатки. Как показал опрос специалистов органов опеки (48 человек) наиболее эффективной формой устройства является усыновление, т. к. ребенок получает все права, что и родной ребенок, за него не выплачивается пособий, он получает фамилию родителей и имеет право на наследство.

В настоящее время одной самых распространенных форм жизнеустройства является опека, которая, в свою очередь, подразделяется на возмездную и безвозмездную. Приемные родители и патронатные воспитатели получают небольшую заработную плату, становясь сотрудником отдела опеки и попечительства. Вознаграждение патронатного воспитателя, в соответствии с законом по Волгоградской области № 1144-од от 12 декабря 2005 г. «О наделении органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, по выплате вознаграждения за труд, причитающегося приемным родителям (патронатному воспитателю), предоставлению приемным родителям мер социальной поддержки», устанавливается в размере 4472 рублей на одного ребенка, увеличенном на 20 процентов за специфику работы. Спецификой патронатного воспитания является то, что ребенок может быть передан на патронатное воспитание на срок не более чем три года по закону Закон Волгоградской области № 2020-од от 30 марта 2010 года «О патронатном воспитании в волгоградской области». Это является одной из причин, почему администрация предпочитает установлению над ребенком опеку. Но не смотря на это, с каждым годом заметна динамика в увеличение приемных семей, как показано на столбиковой диаграмме (по данным ежегодного отчета администрации Волгограда и Волгоградской области).

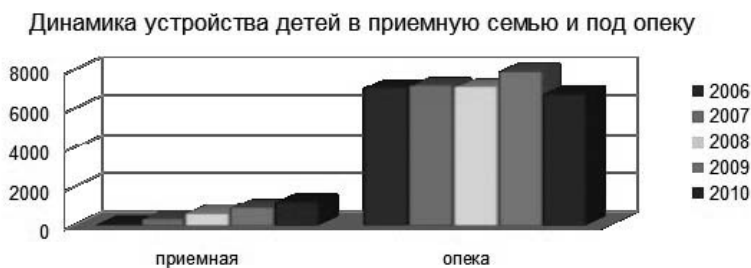

Рисунок 1. Динамика устройства детей в приёмную семью и под опеку

Кроме того, проблемы эффективного жизнеустройства связаны еще и с материальным обеспечением детей-сирот. С одной стороны, государство создает условия для успешной социализации детей, выплачивая различные виды пособий в помощь замещающим родителям. По постановлению Правительства Российской Федерации от 30.12.2006 г. № 865 утверждено Положение «О назначении и выплате государственных пособий гражданам, имеющим детей», в соответствии с которым, гражданам Российской Федерации, взявшим на воспитание в семью (усыновлении, установлении опеки (попечительства), передаче на воспитание в приемную семью) выплачивается единовременное пособие в размере 8000 рублей.

В соответствии со статьей ФЗ РФ от 29 декабря 2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» при усыновлении, выплачивается единовременное пособие с учетом индексации на каждого усыновленного ребенка в размере 13186,61 руб. Кроме того, те, кто усыновил второго и последующих детей, начиная с 01.01.2007, получают право на использование материнского (семейного) капитала в размере 343 378,8 руб. Все остальные формы семейного устройства выплаты материнского капитала не предполагают.

Одной из особенностей Волгоградской области и г. Волгограда, по данным экспертного опроса, является то, что на 1 специалиста органов опеки и попечительства приходится 5 тысяч детей. Рекомендуемые нормативы — один специалист на 2,5 тысячи.

На телеканале Волгоград—ТРВ в сюжете «В Волгоградской области выявлено около тысячи нарушений прав детей-сирот» от 25.05.2011 Н. Гордеева говорит о том, что «Волгоградская область — один из немногих регионов страны, где 300 детей-сирот вообще потерялись — органы опеки не располагают сведениями об их местонахождении. И совсем немислимое — в очереди на получение

жилья значатся выпускники детских домов, которых уже нет в живых. Зато живые — годами судятся с местными администрациями». Всего же по результатам проверки в суд направлено 500 исковых заявлений, внесено 101 представление, опротестовано 37 незаконных правовых актов. И возбуждено 2 уголовных дела — по факту жестокого обращения с детьми [4].

Однако говорить об эффективности решения данной проблемы не представляется возможным без учета специфики региона, в котором происходит работа органов опеки и попечительства по жизнеустройству детей-сирот в замещающие семьи.

Волгоградская область занимает площадь 112,9 тыс. км². Население области по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года составляет 2611156 человек.

С севера на юг и с запада на восток область протянулась более чем на 400 км. Общая протяжённость границ области составляет 2221,9 км. В состав области входят 33 района (Алексеевский, Быковский, Городищенский, Даниловский, Дубовский, Еланский, Жирновский, Иловлинский, Калачевский, Камышинский, Киквидзенский, Клетский, Котельниковский, Котовский, Кумылженский, Ленинский, Михайловский, Нехаевский, Николаевский, Новоаннинский, Новониколаевский, Октябрьский, Ольховский, Палласовский, Руднянский, Светлоярский, Серафимовичский, Среднеахтубинский, Старополтавский, Суровикинский, Урюпинский, Фроловский, Чернышковский) и 6 городов областного значения (Волгоград, Волжский, Камышин, Михайловка, Урюпинск, Фролово).

Такое географическое положение создает трудности для работы органов опеки. Например, город Котово Котовского района находится на расстоянии 235 км до Волгограда. Кроме города на территории района расположено 25 сельских населенных пунктов (села: Костино, Купцово, Моисеево, Мокрая Ольховка; хутор Попки и др.).

Так, например, площадь Жирновского района составляет 2,97 тыс. км². Сам г. Жирновск удалее от Волгограда на 348 км. В его состав входят 1 город и 34 сельских населенных пункта (поселки: Линево, Красный Яр, Медведицкий; села: Александровка, Кленовка, Нижняя Добринка и др.). Камышинский район занимает 3,56 км². Районный административный центр находится в городе Камышине на расстоянии 180 км. до Волгограда. На территории района расположены города Петров Вал и 52 сельских населенных пункта (села Верхняя Добринка, Воднобуерачное, Костарево, Лебяжье, Нижняя Добринка, Петрунино, Семеновка, Соломатино, Таловка, Терновка, Умет и др.).

Для эффективной работы специалистам необходимо посещать с плановыми и не плановыми проверками замещающие семьи, для этого требуется транспорт и время. Такие же трудности касаются специалистов органов опеки и попечительства во всех других районах Волгоградской области. Тем более говорить об оперативном вмешательстве и решении возникших в семьях экстренных проблем не приходится. В некоторых районах данная проблема решается за счет введения системы общественных инспекторов, которые заключают договор с органами опеки и производят оценку жизнеустройства детей согласно месту проживания. Таким инспектором чаще всего становятся учителя сельских школ.

Отдельно хочется отметить отношение общества к замещающим семьям. Соседи, учителя, часто ближайшее окружение не понимают таких родителей и не принимают приемных детей как полноценных членов общества.

Проблема принятия детей, оставшихся без попечения родителей является очень давней. В социологических исследованиях получила название «социальное презрение» (Беляков В.В., Заводилкина О.В. и др.) [1]. Дети не принимаются обществом, к ним приклеиваются ярлыки, социальные стереотипы.

Приемных родителей часто обвиняют в том, что они зарабатывают на детях, жестко с ними обращаются. В школах к таким детям учителя часто относятся предвзято, если что-то случилось, то в первую очередь подозрение падает на приемного ребенка. Прежде всего, это связано со стереотипом, который существует относительно сирот: у детей плохая наследственность.

Наше поведение формирует их ответную реакцию, учитель, сосед, просто прохожий уже предполагает, что ребенок будущий правонарушитель, и ведет себя с ним соответствующим образом. Одним из показателей адаптации является то, что человек способен действовать, предвосхищая ситуацию. В данном случае ребенок начинает поступать так, как от него ждут, совершать зачастую социально не одобряемые поступки.

Ребенок, попав в приемную семью, становится ее членом. Но часто общество мешает адаптации такого ребенка. Проводя исследование, мы столкнулись с проблемой, что одной из причин срыва в адаптации приемных детей, а именно потеря контакта с приемными родителями происходит из-за некорректного поведения учителей. Со слов приемных родителей их детям приходится слышать фразы: «А ты приемная?», «Сколько лет в детском доме провела?».... Если что-то случается в классе, в котором есть приемный ребенок, то

зачастую, наказывают именно его без анализа сложившейся ситуации. В последующем происходит нарушение адаптации, особенно если случаи неоправданного наказания повторяются. Дети начинают поступать так, как раньше не поступали. «Что делай, что не делай, наказание все равно получишь» — так рассуждает ребенок. Успеваемость падает, что свидетельствует о плохой адаптации, а родители не могут помочь ребенку (на это указывают 72% опрошенных, нами было опрошено 340 семей).

В одном из случаев приемная мать, которая воспитывала ребенка 10 лет (ребенок не знал, что он приемный) потеряла контакт с ним из-за замечания учителя в его адрес, что он приемный. Таким образом, ранее благополучный ребенок, стал не управляемым.

Непринятие детей учителями связано с тем, что они отличаются от сверстников тем, что отстают зачастую в развитии.

Соседи и другое окружение часто вмешивается в процесс воспитания детей, особенно если это приемные дети. В случае если у них есть обязанности по дому, то соседи могут говорить, что ребенка эксплуатируют, если обязанностей нет, то родители не справляются с обязанностями.

Многие соседи пишут жалобы в местные органы опеки и администрацию города, села. На каждую жалобу специалисты обязаны реагировать и проверять семью. Приемные дети испытывают постоянный страх быть изъятными из семьи, что также негативно сказывается на адаптации и социализации детей. Прежде всего, ребенок с недоверием относится к окружающему миру, что становится причиной недоверия к себе, заниженной самооценки. Плюс родители не знают как себя вести, с одной стороны, если предъявлять те же требования к приемному, то общество оценит это как эксплуатацию и жестокое обращение, с другой, если этого не делать, это также оценивается негативно. Даже если приемный ребенок становится родным для родителя, то для общества он остается приемным.

Отношение общества очень трудно изменить, это связано и с тем, что сами приемные родители зачастую не принимают детей, которых взяли на воспитание. Одной из возможных форм работы с обществом является информирование о специфике таких семей, об особенностях детей и об эффективности замещающих семей.

Психологами выделяется несколько этапов в принятии ребенка в новую семью: «медовый отпуск», «уже не гость», «вживание», «стабилизация» [6]. На наш взгляд, принятие ребенка, прежде всего,

зависит от мотивации родителей. Считается, что замещающая семья лучше, чем детский дом, это справедливо для большинства случаев.

Взяв к себе ребенка, предполагается, что новый родитель будет относиться к нему как к родному. В этом случае процесс развития, социализации будет происходить в соответствии с нормой. При проведении интервью с родителями мы столкнулись с тем, что у многих преобладает потребительское отношение к детям, по их мнению, государство обязано обеспечивать и помогать им за то, что они взяли «чужих детей»: «Я теперь должна тащить на своей шее чужих детей», «Нам обязаны давать льготы на жилье, выдавать учебники. Они же у нас приемные», «У меня своих 3, этих еще 3», «А когда будет прибавка к пособию и зарплате?». Вот с чем сталкиваются специалисты, да и сами дети в реальности. Ребенок так и остается чужим в новой семье. В этом случае, основным мотивом этих родителей был материальный интерес или жалость (из анкет родителей и опроса специалистов органов опеки).

Сами специалисты говорят о том, что данный мотив преобладает, он подкрепляет желание родителей воспитывать чужих детей, хотя иногда он становится ведущим. Для того чтобы материальный интерес не был на первом месте, проводятся школы приемных родителей и первичный отбор кандидатов в приемные родители. Сложность создания школ по Волгоградской области заключается в том, что слишком большая площадь, мало специалистов (на одного специалиста приходится по 48 семей в районе).

При отборе кандидатов специалисты органов опеки основываются на федеральном законе от 27.06.1998 № 94-ФЗ согласно, которому приемным родителем может стать любой совершеннолетний. В законе прописано также кто не может быть усыновителем, опекуном: недееспособные, судимые, имеющие различные заболевания, которые будут мешать воспитанию ребенка. Кандидату необходимо собрать ряд документов на усыновления, опеку, патронат. По мнению специалистов, процесс сбора документов также указывает на заинтересованность взять и воспитать ребенка. Предполагается, что кандидат проходит специальное психологическое обследование и медицинское. Собрав все документы, кандидат проходит собеседование со специалистом из органов опеки.

В компетенцию специалистов органов опеки и попечительства включены следующие направления деятельности по охране прав детей: выявление, устройство и контроль за условиями жизни детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей; подготовка материалов и участие в судебных заседаниях; организация работы

с гражданами, желающими стать опекунами, попечителями, приемными родителями или усыновителями; предварительное рассмотрение споров, связанных с воспитанием детей; подготовка предварительных разрешений на сделки с их имуществом, а также контроль за охраной их имущественных прав и т. д.

В этом случае уместно говорить об особых требованиях предъявляемых к специалистам. Около 90% опрошенных считают, что специалисты должны обладать психологическими знаниями, педагогическими, юридическими, но самое главное должен быть стаж работы, а средний возраст от 35 до 45 лет.

Специалистов для органов опеки и попечительства практически не готовит ни один вуз страны, хотя минимальная потребность в них, по мнению Г.В. Семьи, составляет порядка 6500 человек (исходя из численности детского населения и нормы 1:5000). Обучение сводится к краткосрочным курсам повышения квалификации, на которых знакомятся с нормативно-правовой базой, разбирают наиболее сложные случаи из практики. В минимальном объеме представлен педагогический и психологический блоки.

При подготовке специалистов важно учитывать, какие трудности они могут испытать при работе с семьями. Специалист должен суметь на консультации дать и психологическую, и педагогическую, и юридическую информацию. Важной встает разработка программы для подготовки специалистов, которая учитывала бы всю специфику работы с семьей, с возрастом приемных детей, особенностей местности, в которой семья проживает.

Опрос специалистов показал, что требуется систематизация имеющегося положительного опыта профилактической и реабилитационной работы с детьми группы риска в системе общего и дополнительного образования. Это позволит выявить наиболее эффективные профилактические программы, так как именно эта категория детей часто оказывается не включенной в системную профилактическую работу (87% опрошенных специалистов).

Список литературы:

1. Беляков В.В. Сиротские детские учреждения России. — М., 1993.
2. Битянова М.Н. Организация психологической работы в школе — М.: Совершенство, 1997. — 298 с.
3. В Волгоградской области выявлено около тысячи нарушений прав детей-сирот [электронный ресурс] — Режим доступа. — <http://www.volgograd-trv.ru/news.aspx?id=15154&date=25.5.2011>

4. Иващенко Г.М., Плоткин М.М., Ширинский В.И. Содержание и организация социально-педагогической работы в учреждениях социальной реабилитации детей и подростков. — М., 1994.
5. Информационно-правовой портал ГАРАНТ. — [электронный ресурс] — Режим доступа. — <http://www.garant.ru/hotlaw/volga/>
6. Мельников В.П., Холостова Е.И. История социальной работы в России. — М., 2001

ДИАГНОСТИКА КАРЬЕРНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ ПСИХОЛОГОВ

Жуина Диана Валериевна

к. психол. н., доцент МордГПИ, г. Саранск
E-mail: dianazhuina@yandex.ru

Статья подготовлена за счет средств Министерства образования и науки РФ в рамках АВЦП «Развитие научного потенциала высшей школы» (2009-11гг.) НИР 1.1.11 «Теоретическая модель развития профессиональной карьеры студента в процессе вузовского обучения»

Молодым специалистам при устройстве на работу все чаще приходится сталкиваться с рядом трудностей, одна из которых — сформированность карьерных компетенций. По своей сути, карьерная компетентность представляет способность четко осознавать собственный карьерный потенциал и в соответствии с ним эффективно выстраивать карьерный путь, преодолевая все возможные препятствия и затруднения [3, с. 235]. Для более успешного продвижения по карьерной лестнице, специалист должен иметь определенный уровень сформированности карьерных компетенций, т.е. набор определенных характеристик (знаний, навыков, личных качеств) кандидата, необходимых ему для успешного исполнения своих должностных обязанностей.

Проблема становления профессиональной карьеры выступает особенно актуальной на завершающем этапе вузовской подготовки, так как в период обучения в вузе происходит формирование карьерных компетенций у студентов, что в свою очередь отражается в специфике постановки карьерных целей и разработки планов, определяющих успешность карьерно — профессионального развития в целом. В связи с этим центральной задачей учебно-воспитательного процесса вуза

является диагностика карьерных компетенций будущих специалистов, позволяющая правильно спрогнозировать ситуацию карьерного роста, что дает возможность человеку реализовать свои способности, возможности и потребности.

Учитывая актуальность указанной проблемы, мы провели диагностику карьерных компетенций студентов факультета психологии и дефектологии ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный педагогический институт имени М.Е. Евсевьева». С этой целью нами был определен список необходимых компетенций, которыми должен владеть специалист-психолог, а также подобран комплекс диагностических методик. Основная задача — выявление компетенций, способностей, мотивации студентов-психологов для прогнозирования дальнейшего профессионального и карьерного развития. Таким образом, диагностический комплекс позволяет оценить профессионально важные качества студентов и сориентировать их на те должностные позиции и отрасли, где они будут наиболее востребованы и успешны [1, с. 262].

Для психолога крайне важно, чтобы были сбалансированы его профессиональные и личностные компетенции. Профессиональные компетенции состоят из так называемых *hard skills* — набора специальных знаний, умений, навыков; проявляются в отличном владении своей профессией и используемым в ней широким инструментарием. Например, знание современных техник и методов воздействия на психику людей, владение навыками психологического консультирования и т.д.

Личностные компетенции — *soft skills* — управленческие, коммуникативные навыки и деловые качества. Чем выше человек поднимается по карьерной лестнице, тем большую значимость приобретают эти характеристики: ответственность, инициативность, стратегическое мышление, системность, умение работать в команде, высокий уровень коммуникативности, адаптивность, гибкость, способность планировать, принимать решения, умение вдохновлять коллектив, организаторские наклонности [3, с. 284].

Этот набор многочисленных качеств можно структурировать в три основные группы:

1. «Управление задачами». В данную группу входят все навыки, помогающие принимать решения и доводить их до успешной реализации. У хорошего психолога должны быть хорошие аналитические способности, умение проводить взвешенный анализ рисков, определять преимущества, правильно распределять ресурсы. Чем выше уровень психолога, тем сильнее у него должно быть развито

стратегическое мышление, умение видеть картину проблемы в целом. Психологу нужны навыки прогнозирования, проработки разных сценариев развития.

2. «Управление отношениями». Это наиболее важная и вместе с тем сложная и интегративная группа компетенций. Центральное качество в ней — это лидерство, т.е. умение повести людей за собой, убедить, вдохновить и организовать общее движение к конкретной цели. Не менее важная компетенция — управление людьми, она складывается из навыков постановки задач, мотивации. Следующее значимое качество в этом блоке — управление коммуникациями: умение вести переговоры, соблюдать обязательства, решать конфликтные ситуации, строить долгосрочные отношения.

3. «Управление собой». Не будет преувеличением утверждение о том, что невозможно развить все вышеперечисленные компетенции без этой группы качеств. Одна из главных ее составляющих — так называемая эмоциональная компетентность: способность понимать собственные эмоции и управлять ими, стабильность в своих реакциях на те или иные события, эмпатия (понимание чувств другого человека, сопереживание ему). Важными качествами в этом блоке также выступают адаптивность, гибкость, стрессоустойчивость [2, с. 83].

Исходя из вышесказанного, были определены основные карьерные компетенции, необходимые для психолога и их индикаторы.

1. Системность мышления:

- структурирование информации, адекватное применение схем, алгоритмов;
- привлечение для анализа данных из разных источников;
- переработка большого объема разнородных данных.

2. Динамичность и гибкость мышления:

- отслеживание и решение разноплановых проблем одновременно;
- умение отличать главное от второстепенного;
- быстрое переключение при решении вопросов разных типов.

3. Презентационные навыки и умение вести переговоры:

- умение вызывать у собеседников благоприятное впечатление при первой же встрече; достижение своих целей в процессе общения;
- успешное взаимодействие с людьми, имеющими иную точку зрения, ценности и культурные особенности;
- способность точно формулировать вопросы и ответы.

4. Стрессоустойчивость:

- постоянное поддержание высокого тонуса;
- умение выдерживать значительные психологические нагрузки;
- способность долго сохранять высокую продуктивность.

5. Мотивация к достижениям:

- готовность в полной мере реализовывать свои способности для решения задач;
- стремление к получению наилучшего результата из всех возможных;
- достижение поставленных целей, несмотря на препятствия.

Проявляемые человеком поведенческие индикаторы карьерных компетенций можно изучить с помощью диагностического комплекса, состоящего из 5 блоков методик:

Первый блок — диагностика системного мышления. Позволяет выявить способность эффективно понимать системные закономерности, проводить синтез и анализ информации, представленной в схематическом виде. Осуществляется с помощью методики «Тест системного мышления» [4].

Второй блок — диагностика динамичности и гибкости мышления. Позволяет определить вариативность подходов, гипотез, исходных данных, точек зрения, операций, вовлекаемых в процесс мыслительной деятельности. С этой целью используются полифакторные вопросники ММРП-II и Кеттелла.

Третий блок — диагностика презентационных навыков и умения вести переговоры с помощью методики М. Швайцера.

Четвертый блок — диагностика стрессоустойчивости. Позволяет изучить устойчивость личности к воздействию стрессовых ситуаций. Осуществляется с помощью методики «Диагностика стрессоустойчивости личности» [5].

Пятый блок — диагностика мотивации. Позволяет определить основные мотивирующие факторы, побуждающие человека к работе. Выявить значимые условия труда, направленность на достижения, процесс/результат. С этой целью используется методика «Диагностика мотивационной структуры личности (В.Э. Мильман)».

Таким образом, с помощью диагностического комплекса, направленного на изучение карьерных компетенций студентов-психологов, можно определить не только уровень сформированности компетенций, но и на этой основе планировать карьеру будущих специалистов в той или иной сфере деятельности.

Список литературы:

1. Диагностика стрессоустойчивости личности [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.psychometrica.ru/index.php?hid=50&met_info=331
2. Жуина Д.В. Диагностика профессиональной карьеры студентов педагогического вуза // Акмеология : научно–практический журнал. — 2011. — № 3 — С. 260-262.
3. Жуина Д.В. Планирование развития карьеры студентов педагогического вуза // Гуманитарные науки и образование: научно–методический журнал. — 2011. — № 2 (6). — С. 82—85.
4. Могилевкин Е.А. Карьерный рост: диагностика, технологии, тренинг — СПб. — Из-во «Речь», 2007. —336 с.
5. Тест системного мышления [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL:<http://www.shl.ru/novosti/254-test-sistemnogo-myshleniya>

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В ОБРАЗЕ ЖИЗНИ

Рахимова Елена Александровна

*старший преподаватель кафедры социологии и политологии
Пермский национальный исследовательский
политехнический университет, г. Пермь
E-mail: leicers@mail.ru*

Физическая культура и спорт имеют в современных условиях высокую социально-экономическую значимость для общества в целом и для отдельного человека, т. к. занятия ими развивают, совершенствуют многие важные социальные, физические и психологические качества людей, оказывают прогрессивное влияние на формирование и гармоническое развитие и воспитание человека. Здоровый образ жизни, забота о себе и своей внешности — все это в наше время стало значимей. Возрастание ценностей жизни, здоровья, активного долголетия и реализации индивидуальности можно рассматривать как критерий социального прогресса общества.

В российском обществе спорт и физическая культура оттеснены на периферию общественной жизни. Как показывают исследования зарубежных социологов Бурдые П., Гидденса Э. [5, с. 447] спортивные достижения или неудачи определяют не только отношение к спорту, но и отношение к обществу, взрослому населению, своим сверстникам. Выявлено, что интеграция молодого поколения с обществом успешно

проходит в обществах «футбольной культуры» (Бразилия, Аргентина, Мексика).

Французский социолог Пьер Бурдьё считает, что одни люди все больше отличаются от других людей не уровнем дохода или профессией, а на основе предпочтений в области культуры и тем, как они проводят свой досуг. Создатели рекламы, торговцы, стилисты, тренеры, дизайнеры веб-страниц в Интернете и многие другие — все они оказывают влияние на культурные предпочтения и способствуют распространению определенных стилей жизни среди все более расширяющегося общества потребителей [1, с. 25].

Свободное время — главное условие приобщения людей к богатствам человеческой культуры, удовлетворения ими не только материальных потребностей, но и социальных, интеллектуальных, созидания человеком самого себя. Решающим фактором превращения свободного времени в источник развития творческих сил человека является его содержание, связанное с выполнением восстановительной, развлекательной, созидательной функцией [4].

Общество в историческом процессе развития выявило и определило ценности свободного времени, которые необходимы для дальнейшего социального прогресса. Общество заинтересовано в том, чтобы такого рода ценности, и в частности занятия физическими упражнениями, спортом, избирались и включались индивидом с личной добровольностью, в состав деятельности свободного времени.

Физическая культура, спорт — не просто одна из деятельностей, это деятельность, функциональные возможности которой связаны, прежде всего, с тем, что в ее рамках передается идея (определенным образом модифицированная) межличностных отношений в обществе. Физическая культура, спорт — материализация идеи образа жизни общества.

Под образом жизни понимают способ жизнедеятельности в материальной и духовной сферах жизни конкретного человека, комплекс наиболее существенных и типичных характеристик способа трудовой, общественной, бытовой, познавательной и другой сторон деятельности людей [2].

Мотивационно-ценностные компоненты образа жизни применительно к физкультурно-оздоровительной деятельности:

1. когнитивный компонент — полнота и прочность усвоения знаний (зачем нужны физическая культура и спорт), полнота овладения умениями, принятие знаний в области физического совершенствования на личностном уровне.

2. эмоционально-волевой компонент — эмоциональная устойчивость, преодоление трудностей, волевая регуляция поведения, отношение к режиму дня, вредным привычкам, собственному здоровью.

3. поведенческий компонент — стереотипы и установки сознания, ориентация на занятия физкультурно-спортивной деятельностью, время, затрачиваемое на занятия физической культурой в день или неделю, форма занятий.

4. образовательный компонент — обязанность родителей, педагогов, тренеров повышать образовательный уровень людей, помогать им выработать привычку поддержания высокого уровня физической активности, дать методики использования физических упражнений и др. Именно этот образовательный компонент и лежит в основе обучения, привития и формирования у подрастающего поколения основных принципов, форм и факторов здорового образа жизни.

Сфера физической культуры не отвечает возросшим потребностям общества, невысоки ее рейтинги в системе ценностей современного человека, культурно-значимый статус и имидж в обществе. Она на крайне низком уровне функционирует в основных сферах жизнедеятельности человека и общества.

В сфере непрофессионального физкультурного образования (дошкольного, школьного, вузовского) традиционно отмечается его низкая эффективность. У многих школьников и студентов, а в масштабах страны — у большинства населения недостаточен уровень здоровья, физического развития и физической подготовленности, имеет место физкультурная безграмотность, отсутствие потребностей в занятиях физическими упражнениями, освоении многообразных ценностей физической культуры.

Низкий уровень физкультурного образования во многом определил и слабое функционирование физической культуры в сфере трудовой деятельности. С одной стороны, большое количество теоретических разработок (особенно в 60-70-х гг. XX века), показывающих большую эффективность применения физических упражнений, физической культуры в сфере труда в самых разнообразных аспектах их взаимосвязей. С другой стороны, крайне низкое реальное использование ее оздоровительного, экономического и социального потенциалов в производственной деятельности. Попытки внедрить физическую культуру на производстве «натыкались» на непонимание ее значимости рабочими и служащими.

Не лучше обстояло и с состоянием физической культуры в сфере досуга. Несмотря на многочисленные исследования с 60-х гг. XX века, реальное использование физической культуры в досуговой деятельности населения оставляло желать лучшего, в нашей стране она не стала образом жизни людей. В сознании большинства людей все еще существует представление о занятиях физической культурой и спортом

как о чем-то не очень серьезном, чаще только как о средстве сохранения здоровья и как о зрелище.

Авторы (Струмилин С.Г., Михеев В., Артемов В.А.), проводившие исследования в 1920-1980 гг. основной причиной препятствующей внедрению физической культуры и спорта в быт населения указывают недостаток свободного времени, особенно у женщин [6, с. 254].

С целью изучения общественного мнения по вопросам физической культуры и спорта в период социально-экономических реформ 1986 — 1992 гг. Астахов В.А. провел анкетный опрос и сравнительный анализ данных опросов, проводимых в 1980 - 1985 гг. В числе основных причин прекращения занятий в период социально-экономических реформ было, по мнению большинства респондентов, отсутствие времени, большая занятость домашними делами и уходом за детьми, плохое состояние здоровья и отсутствие спортивной одежды и обуви. Им был отмечен рост интереса к самостоятельным занятиям физическими упражнениями на свежем воздухе, в парках, что можно объяснить понижением жизненного уровня трудящихся [3].

В наши дни в 2008 г. в 24 субъектах РФ было опрошено 2204 человека в возрасте от 15 лет и старше. Результаты выборочного социологического опроса «Влияние поведенческих факторов на состояние здоровья населения» следующие [7]:

- 68,7% — не занимаются физической культурой и спортом;
- 31,3% — занимаются. Большинство занимаются самостоятельно, 2-3 раза в неделю, 1—3 часа в неделю.

На вопрос о том, что мешает заниматься физической культурой и спортом были получены следующие ответы данные: отсутствие свободного времени, лень, отсутствие желания и интереса.

При этом 65,9% опрошенных считают, что занятия физической культурой и спортом способствуют укреплению здоровья (когнитивный компонент образа жизни), сохранению физической формы, поддержанию работоспособности. Видно, что опрошенные выделяют те ценности физической культуры, которые влияют на конкурентное преимущество работника на рынке труда.

Можно утверждать, что в отношении к физической культуре и спорту как элементам образа жизни у людей ничего не изменилось. Они знают, что занятия полезны (когнитивный компонент образа жизни развит), но не занимаются (поведенческий компонент образа жизни не развит), эмоциональная устойчивость (эмоционально-волевой компонент образа жизни) недостаточно развита. И все это, возможно, потому что образовательный компонент, который и лежит в основе обучения, привития и формирования у подрастающего поколения основных принципов, форм и факторов образа жизни не «работает».

Несмотря на то, что государственная политика направлена на повышение значимости личностной физической культуры, возрастание ценностей жизни, здоровья, активного долголетия ситуация не меняется. Каждое новое поколение усваивает ценности предыдущего, в результате люди не занимаются физической культурой систематически.

Возвращаясь к образовательному компоненту образа жизни, можно сказать, что использование средств физической культуры и спорта в свободном времени зависит от сложившихся или создаваемых заново бытового режима, повседневного быта семьи, обычного распределения затрат времени на различные виды деятельности. При этом определяющее влияние оказывают экономические условия семьи, существующие в ней и преобладающие ценностные ориентации и социально-психологические отношения, а также интенсивность и эффективность воздействия внешних стимулов, формирующих социальное поведение членов семьи. Следовательно, надо «работать» над экономическими условиями семьи.

Важно, в какой степени родители осознают социальные функции физической культуры, современные понимания здорового образа жизни. Понимание социально-биологического наследования оздоровительных эффектов физической культуры имеет для переориентации общественного сознания в области физической культуры особое значение, позволяя рассматривать воздействие занятий физическими упражнениями на организм не как временное, преходящее явление, а как крупномасштабное и длительное, благотворными результатами которого пользуются не только занимающийся, но и его дети, потомство.

Список литературы:

1. Бурдые П. Социология социального пространства. — М.: Институт экспериментальной социологии. 2005. — 288 с.
2. Вайнер Э.Н., Кастюнин С.А. Краткий энциклопедический словарь: Адаптивная физическая культура, — М.: Флинта. 2003.
3. Виноградов П.А. Основы физической культуры и здорового образа жизни. М.: Физкультура и спорт. 1996.
4. Воль А. Влияние научно-технической революции на современный облик спорта и перспективы его развития. Сб.: Всемирный научный конгресс «Спорт в современном обществе». М., 1974.
5. Гидденс Э. Социология. — М.: Едиториал УРСС, 2005. — 632 с.
6. Спорт и образ жизни: Сб. статей. / Сост. Столяров В.И., Кравчик З. — М.: Физкультура и спорт, 1979.
7. Результаты выборочного социологического опроса населения «Влияние поведенческих факторов на состояние здоровья населения» [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL:[http:// www.rags.ru/node/2054](http://www.rags.ru/node/2054)

СЕКЦИЯ 3.

ФИЛОСОФИЯ

3.1. ФИЛОСОФИЯ И ЕЕ РОЛЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

ИНСТИТУАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА

Шалимов Андрей Борисович

преподаватель СФУ, г. Красноярск

E-mail: a_shalimov@mail.ru

Памяти профессора, д-ра философ. н.

Альберта Яновича Райбекаса

Отталкиваясь от классического определения социального института как постоянно повторяющихся и воспроизводящихся отношений людей; устойчивой совокупности людей, групп, учреждений, деятельность которых направлена на выполнение конкретных общественных функций на основе определённых норм и правил; следует отметить, что социальные медиа или социальные сети в современном обществе занимают положение важнейшего общественного института. Информационная сущность функционирования социума и цель социальных медиа монополизировать коммуникации (как межличностные, так и массовые) подтверждают данный тезис.

Институционализация социальных сетей, подразумевающая упорядочение, формализацию и стандартизацию общественных связей и отношений, обусловлена растущей в информационном обществе социальной потребностью личности в общении и коммуникации. Так, миссией социальной сети «ВКонтакте» является создание «универсального средства коммуникации», а «Facebook помогает Вам всегда оставаться на связи и общаться со своими знакомыми» (ключевой смысл — обеспечение «связности» или даже «связанности», особенно четко это выражено в английской формулировке «Facebook helps you connect and share with the people in your life»). Успешному распространению социальных сетей и их институционализации способствовало

также использование ранее сложившихся устойчивых социальных связей между людьми, например, Facebook и ВКонтакте изначально позиционировали себя как социальные сети студентов и выпускников ведущих вузов. Т.е. социальные сети не создают новых социальных связей, социальных отношений; можно сказать, что они «паразитируют» на уже существующих. Более того, чаще всего социальная сеть возникает в момент актуализации дисфункции какого-либо социального института. Так, например, в начале 2000-х гг. sms были значительно дешевле звонков, поэтому большинство клиентов сотовых компаний использовали их как основное средство общения посредством мобильного телефона. К концу 2000-х звонки по мобильному телефону стали намного дешевле, а стоимость sms осталась той же. Это привело к резкому сокращению пользования такой функцией. Тем не менее, потребность писать короткие сообщения, информировать ими своих знакомых о каких-либо событиях у людей осталась. Именно благодаря этому, а также широкому распространению смартфонов и коммуникаторов, возникла социальная сеть Твиттер.

Понимая социальные сети как систему ценностей, норм, идеалов, а также образцов деятельности и поведения людей, можно говорить не только об их интегрирующей роли в процессе общественной коммуникации как важнейшего социокультурного процесса, но и о появлении чётко выраженной структуры и кодифицированных правил поведения членов этого социального института. Для обеспечения сходного поведения людей, управления их определёнными стремлениями, способами удовлетворения потребностей, разрешения конфликтов создателями социальных сетей осуществлен ряд мер при написании программного кода сайтов. Т.е. устойчивость, институционализированность социальных медиа изначально присуща им и выражается в полной мере в совокупности их функционала. Кроме того, нормы и правила поведения людей и их социального взаимодействия кодифицированы в пользовательских соглашениях, принятие (подписание) которых является неотъемлемой частью получения аккаунта в крупнейших социальных сетях (см. Пользовательское соглашение ВКонтакте, Условия пользования Facebook и т. д.). Распределение ролей и статусов в рамках социальных сетей обеспечивает их интернализацию, т.е. выше описанные правила и функционал становятся достоянием внутреннего мира пользователя. Человек «проживает» своё пребывание в социальной сети, воспринимает свой аккаунт как воплощение своей личности, связывает с событиями в социальных сетях свои ожидания, корректирует свои

ценностные ориентации, находит пространство для удовлетворения своих потребностей. Социальные сети организационно оформлены, создатели социальных сетей обладают правами модераторов, администраторов. В современном обществе популярные социальные сети становятся успешными коммерческими предприятиями с многомиллионной (а в некоторых случаях многомиллиардной) стоимостью. Но, несмотря на существование целых кодексов, регулирующих взаимоотношения пользователей и администраций сайтов, администраторы социальных сетей имеют в соответствии с ними исключительные права внесения односторонних изменений в правила функционирования данного общественного института. Социальные сети в данном смысле реализуют авторитарный режим/стиль управления с четкой вертикалью власти. Т. е. несмотря на то, что социальные сети являются социальным институтом только благодаря людям, объединенным в данные общности; эти люди, пользователи сайтов обладают максимально ограниченными правами, главным образом, не имея возможности никак влиять на изменения правил пользования социальными сетями, т.е. не обладают доступом к нормотворчеству.

На функциональном уровне социальные сети осуществляют или, по крайней мере, отражают все основные функции социальных институтов. В буквальном смысле воспроизводство членов общества получает свое отражение в явлении событий (изменение анкетных данных у родителей, фотоальбомы, сообщения на стене и т. п.). С точки зрения же внутренней логики системы данного социального института, за воспроизводство членов общества отвечает программный блок регистрации в социальной сети, т.е. возможность получения аккаунта можно понимать как эрзац акта рождения, появления на свет (для этого явления можно также использовать смежные понятия, такие как перерождение, выход в свет, обладающие не меньшей стереотипической обусловленностью и часто даже архетипической предопределенностью). Главный же институт, выполняющий функцию воспроизводства членов общества, — семья, как и любой другой общественный институт в современном обществе, подвергается воздействию социальных сетей. Реализация семейных связей в программном коде социальных медиа нашла выражение не сразу, а через 2-3 года после их триумфального распространения. Возможность отразить в своей анкете членов своей семьи, реализованная в форме перекрестной ссылки, подразумевает вычленение семейной ячейки. Тем не менее, такое выделение является лишь знаком, обозначающим семейную общность, но никак не ее

воплощением. Здесь важно отметить, что для создателей социальных сетей работа над реальным воплощением различных социальных общностей может стать прорывным направлением развития, так как в данный момент возможность подписки и вхождения в группы по большому счету исчерпывается лишь актом присоединения, востребованность же подобного функционала очевидна и подтверждается выводами нашего исследования.

Создатель социальной сети ВКонтакте Павел Дуров считает, что публичные списки друзей были главной причиной успеха социальных сетей: «Самим своим взлетом социальные сети обязаны изменившемуся представлению о минимально возможном уровне конфиденциальности и отсутствию необходимости следовать устаревшим стандартам». Пользователь социальной сети, создавая такой список, включается в определенные социальные связи, что, в общем и целом, представляет собой передачу установленных в данном сообществе образцов поведения и способов деятельности, т. е. социализацию.

В связи с тем, что крупнейшие социальные медиа являются коммерческими организациями их изначально можно назвать местом производства и распределения товаров и услуг. Социальные медиа на данный момент являются одним из самых сложных социальных механизмов производства и распределения по степени своей значимости сравнимого лишь с биржей, возникновение которой как социального института относится к XIII—XV вв. Но в отличие от бирж, направленных лишь на встречу продавца и покупателя социальные сети обладают рядом других обладающих даже большим значением возможностей. Во-первых, социальные медиа становятся крупнейшей площадкой для распространения коммерческой информации (рекламы и PR), такой вид деятельности получил название *social media marketing*. Во-вторых, обладая неограниченными возможностями для виртуальной торговли, в социальных медиа большее значение имеет не распространение информации о ценности товара или услуги, а происходит встреча людей и брендов, их совместное существование (событие), при котором отношения продавца и покупателя приобретают в современном обществе большее значение и большую длительность, чем «пара слов, брошенных через прилавок». В-третьих, социальные медиа обладают огромными перспективами в области не столько продажи, сколько производства электронных товаров и услуг. В скором времени именно фактор возможности объединения в социальных сетях совместной

деятельности людей в разных странах и на разных континентах станет ключевым сегментом их развития.

Сразу после создания социальных сетей появилось множество отзывов о том, что они будут использоваться как механизм социального контроля, даже слежки («Око Большого Брата», кстати, в США гики называют google.com и его проекты big brother), подавления и управления людскими ресурсами. Казалось невероятным, что недавний студент филфака Павел Дуров по собственной инициативе смог создать сайт, численность пользователей которого стала исчисляться вначале тысячами, потом миллионами, а затем и десятками миллионов. Аналогичные отзывы были, кстати, несколькими годами ранее и о проекте студента Марка Цукерберга за океаном. Несмотря на то, что в этих социальных сетях неоднократно обнаруживалось сохранение информации помимо воли пользователя (фотографии, видео и целые аккаунты), а в управлении революциями в Северной Африки и Ближнем Востоке в 2011 году через Facebook, Google и Твиттер виден след и интерес Госдепартаменту США; достоверных подтверждений того, что личные данные используются, например, спецслужбами как один из инструментов государственного управления и даже подавления, пока не существует.

Наличие санкций и поощрений является важнейшим признаком осуществления властной функции. Так для поощрения пользователей социальной сети ВКонтакте до 2010 года существовала система рейтинга, прежде всего, направленная на стимулирование как можно более подробного заполнения персональной страницы, т.е. выкладывание в сеть как можно большего объема личных данных. Система санкций для этой социальной сети предусмотрена Пользовательским соглашением, по которому Администрация сайта «оставляет за собой право по своему собственному усмотрению, а также при получении информации от других пользователей либо третьих лиц о нарушении Пользователем настоящих Правил, изменять (модерировать) или удалять любую публикуемую Пользователем информацию».

В целом, подвергая социальные медиа или социальные сети анализу через призму признаков и функций социальных институтов, можно прийти к двум сформулированным в предельно общей форме выводам. Во-первых, социальные сети становятся в современном обществе интегрирующим социальным институтом, который забирает у традиционных общественных институтов различный, часто определяющий их социальную значимость, функционал. Во-вторых,

социальные сети в ближайшем будущем могут стать социальным институтом коммуникации в целом, в широком смысле этого понятия, что приведет (и уже приводит) к серьезным сдвигам в общественном устройстве.

Список литературы:

1. Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. Египетская революция 2011 г.: структурно-демографический анализ // Полис. Экстратекст. — 2011. — В. 1.
2. О'Рейли Т. Что такое Веб 2.0 // Компьютерра, 11 октября 2005 года. [электронный ресурс] URL: <http://www.computerra.ru/think/234100/>
3. Райбекас А. Я. Вещь, свойство, отношение как философские категории. — Томск, 1977. — 243 с.

3.2. ДИНАМИКА СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

«КОММЕРЧЕСКИЙ ПОСТМОДЕРНИЗМ» В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Ветюгова Юлия Сергеевна

*аспирант, Нижневартковский государственный гуманитарный
университет, г. Нижневартовск*

E-mail: usia.v@mail.ru

Современное искусство достаточно критикуемо. В нем видят массу недостатков, но наряду с этим и массу достоинств. Одним из таких проблемных положений является то, что искусство, начиная с середины XX века по нынешние времена очень тесно «связало» себя с капиталом. При этом возникает ряд центральных проблем. Наиболее дискуссионная из них – это снижение «качества» искусства, его массовость и местами безнравственность. Наряду с этим ставится и вопрос о том, можно ли называть это искусством вообще.

Причины снижения «качества» искусства критики видят по-разному. Например, Борис Гройс — философ, теоретик и критик современного искусства, говорит об этом так: «при капитализме требуется, чтобы они (художники, писатели, интеллектуалы) работали хуже, чем они могут работать. Им следует сознательно и последовательно редуцировать свою активность, свой талант, свое вдохновение» [4]. Причиной этому служат повышенные требования к капиталу и соответственно пониженные к языку. Капиталу достаточно

легко существовать в современных условиях, его тактика это поиск новых рынков и потребителей, искусство в какой-то степени заимствовало эту тактику. У современного потребителя искусства нет архива, то есть отсутствует историческая память. При наличии данной памяти потребителю требуется все больше нового, при ее отсутствии искусству не требуется развиваться, ему стоит лишь искать нового потребителя для одного и того же искусства. Отсутствие архива доказывает на примере казалось бы института, который призван хранить историческую память: «сегодня музей главным образом используется для проведения больших выставок, которые должны снова и снова привлекать публику. Если раньше постоянное собрание еще создавало достойный фон для таких выставок, то сегодня оно уступило эту свою последнюю социально релевантную роль зрелищной, специфически музейной архитектуре» [4]. Современный музей не является тем пространством, где искусство способно доказать свою ценность. Современное поколение понимается никак историческое, а скорее как биологическое, поэтому «уже не ставится вопрос о том, чтобы дать возможность исторически уникального выражения исторически уникальному поколению. Вместо этого новому поколению пытаются продать старые товары — но так, чтобы одновременно это отвечало мироощущению молодых людей» [4]. Конфликт поколений сегодня остановлен, так как создается видимость отсутствия исторических различий между поколениями, современное поколение должно «потреблять» старые идеалы, а не создавать свои новые, такой человек всегда будет желанным потребителем. Подобно капиталу искусство комбинирует, перемещает и размещает на новом месте. Это помогает ему привлечь новую публику к старому продукту. Все кто еще, имеет архив и способность к критике, считаются неспособными понять данное искусство, так как ему в принципе не нужна герменевтика, она делает его сложнее и недоступнее, что противоречит требованиям рынка.

Современную эпоху в культуре большинство теоретиков культуры называют постмодернизмом, то есть если понимать буквально «временем после модернизма», и одним из различий модернизма и постмодернизма выводят тесную связь последнего с коммерческим искусством, то есть с капиталом. Очень часто в работах постмодернистских философов рассуждения о современном искусстве переключаются с рассуждениями о рынке как таковом (например, «рынок искусства»). Жан Бодрийяр, французский культуролог и философ-постмодернист, так описывает эту ситуации в своей работе «Америка»: «пересечение всех форм и стилей искусства

означает вступление в трансэстетическое поле симуляции. Есть параллель этой эскалации на художественном рынке, где все на основе функционирования закона стоимости становится, «дороже, чем дорого» дороговизной второго порядка...если закон стоимости перестает регулировать рынок, он превращается в место чистой спекуляции. То же самое происходит из-за отсутствия эстетического регулирования и в искусстве - эксцесс и бессмыслица. Это экстаз ценностей» [2, с. 27].

Одной из самых обсуждаемых проблем современного искусства — это то, что можно называть искусством как таковым. Из этого противоречия вытекает ряд других проблем, например, такие как: произведение — это современный товар, стремление художника лишь «поймать тенденцию», при создании произведения творец гонится за капиталом, деньги здесь становятся экспертом, а мнение критиков и кураторов искусства не учитывается: «сейчас приходит капитал, который неизвестно почему просто покупает то или иное произведение и меняет всю картину приоритетов, сложившихся на рынке» [1]. Вышеизложенной точки зрения придерживаются большинство критиков, но кто-то воспринимает эту ситуацию как само собой разумеющееся, а кто-то видит во всей нынешней системе рынков глубокий упадок современного искусства. Если спроецировать подобную систему взглядов на более широкую сферу, то подобные мнения можно услышать и о постмодернизме как таковом.

Данная ситуация на рынке искусств определяет отношение человека не только к современному искусству, но и к произведениям других эпох: «то искусство, на которое мы любили смотреть в музеях, несло в себе эту важную, хотя и постепенно стираемую составляющую эстетического удовольствия...из-за рынка, из-за медиализации социальной среды... мы теперь по-другому смотрим и на искусство прошлого. Если мы его и любим, то любим уже не совсем то, что прежде. Мы любим по некоторым правилам, где эстетическая сторона все меньше имеет отношение к чувственной стороне восприятия и все больше к социально-нормативной» [1]. Если искусство изменилось, но требования к художнику остались теми же, а в отношении связи творчества и капитала можно говорить о том, что интерес к художнику возникает из-за того факта, что его произведение создается не на продажу, настоящий художник состоит только в том случае, если он не заявит о себе как художник и кто-то другой «приписывает ему свойство быть художником» [1].

Теоретики постмодернизма, например, такие как Илья Петрович Ильин, говорят о том, что постмодернизм как явление не терпит

ни модернизма, ни реализма, ни массовой культуры: «постмодерн грозно рычит на растиражированные шаблоны высокого модернизма, бодает идею реалистического мимесиса и своим ядовитым хвостом злобно жалит жанровые штампы развлекательного читыва и других форм индустрии развлечений» [6, с. 6]. Рассматривая массовую культуру, как правило, первой ее характеристикой называют тесную связь с коммерцией. В итоге, если анализировать эти явления (массовую культуру и постмодернизм, а некоторые теоретики не разграничивают их) общим можно вывести тесную связь обоих с коммерцией с одной стороны, но с другой стороны, отталкиваясь от обратного, можно предположить, что постмодернистское искусство, ни как не связано с прибылью и как все настоящее искусство оно идет своим особым путем. Вот только путь этот напрямую объединен с чисто коммерческими организациями современности — это галереи современного искусства, частные коллекционеры, коммерческие корпорации, государственные художественные организации, музеи современного искусства. Возможно, поэтому, отчасти постмодернистское искусство, сегодня объединяют с современным капитализмом.

Само собой разумеется, что подавляющее большинство вышеперечисленных экспозиционных залов работают для своей собственной коммерческой выгоды: «тут важна не выставка — в смысле «качества», а количество выставок. Продолжая в таком же духе, можно ставить рекорды, привнося в арт-хронику момент (и даже азарт) спортивности, состязаясь в количестве: 31, 32, ...85 — кто больше! В Нью-Йорке триста галерей, поэтому подобным спортом можно заниматься до скончания дней» [9, с. 53], но, тем не менее, если такая форма подачи искусства востребована, значит, данные произведения притягивают зрителя и выполняют функции искусства, создавая некую культуру, в контексте этой работы, культуру постмодернизма.

Выше уже упоминалось о массовой культуре и постмодернизме, хотелось бы отметить в этом отношении и некоторые экономические особенности, вытекающие из их тесной связи. Говоря о массовой культуре, как правило, говорят о «коммерческом постмодернизме», воспринимая ее как нечто профанное и невыразительное. «Омассовление» [10, с. 64] предполагает включение все большего числа людей в однотипные производственные, потребительские, информационные, культурные процессы, неизбежно порождающие однотипные уклады и стили жизни, нормы и ценности, принимаемые людьми. Однако подобная культура противоположна классической и поэтому все-таки имеет место ее рассмотрение постмодернизмом как

«другой». Термин «коммерческий постмодернизм» можно увидеть у такого теоретика постмодернизма как Н. Б. Маньковская, она связывает его с конкретными исследованиями массовой культуры и средств массовой информации такими учеными как Ж. Бодрийяр, М. Маклюэн, А. Крокер, Д. Кук, А. Пирколис.

Каким же смыслом наполняется словосочетание «коммерческий постмодернизм»? Во-первых, это сближение высокой и потребительской культуры, когда любое изменение в искусстве влияет на уровень потребления, а следовательно и производства: «все это побудило... выдвинуть концепцию эстетики постмодернизма как последней художественной фазы капитализма, превратившегося из общества потребления в общество избытка» [7, с. 196]. В этом можно усмотреть прямую зависимость экономики от искусства (речь идет о массовом искусстве, предлагаемом не просто группе людей, а всем людям без исключения).

Также затрагивается идея об угрозах искусству в условиях культурного менеджмента и маркетинга, когда искусство не несет в себе глубокой смысловой нагрузки, а скорее «создается удобным для жизни», все больше сближается с эстетикой повседневности. А. Крокер, говорит о том, что такое искусство порождает экзистенциальную панику и как следствие разрушает душу: «паника расшатывает экономику, историю, культуру, философию, эстетику, искусство... превращая их в руины» [7, с. 190].

Если рассматривать искусство как воплощение эстетического «социального» (термин употребляется Ж. Бодрийяром), то массовая культура и СМИ не способствуют зарождению такого эстетического «социального», у массовой культуры есть своя эстетика, свои законы бриколажа. Зарождению социального способствует наличие противоположного «массе». К сожалению, в своих работах Ж. Бодрийяр этот вопрос раскрывается частично и полного представления об этом явлении не дано, но по определению понятия «масса» можно предположить, что полярное явление состоит из тех, кто имеет обязательства перед собой и перед обществом в целом, представляет из себя что-то индивидуальное.

Своей деятельностью масса разрушает экономику, «выступает против «объективного» императива потребностей и рационального контроля за намерениями и устремлениями» [8, с. 34]. Обмен ценностями не имеет смысла т. к. ценности не являются таковыми в традиционном их понимании. Но с другой стороны, существует мнение, что задача современного искусства и массовой культуры — это функционирование «избыточной экономики», сталкивающейся

с кризисами перепроизводства. При такой экономике все должно быть «модным» и беспрестанно потребляться.

По сути, человек сегодня постоянно погружен в «однообразную атмосферу «культурного шума», производимого серийной художественной продукцией» [7, с. 195], все это изменило психологию потребления, а следовательно изменились и запросы, в сущности психологически большинство современных людей подготовлены потреблять любое произведение как произведение искусства. И здесь опять встает вопрос о развитости вкуса и о том, что есть современное искусство и что такое искусство вообще.

Современным процессам в области искусства, философии и социума посвящена работа американского философа, Фридриха Джеймисона «Постмодернизм, или логика культуры позднего капитализма» (1991). Для него искусство постмодернизма — это отчасти тождество массовому или коммерческому искусству: «постмодернизм действительно...был очарован пейзажем халтуры и китча, культуры телесериалов и дайджеста, рекламы и мотелей, последних шоу и второразрядных голливудских фильмов, так называемой паралитературы» [3, с. 606]. Ф. Джеймисон придерживается того мнения, что эстетическое производство сегодня «встроилось в товарное производство в целом» [3, с. 607]. Функции искусства в современном обществе сводятся к увеличению динамики товарооборота, производство новых волн конструктивных товаров. Современное искусство, его развитие всячески поддерживается капиталом в виде институциональной поддержки различных фондов, стипендий, музеев и так далее. Совсем наглядно эту тенденцию можно проследить на примере архитектуры, чье развитие и распространение приходится на современность. В своей терминологии философ использует понятия Ж. Бодрийяра, наиболее часто рассматривая современный мир, и искусство в том числе, как систему симулякров. Рождение симулякров связано отчасти со спецификой самого постмодернизма и отчасти с коммерциализацией, что приводит к отсутствию глубокого смысла в произведениях. Если даже произведению приписывается глубокий смысл, его почти невозможно ощутить, из-за огромной пропасти между означающим и означаемым. Совершенно новые эмоциональные состояния философ называет «интенсивностями», подобные состояния вызваны искусством медиа.

Говоря о проблемах капитала и искусства, необходимо затрагивать и психику людей, которые являются реципиентами данного искусства. По Джеймисону, сегодня происходит распад субъекта, то есть «конец стиля, например, в смысле уникального и

личного, конец отличительного индивидуального мазка (символизируемого возникающим господством механическое репродукции)» [3, с. 609]. Чувств в постмодернизме нет, скорее всего, это и есть поток «интенсивностей», они подчинены особому чувству эйфории. Стили превращаются в постмодернистские коды, обрывки искусства, соединенные вместе.

Искусство как товар рассматривал французский теоретик культуры, кинорежиссер и художник, Ги Дебор. Основные взгляды Ги Дебора изложены в его работе «Общество спектакля», то есть анализ политических и экономических подтекстов современной визуальной культуры. Данная концепция, по сути, является неомарксистской и основана на том, что современный мир погряз в товарном фетишизме и осуществление любой революции в таких условиях невозможно, так как не имеет значения, кто находится у власти, буржуазия или пролетариат, и те и другие занимаются промышленным фетишизмом, это и есть главная ошибка К. Маркса, по мнению Ги Дебора. Результат подобного отношения к искусству это «развитость» культурной индустрии, искусство есть лишь разновидность товара, выделанного, поставляемого, приравненного к индустриальной продукции, продающегося и заменимого, а время, в котором существует подобное, можно назвать только временем производства («время производства, товарное время — это бесконечное накопление эквивалентных интервалов» [5, с. 147]). Так произведения искусства отождествляются с материальным благом. Спектакль становится основным произведением современного общества.

Современное произведение для Ги Дебора — это «зрелищный товар». Все в мире превращается в сферу «оказания услуг», данная сфера строится лишь на культурном потреблении и продаже общения, по такому принципу построено большинство «шоу», которые работают для «встречи с интересными людьми». Данные «встречи» пользуются успехом лишь только потому, что подобного общения не хватает в реальной жизни. Современность — «это время потребления образов», «время потребления времени», когда человек ускоряет свою жизнь лишь только для того, чтобы освободить время для «потребления зрелищ».

Человек в настоящем лишает себя времени, лишает себя возможности «стареть», тем самым лишая себя возможности осуществлять самого себя: «время, как показывал Гегель, является необходимым отчуждением, средой, в которой субъект осуществляет себя, себя утрачивая, становится другим, чтобы стать истиной самого себя» [5, с. 161]. Как пишет Г. Дебор, такой человек, творит не свою, а

чью-то чужую реальность, что является и зачатком и следствием его дальнейшего отчуждения.

Все вышеизложенное создает впечатление о середине, конце XX века и начале XXI века, как о времени упадка культуры. Говоря о постмодернизме, скорее всего для теоретиков данная позиция является следствием того, что постмодернистское искусство как бы балансирует между элитарной и массовой культурой, а все что хоть как то связано с последним подвергалось и подвергается до сих пор тотальной критике, не без оснований конечно.

Культура в любые времена откликалась на процессы в обществе, отражала их, анализировала, демонстрировала, скрывала или акцентировала внимание публики на чем-либо. В современном мире процессы глобализации и глокализации не просто отразились в культуре, они изменили ее принципы, функции и цели в некоторых местах до неузнаваемости. Так одной из первых черт современной культуры большинство теоретиков называют ее глобальную коммерциализацию. Современное искусство уже не мыслится без коммерции как таковой. Экономика активно вторгается в мир искусства. Говоря о нем, все больше упоминаются чисто экономические термины, например, определяется «рыночная стоимость», что подводит искусство под категорию товара, или услуги. Так говоря об искусстве, в поисках нового стиля, направления, все чаще повествуют не о создании чего-то смыслообразующего, а о поиске нового рынка, что растворяет искусство в стихии быта, уничтожая полностью или частично художественную ценность произведения.

Список литературы:

1. Аронсон О. «Поймать капитал» или скрыться из зоны видимости?//Художественный журнал.-2009.-№ 71.[электрон. ресурс] — Режим доступа. — URL.: http://xz.gif.ru/numbers/71/poimat_kapital.
2. Бодрийяр Ж. Америка — СПб: Владимир Даль, 2000. — 204 с.
3. Горных А.А. Постмодернизм, или логика культуры позднего капитализма//Постмодернизм. Энциклопедия — Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. — 1040 с.
4. Гройс Б. Капитал. Искусство. Справедливость//Художественный журнал.-2005.—№60. [электрон. ресурс] — Режим доступа. — URL: http://xz.gif.ru/numbers/60/kapital-iskusstvo_spravedlivost.
5. Дебор Г. Общество спектакля — М.: Изд-во АСТ, 2000 — 224 с.
6. Ильин И.П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа — М.: Интрада, 1998. — 255 с.

7. Маньковская Н.Б. «Париж со змеями» (Введение в эстетику пост-модернизма) — М.: Ифран, 1995. — 347 с.
8. Москвичи С. Машина, творящая богов — М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. — 560 с.
9. Тупицин В. «Другое» искусства — М.: Изд-во «AdMarginem», 1997. — 352 с.
10. Хевеши М.А. Толпа, массы, политика — М.: ЦОП Института философии РАН, 2001. — 236 с.

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ КАЗАХСТАНСКИХ РЕАЛИЙ

Николенко Надежда Николаевна

докторант PhD КазНПУ им. Абая, г. Алматы, Казахстан

E-mail: nikolette.n@gmail.com

Современный мир — мир, обретающий черты целостности в процессах глобализации и характеризующийся тесным взаимодействием цивилизаций и их культурных традиций. На сегодняшний день актуальным является понимание глобализации как «уникального пересечения глобальных влияний во всех сферах — она своеобразно объединяет тенденции политической, военной, экономической, миграционной, культурной и экологической систем, демонстрируя растущее значение по сравнению с прежними военными, политическими и экономическими аспектами образцов глобализации миграционной, экологической и культурной» [8]. В последние годы все больший резонанс обретают мировые тенденции смещения властей в сферу контроля над культурными процессами.

«Вопросы культурной глобализации в целом должны рассматриваться в контексте важнейшей идеи, которая состоит в том, видятся ли перспективы мира с ориентацией на диалог, взаимодействие и равноправное сотрудничество культур или на культурное доминирование одной культуры, которое приводит к деструктивным процессам» [5, с. 6].

В XXI веке человечество в полной мере ощутило все степень серьезности обострения глобальных проблем и противоречий, разрешение которых потребует максимальной сплоченности и умения принимать осознанные и согласованные решения. В таком контексте

феномен межкультурного диалога приобретает первостепенную значимость.

Тенденции к вступлению мировых государств в межкультурный диалог обусловлены логикой развития истории и требованиями современности. «Оценивая перспективы взаимодействия цивилизаций на современном этапе, необходимо выделить активную роль диалога культур, диалога цивилизаций и создание единого человеческого сообщества, которое не отрицает многообразие культур, но базируется на этом многообразии как богатстве всего человечества» [7, с. 202]. Несомненно, Республика Казахстан, будучи активным участником глобализационных процессов, способна внести свой вклад в обогащение сокровищницы мирового культурного многообразия.

Ввиду актуальных тенденций завоевания Казахстаном достойного авторитета на международной арене, правительством государства предпринимаются попытки достижения лидирующих позиций не только в системе евразийской экономики и политики, но и науки и культуры. К сожалению, негативными последствиями господствовавшей долгое время советской системы является все еще достаточно сильно ощущаемая разница в отношении повышающегося материального благосостояния населения и отставание духовного уровня развития. На современном этапе формирования международного имиджа Республики необходимо четко проанализировать, какими путями и средствами Казахстан сможет добиться подобающего места в мировом сообществе. Наиболее перспективным направлением для достижения данной цели является развитие и модернизация сферы культуры, и ее интеграция в систему международной культурной коммуникации.

Издrevле земли казахских степей были средоточием двух частей света — быстро изменяющейся молодой Европы и традиционной древней Азии. Являясь географическим центром Евразийского континента, они всегда находились в центре столкновения и коммуникации его культур. Благодаря торговому обмену, происходившему на Великом Шелковом Пути, культуры Евразии неизменно оставляли свои материальные и духовные свидетельства на протяжении всего его маршрута, огромная часть которого проходила по казахской территории Великой степи.

В настоящее время в сфере мировой гуманитарной науки все чаще употребляются такие понятия как «культурный диалог Европы и Азии», «межкультурная коммуникация Востока и Запада».

Термин «диалог» подразумевает нечто, происходящее на данный момент, на наших глазах. Вопрос о данном явлении, о том, как эти

культуры встречаются, взаимодействуют друг с другом и рожают то, что может рассматриваться, как некая новообразованная синтетическая форма евразийской культуры, весьма актуален. «Вступив в новый этап мировой политики, характеризующийся концом идеологического противостояния и прохождением линии противостояния по культурным границам, цивилизационным разломам, для Казахстана в особенности, все более важной становится идентичность на уровне цивилизации» [6, с. 98]. Исторически так сложилось, что Казахстан стал родным домом для представителей многих народов, чьи духовные и культурные ценности сыграли фундаментальную роль в формировании общей евразийской культуры. «Именно в диалоге цивилизаций каждая культура обретает вновь свою идентичность, возвращается к своим истокам. Значение коммуникации состоит в том, что в этом процессе актуализируются истинные ценности, а ложные рожденные тавтологией и парадоксом в самоописаниях культуры, теряют свое значение» [5, с. 173].

В условиях современности феномен диалога рассматривается как средство разрешения многочисленных и неубывающих проблем, национальных, религиозных, культурноцивилизационных конфликтов. Диалог является той формой межличностного контакта, в которой возможно мирное урегулирование практически любых проблем и конфликтов. В сфере международных отношений и дипломатии диалог расценивается как универсальное средство для сохранения тонкого гомеостаза мира и конфликта на планете. Феномен диалогичности характерен практически для любой сферы деятельности человека. С точки зрения культуры диалог — совершенно органичная форма в ее генезисе. Именно диалог на любом этапе развития искусства являлся творческой движущей силой культурного прогресса. Взять хотя бы, например, искусство Евразии периода функционирования Великого Шелкового Пути. Что, как не культурный диалог, явилось одним из его наиважнейших аспектов, помимо аспекта экономического. Необходимость в этом явлении присутствовала всегда: человек — существо социальное, а диалог — цивилизованная форма общения с социумом. Именно сейчас, когда в мире происходит глобальная расстановка сил и приоритетов, вступить Казахстану в мировой межкультурный диалог просто необходимо.

«В современном мире между собой сталкиваются и вступают в диалог совершенно разные культурные традиции. Одновременно возникают новые типы коммуникаций, новые способы хранения и передачи информации в человеческих сообществах, история человечества на наших глазах становится глобальной историей не

без помощи техники. Человечество во всех его основных измерениях становится интегральным целым в противовес бывшей разрозненности. И человечество осознает, что надо учиться вести диалог. Нужно уметь менять систему отсчета, не считать свои ценности и культуру абсолютным, отказывая в этом остальным» [3, с. 62].

Современная глобальная тенденция поиска инновационных путей развития, а так же ревизионистский подход к осмыслению универсальных аксиологических и мировоззренческих оснований представляют диалог как одно из наиболее перспективных направлений духовной эволюции человечества. «На наших глазах происходит смена общекультурной, мировоззренческой парадигмы — «концептуальная революция», связанная с выходом за пределы традиционного и модернистского мышления и с утверждением принципа диалогизма» [3, с. 63].

Этимология термина «диалог» восходит к древнегреческому слову «*dialogos*» — «вести беседу вдвоем». Из множества разнообразных определений данного понятия особенно выделяется его понимание как формы взаимного обмена мыслями или способа совместной мыслительной деятельности людей. Традиционно диалог воспринимался только в контексте литературного произведения, беседы двух или более его персонажей.

На сегодняшний день семантика данного понятия безусловно расширилась. «Расширенное понимание диалога как формы развития человеческой культуры демонстрирует использование эвристической мощи лингвистического термина в области, явно выходящей за пределы современной лингвистики» [3, с. 63].

Любой диалог — это экзистенциальный феномен, выраженный посредством общения и понимания. Именно явление коммуникации может быть рассмотрено как одна из базовых человеческих ценностей. По словам М. Бахтина: «Само бытие человека (и внешнее и внутреннее) есть глубочайшее общение. Быть — значит общаться» [1, с. 312]. Именно в процессе коммуникации, события и сотворчества человек может действительно реализовать себя.

Диалог — основа всех проявлений человеческой коммуникации. Сущность диалога наиболее ярко проявляет себя в контексте столкновения различных сознаний, различных культурных традиций, имеющих свою четко обозначенную форму, обусловленную категориями времени и пространства.

«Онтология мира диалога задает, во-первых, уникальность каждой из сторон, вступающих в диалог; во-вторых, осознание самими сторонами единственности своего места и его незаменимости в

бытии. Следовательно, сам диалог возможен лишь при наличии равноправных «собеседников», высказывающих различные, но в равной степени значимые суждения.

Диалог представляет собой направленную духовную деятельность, осуществляющуюся за счет взаимодействия двух или более различных интеллектуальных позиций, где главные усилия направляются не на утверждение какой-то одной позиции, концепции, а на нахождение совместной позиции, которая сближала бы позиции участников, объединяла бы их в более общей точке зрения» [3, с. 64].

Диалог наиболее ярко раскрывается с плюралистической позиции мышления. Плюрализм, как сосуществование различных общественных интересов, ценностей, идей, подразумевает равноправие разных культур и индивидуальность пути их развития.

Диалог по своей сути является глубоко гуманистичным феноменом, т. к. достижение согласия, понимания и гармонии в межчеловеческих отношениях является одной из преобладающих целевых установок данного явления. «В современных условиях полипарадигмальной, диалогичной духовной ситуации ведущими культурными императивами становятся свобода, терпимость, взаимопонимание» [3, с. 65].

Можно с уверенностью утверждать, что концепция диалога культур лежит в основе культурологического знания, направленного на создание развитие и упрочение межкультурной коммуникации как одного из базовых источников в познании «другого» и декодификации его основополагающих культурно-информационных символов. М. Бахтин развивает свою концепцию культуры, основываясь именно на принципе диалогизма.

Более того, зачастую культура не только понимается, но и возникает как диалог в ее стремлении к возможному соотношению прошлых культур с идеальной моделью культур будущих. «Эта обращенность культуры вовне, ее сквозная адресованность в иное бытие означает необходимость быть навеки вне собственного бытия, быть в ином мире» [1, с. 363]. В этом контексте становится понятной суть утверждения М. Бахтина о том, что культура не имеет внутренней, собственной территории, о том, что она вся лежит на границах [1].

Компаративистский подход к изучению феномена диалога культур оправдан настолько, насколько аспект рассмотрения человека как субъекта диалога связан с проблемой понимания сущности культуры. Культура, как воплощение творческого потенциала человека, находится в глубокой взаимосвязи с его деятельностью и отражает концентрированное личностное начало. Поэтому «культура лишь

тогда культура, когда она персонализирована как личность, когда общение культуры актуализируется в общении личностей» [2, с. 38].

В различные периоды истории деятели западной культуры, науки и искусств открывали для себя неповторимую идейно-эстетическую и философско-мировоззренческую ценность культурного наследия этносов Востока и синтезировали его с достижениями Запада. Аналогично представители восточной культуры и философской мысли, обращаясь к Западу, обогащали свои национальные традиции, внося новизну в общественный уклад и культурные проявления своих народов. В последнее время правомерность дихотомии Восток — Запад как противопоставления двух типов мировой культуры подвергается кардинальному пересмотру. Данного рода тенденции рождаются на почве идеи общих закономерностей развития мировых культурных процессов. К сожалению, подобные подходы, выявляющие и акцентирующие общее, могут с легкостью привести к недооценке особенного в мировых культурно-исторических процессах.

Сегодня особенно актуально рассматривать межкультурный диалог Востока и Запада как совершенно естественный константный процесс. Но, в то же время, было бы неверно понимать его как синтез единых мировоззренческих установок. История свидетельствует о негативных результатах такого подхода.

Несмотря на свою уникальность, практически каждая культурная традиция обладает чертами, схожими с другими вариантами мирового культурного развития. Специфика тех или иных проявлений культурных форм отдельного этноса выступает как проявление всеобщего в развитии мировых цивилизаций, и, таким образом, имеет свое логическое обоснование тенденция адаптация культурных достижений друг друга различными народами в различные исторические эпохи. Межкультурный диалог имеет своим следствием консолидацию культур Востока и Запада как самодостаточного явления и, в то же время, формирование мировой метакультуры.

Расширение межкультурных контактов, открытия таких наук как археология, этнография, лингвистика позволили мировому культурному сообществу встать на путь понимания и приятия иного, как данности реалий современного мира. В процессе межкультурной коммуникации представители западной цивилизации имеют бесценную возможность понять специфику мировоззрения, духовного мира и ценностных ориентаций восточных народов.

Межкультурный диалог Востока и Запада необходим не только ради изучения и понимания другого, но и для осознания самого себя. Он позволит каждому человеку постичь всю несоизмеримость того

духовного богатства, которое создавалось и накапливалось на протяжении всего периода истории мировыми цивилизациями.

Постигая прошлое, мы стремимся разобраться в настоящем, определить тенденции развития современного общества. В этом смысле особую значимость для нас приобретает решение вопроса о соотношении Западной и Восточной культур и цивилизаций, а также о месте Казахстана в диалоге этих культур. «Существует очень живучее, но и односторонне и потому неверное представление о том, — писал М.М. Бахтин, — что для лучшего понимания чужой культуры надо как бы переселиться в нее и, забыв свою, смотреть на мир глазами этой чужой культуры. Конечно, известное вживание в чужую культуру, возможность взглянуть на мир ее глазами, есть необходимый момент в процессе ее понимания; но если бы понимание исчерпывалось одним этим моментом, то оно было бы простым дублированием и не несло бы в себе ничего нового и обогащающего. Великое дело для понимания — это внаходимость понимающего — во времени, в пространстве, в культуре — по отношению к тому, что он хочет творчески понять. Ведь даже свою собственную наружность человек сам не может по настоящему увидеть и осмыслить в ее целом, никакие зеркала и снимки ему не помогут; его подлинную наружность могут увидеть и понять только другие люди, благодаря своей пространственной внаходимости и благодаря тому, что они другие» [1, с. 353]. Но, хотелось бы добавить, что без глубоко познания себя невозможно понимание другого. Особенно это касается духовного аспекта жизни человека. Подобное понимание проблемы межкультурного диалога весьма актуально для Казахстана. Познание своей собственной культуры, искусства, духа, глубокое осмысление их основных категорий, возможно, заставит взглянуть по-другому на привычные понятия и положения культуры мировой.

Казахстан всегда был, есть и остается не только географическим, но и культурным «перекрестком» двух миров — мира Европы и Азии. Его роль в межкультурном диалоге никогда не отходила на второй план и теперь приобрела еще большую значимость. Сейчас, когда страна вступила в период активного международного сотрудничества, необходимо обратить особое внимание на развитие культурной сферы казахстанского общества. Ввиду того, что общее политико-экономическое состояние на данный момент достаточно устойчивое, пришло время для духовной стабилизации и роста. Уже давно не вызывает сомнения факт, что Казахстан — страна с глубокими традиционными корнями, обладающая непостижимо богатым духовным наследием. В настоящее время все больше и больше людей,

осознавая это, стали обращаться к своим истокам, к культуре предков, стали стремиться осознать всю степень значимости бесценной духовной сущности традиций, искусства, мировоззрения своих предшественников. И это действительно необходимо сейчас, поскольку, не имея твердого духовного стержня, не умея провести четкую самоидентификацию, не будучи в состоянии ответить без сомнений на вопросы «Кто я? Откуда я? Каковы мои корни? Кто мои предки?», очень легко потерять и без того достаточно скудное «Я» в бурном потоке информации извне. Именно так сейчас происходит с совсем еще юным поколением — их поработают внешние абсолютно пустые духовно информационные технологии, не прививающие ничего, кроме античеловеческих ценностей.

Задача современной казахстанской гуманитарной науки — найти новые подходы к решению данной проблемы, основанные в первую очередь не на классическом противопоставлении Востока Западу, а на поиске взаимосвязей, тех объединяющих точек соприкосновения, которые позволили бы говорить об общей глобальной концепции восприятия мира как единой открытой системы. Очень важное место здесь занимает вопрос дефиниции Казахстана, как потенциально выгодного географического центра для построения своего рода «связующих мостов» в этой дихотомии.

Возможно, на современном этапе одним из путей достижения этого может быть путь приятия западной технологии, отвергая европейские духовные и социальные ценности, и последующее насыщение этой технологии азиатским аксиологическим пониманием. В целом проблема остается до сих пор нерешенной и требует более фундаментального подхода. И решить ее необходимо, поскольку сейчас Казахстан, да и весь мир, находится на пороге новой эры — эры возрождения культуры, искусства и духа — и именно поэтому нельзя никому позволять уничтожить этот дух в его самом зарождении.

Думается, для Казахстана оптимальным вариантом представляется не изобретение чего-либо нового в плане культурного и духовного развития, а возврат к истокам. Как в древности Шелковый Путь служил связующим звеном во всех сферах жизни евразийцев, так в современности Казахстан продолжает эту добрую традицию. На сегодняшний день государство представляет собой уникальный синтез лучшего от Востока и оптимального от Запада — сочетая в своем развитии технические достижения Запада с духовностью Востока, Казахстан по праву представляет собой ту самую точку пересечения двух миров, уникальную модель новообразованной общевразийской культуры.

Первостепенной представляется задача интегрирования республики в мировое культурное сообщество в качестве равноправного участника мировых художественных процессов. «Это потребует актуализации всего культурного потенциала страны и переориентации государственной культурной политики на приоритетное и ускоренное развитие национальной культурной индустрии. Необходимо будет всячески поощрять, стимулировать и поддерживать включение творческих работников во всемирные художественные процессы производства и коммуникации» [7, с. 236].

Решающим фактором сохранения и развития диалога культур является процесс поддержания Казахстаном тенденций межкультурной коммуникации и адаптация к ним. Интеграция республики в мировое культурное сообщество возможно путем решения способствующих данному процессу первостепенных задач, как на международном, так и на локальном уровне. На международном уровне для достижения государством поставленных целей представляется необходимым обеспечить:

- формирование и поддержание целостного и отвечающего действительности культурного имиджа Казахстана в глазах мирового культурного сообщества, основанного на регулярных контактах казахстанских и зарубежных деятелей культуры и искусства;
- присоединение республики к международным конвенциям, правительственным и неправительственным организациям, функционирующим в сфере развития межкультурного сотрудничества, а также заключение международных договоров в области культуры и соблюдение их условий;
- продвижение и ознакомление мирового культурного сообщества с характерными и актуальными тенденциями в развитие культуры современного Казахстана путем участия в международных культурных манифестациях, выставках, симпозиумах, а также посредством организации казахстанских культурных центров;
- развитие международного сотрудничества в областях науки, культуры, искусства и других областей с целью активизации интеграционных и коммуникационных процессов.

Соответственно на локальном уровне формирование положительного имиджа страны возможно путем:

- развития и упрочения ценностей демократического государства, обеспечивающего права и свободу общества, способствующего формированию национальной культуры;
- сохранения многообразного культурного наследия и обеспечение межконфессионального согласия народов Казахстана;

- «распространения идеологии миролюбия, патриотизма и ненасилия как основополагающих нравственных ценностей и стереотипов человеческого поведения, гуманизация общественного сознания, формирования мировоззрения сотрудничества и партнерства» [7, с. 240-241].

Конечно же, очень сложно спрогнозировать что-либо с непогрешимой точностью, но сейчас становится очевидным, что перспективы межкультурного диалога в контексте казахстанских реалий весьма обширны, и роль Казахстана в нем в действительности неопределима. Ведь, в принципе, у государства есть все — материальные и человеческие ресурсы, дух, традиции. Возможно, основным препятствием на пути становления страны, как гиперкультурной системы остается на сегодняшний день непонимание многими, что это все действительно необходимо.

Сила Казахстана, его отличность от остальных государств всегда заключалась в его единстве, многонациональности, поликультурности. Культура и искусство были, есть и неоспоримо останутся главными компонентами в идеологической и политической борьбе. Ведь, по словам И. Канта, «язык искусства универсален, он понятен всем».

В заключение хотелось бы отметить, что диалог в системе культуры и искусства — едва ли не один из самых совершенных и доступных мирных путей международной коммуникации, и, думается, Казахстану суждено внести свой неоспоримый вклад в развитие и укрепление прогрессирующих глобализационных процессов.

Список литературы:

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. — 2-е изд. — М.: Искусство, 1986. —445 с.
2. Библер В.С. Культура. Диалог культур // Вопросы философии 1989. - № 6.
3. Габитов Т., Муталипов Ж., Кулсариева А. Культурология. — Алматы: Раритет, 2001. —408 с.
4. Петренко Е.Л. Предисловие // Шалабаева Г.К. Казахстан: от древних цивилизаций к современности. — Алматы, Экономика. 2007. —258 с.
5. Померанц Г. Диалог культурных миров // Общественные науки и современность. 1994. № 5, с. 170—174.
6. Садыков Н. Казахстан и внешний мир: социокультурная трансформация. — Астана, 2001. —295 с.
7. Шалабаева Г.К. Казахстан: от древних цивилизаций к современности. — Алматы, Экономика. 2007. —258 с.
8. Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perraton J. Global Transformations: Politics, Economics and Culture. Cambridge, 2003, p. 11—28.

3.3. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

«ФИЛОСОФИЯ ТОЛПЫ» ГЮСТАВА ЛЕБОНА

Кудаярова Марина Константиновна

*аспирант кафедры культурологи, философии и социальных наук
г. Нижневартовск
E-mail: dionisa@mail.ru*

Гюстав Лебон (1841 — 1931 гг.) — французский философ социолог и психолог. Особое место в его научном наследии занимают труды в области социальной философии («Психология толпы» (1895), «Психология революций» (1912), «Психология социализма» (1908) и др.), в которых проводится идея особой значимости психологического фактора в познании жизни людей, а сама психология считается движущей силой истории. Согласно Лебону, расовые (национальные) и классовые различия между народами дополняются их наследственными психологическими различиями. Такие различия обуславливают различия в воззрениях разных групп и способствуют конфликтам между ними.

Сегодня имя Гюстава Лебона ассоциируется с его предсказаниями наступления «эры масс». Он считает, что любое скопление людей представляет собой «массу» («толпу»), главной чертой которой является утрата способности к наблюдению. В силу волевой неразвитости и низкого умственного уровня больших масс (толп) ими правят бессознательные инстинкты. В толпе самостоятельность личности утрачена, критичность ума и способность суждения резко снижены. Обезличивание человека в массе приводит к господству импульсивных реакций, росту подверженности различным влияниям, к отсутствию контроля над страстями. Вывод, который следует из описания этой картины поведения человека в массе, состоит в том, что масса всегда по своей природе неупорядочена, хаотична, поэтому ей нужен «вождь», роль которого может выполнять «элита». Конечно, философ опирается на эмпирические подтверждения того, что паника оказывается единственной формой действия массы. Однако он сам утверждает, что «нельзя изучать духовную организацию толпы, изучая только ее преступления, так же как нельзя узнать духовную организацию какой-нибудь личности, изучая только ее пороки [1, с. 250].

У Лебона идея «толпы» всегда идет параллельно с идеей «элиты». Он отмечает, что элита всегда стремилась проникнуть

в тайны мыслительного процесса «толпы-массы». В «массе» проявляются бессознательные поведенческие реакции, теряется критичность мышления, поэтому «великие властители», воздействуя на толпу, способны обращаться к коллективному бессознательному и манипулировать им в своих эгоистических целях. В психологии масс ярко проявляется определенная социальная характеристика, значимость личности, элиты. Как отмечает французский мыслитель, «все, что создало величие цивилизаций: наука, искусство, философские системы, религии, военное могущество и т. д. — было созданием отдельных личностей, а не общественных организаций. Важнейшие открытия и культурные успехи, которыми пользуется все человечество, были осуществлены отборными людьми, редкими и высшими продуктами некоторых наиболее даровитых рас. Народы, у которых индивидуализм наиболее развит, только благодаря этому и стоят на главе цивилизаций и господствуют ныне в мире» [3].

Проблематика, разработанная Лебоном в рамках теории толпы, имеет для настоящего времени особый интерес.

В последней трети XIX в. особое внимание исследователей привлекли массовые движения. Это были революции, протестные выступления экономического, социального и политического характера, охватившие ряд европейских стран. Наиболее рельефно они дали о себе знать во Франции, поэтому не случайно именно в этой стране возникли концепции, в центре которых находился анализ поведения больших групп людей — «массы», «толпы». Именно этой проблеме и посвятил в значительной части свои работы Лебон.

По его мнению, «толпа», или «масса» — это большая группа людей, собравшихся в одном месте, воодушевленных общими чувствами и готовых следовать куда угодно за своим лидером. Совладать с ней не может никакая рациональная сила. Ход мыслей каждого человека в толпе направляется ее общим настроением. В толпе человек теряет свое индивидуальное мышление, заражаясь этим общим настроением. Он превращается из простого человека в «человека толпы». И индивид теряет чувство реальности и оказывается подверженным влиянию лидера значительно сильнее, чем в обычных условиях. Причем чем дольше по времени человек находится в толпе, тем больше он теряет себя, подвергаясь влиянию и толпы, и лидера, и тем слабее у него становится чувство реальности.

Мыслитель делил толпу на однородную и разнородную. Разновидностями первой являются, по его мнению, классы, касты, секты, второй — парламентские собрания, уличные толпы и др. В любом случае толпа для него — разрушительная, иррациональная,

бессознательная сила, ее поведение регулируется законом «духовного единства толпы».

Характеризуя толпу как группу людей, охваченных общими чувствами, стремлениями и настроениями, социолог выделял следующие ее черты: зараженность общей идеей, сознание непреодолимости собственной силы, утрата чувства ответственности, нетерпимость, догматизм, восприимчивость к внушению, предрасположенность к импульсивным действиям, готовность к бездумному следованию за лидерами, неспособность обдумывать, отсутствие рассуждения и критики [3, с. 140–141].

По мнению философа, деперсонализация и деиндивидуализация людей. Каковы бы они ни были, как бы ни различались, в толпе у них появляется «коллективная душа». На базе этого понятия ученый сформулировал закон «духовного единства толпы». В толпе человек превращается в некий безвольный автомат с подавленными рациональными началами, поскольку в ней всегда преобладает бессознательное. Отсюда делается вывод о том, что толпа способна как на героические поступки, так и на разрушительные действия, имеющие зачастую преступный характер. Весь вопрос в том, что ей будет «предписано» лидерами в каждой конкретной ситуации.

Философ утверждает, что наступающая эпоха будет «эрой масс». Поэтому перед социальной наукой и социальной психологией в частности встает важный вопрос — как можно более адекватно изучить поведение этих масс. Массы наступают на культурные ценности всего человечества, бывшие до этого сугубо аристократическими. «Главной характерной чертой нашей эпохи, — пишет Лебон, — служит именно замена сознательной деятельности индивидов бессознательной деятельностью толпы» [3, с. 143]. Французский мыслитель указывает на крайне низкую степень толпы в умственном отношении, включая сюда даже собрания избранных. «Наблюдая большинство поступков толпы, мы видим, что они чаще всего служат выражением ее замечательно низкого умственного уровня».

Лебон утверждает, что крупные исторические события являются лишь видимыми следствиями невидимых перемен в мыслях людей, что управляют людьми идеи, чувства, нравы, то, что мы носим в себе. Учреждения и законы являются лишь отражением нашей души, выражением наших нужд. Они не могут изменить душу народов, так как сами из нее происходят. Совсем недавно «мнение масс не принималось в расчет, да большей частью она и не существовало» [3, с. 141]. Но теперь именно толпы подготавливают в душе своей судьбы своих наций. Уже происходит замена

«божественного права королей» на «божественное право масс» [1, с. 152].

Согласно его позиции, все цивилизации создавались и оберегались маленькой горстью интеллектуальной аристократии, никогда — толпой. Сила толпы направлена лишь к разрушению. Владычество толпы всегда указывает фазу варварства. Благодаря своей исключительно разрушающей силе, толпа действует, как микробы, ускоряющие разложение ослабленного организма.

Касаясь вопроса взаимоотношения массы и элиты, Лебон делает следующее важное для элитологии замечание: все властители мира, все основатели религий или государственные люди и, в сфере более скромной, простые вожди маленьких человеческих общин всегда были бессознательными психологами, инстинктивно понимающими душу толпы. Именно благодаря этому пониманию, они и становились «властелинами толпы».

Знание психологии толпы занимает важное место в системе профессиональной подготовки субъекта власти (элиты). Однако это знание, по мнению Лебона, ему необходимо не для управления массами, так как в наше время это уже невозможно, а для того, чтобы не дать им слишком много воли над собой. Массы мало склонны к теоретическим рассуждениям, зато очень склонны к действию. Поэтому толпой нельзя руководить посредством правил, основанных на чисто теоретической справедливости, а надо отыскивать то, что может произвести на нее впечатление и увлечь ее. Вывод, к которому он приходит, звучит в духе воинствующего элитаризма: «нельзя руководить массами посредством предписаний только одного разума»

Список литературы:

1. Карабушенко П.Л., Карабушенко Н.Б. Психологические теории элит — М.: Памятники исторической мысли, 2006 — 448 с.
2. Лебон Г. Психология социализма. [электронный ресурс] - Режим доступа. — URL: <http://uf.kgsu.ru/lib/doc.php?path=Kafedra%20Sociologii%20i%20SR/Psihologiya%20massovogo%20soznaniya/Gyustav%20Lebon%20Psihologiya%20Socializma.Doc>.
3. Лебон Г. Психология народов и масс — М.: Академический проспект, 2011 — 238 с.

РОЛЬ И МЕСТО ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В ОБЩЕСТВЕННОМ РАЗВИТИИ (СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ)

Марговская Марианна Григорьевна

аспирант МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва

E-mail: margovskaya@mail.ru

Гендерные исследования возникли как самостоятельная дисциплина в 1970-х гг. в США и с тех пор внимание к ним со стороны широкой общественности не ослабевает. Особенно активно гендерную проблематику стали поднимать в последние годы — на конференциях, круглых столах, в СМИ. Слово «гендер» стало модным среди масс. Однако, к сожалению, в российской академической среде к гендерным исследованиям по-прежнему зачастую относятся с предубеждением, поэтому мода на гендер может так же внезапно пройти, как и началась, не принеся желаемых плодов. Тем не менее, гендерная проблематика намного теснее переплетена с остальными проблемами современного общества, нежели принято считать. Современные общественные науки, в том числе и социальная философия, уже нельзя представить без гендерных исследований, ведь именно гендерный анализ зачастую становится ключом ко многим социальным явлениям, которые раньше либо игнорировались, либо истолковывались превратно.

Прошрое столетие стало переломным в вопросе гендерных стереотипов. Однако из-за неравномерного развития в различных областях жизни современному обществу, живущему в постиндустриальную эпоху, до сих пор присущи гендерные стереотипы, практически не изменившиеся со времен общества традиционного. Такое несоответствие, в свою очередь, порождает ряд серьезных проблем, решение которых до сих пор не найдено: крайне незначительный процент женщин в правящих кругах, неравные условия для мужчин и женщин на рынке труда, насилие в семье, высокий процент разводов, возрастающая безответственность за будущее детей и т. д.

Интеграция женщин в общественную деятельность с одной стороны и сопротивление массового сознания смягчению гендерных стереотипов с другой привели к кризису традиционных гендерных отношений. Все механизмы общества претерпели серьезные изменения, в результате которых отпала необходимость в ограничении женщины частной сферой: развитие бытовой техники, контрацепции, социальных институтов и т.д. Однако практически не изменявшиеся

веками гендерные стереотипы стали уже традицией, частью культуры, поэтому смягчить их влияние на массовое сознание очень непросто. Современный человек, таким образом, не может четко сформулировать, в чем же суть его гендерной роли: новые реалии и законодательные нормы позволяют ему сделать собственный выбор независимо от биологического пола, однако общественное мнение все еще не готово принять женщину-бизнесмена или мужчину-домохозяина как норму. С другой стороны, полное соответствие традициям тоже порой не вызывает должного уважения. Например, женщина-домохозяйка, посвятившая себя воспитанию детей, имеет очень низкий социальный статус, чего не было, например, в дореволюционной России, так как пребывание женщины дома практически не имело альтернативы. В результате такого противоречия современных реалий традиционным гендерным стереотипам представление о маскулинности и феминности слишком расширилось, что и привело к кризису гендерных отношений в современном обществе.

Индивид, желающий полностью соответствовать современному гендерному идеалу, обязан выполнять слишком много различных функций. Он должен быть успешным в карьере и отдавать себя работе в полную силу, одновременно быть прекрасным родителем и семьянином, при этом хорошо выглядеть и поддерживать физическую форму, быть приветливым, коммуникабельным и мобильным. От пола эти критерии почти не зависят, однако и здесь есть тонкости. Отклонение мужчины от традиционной маскулинности (например, доминирование семейной жизни по сравнению с работой) порицается обществом сильнее, чем принятие женщиной «мужской» роли. В свою очередь, если мужчине общество легко прощает отчуждение от семьи и игнорирование работы по дому, то женщина, какой бы ни была ее степень занятости, по мнению широкой общественности, обязана заниматься семьей и домом в полной мере, то есть общество возлагает на женщину двойную нагрузку по сравнению с нагрузкой мужчины.

Пол человека — это биологическая категория, по которой люди идентифицируют друг друга. Гендер же представляет собой «совокупность социальных и культурных норм, которые общество приписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола» [8, с. 21]. Гендер — явление социальное, а не природное, поэтому биологический пол и гендерная идентичность не всегда совпадают. То, как индивид оценивает свой гендер и связанные с ним социальные роли, а также общественное мнение об индивидуальном

выборе во многом зависят от степени влияния гендерных стереотипов массового сознания.

В основе гендерных стереотипов, как правило, лежат следующие идеи:

Мужчина и женщина — два разных мира. Эта идея красной нитью проходит через всю историю социально-философской мысли, начиная с Аристотеля, который утверждал, что мужчина и женщина, так же, как раб и свободный, имеют разную природу и не могут быть равны [1], и заканчивая нашими современниками, продвигающими так называемую «инопланетную теорию» [5]. Хотя приверженцы «инопланетной теории» и признают гендерное равенство, но невольно становятся источником гендерной несправедливости, так как, не имея достаточных обоснований, ограничивают психологию личности рамками половой принадлежности и приписывают мужчинам и женщинам набор определенных качеств, которые якобы заложены в них природой.

Разделение сфер деятельности полов биологически обосновано. Сейчас эта идея является основой стереотипов, порождаемых, прежде всего, биосоциологами. С идеей того, что мужчина и женщина различаются в силу своей роли в рождении и воспитании потомства и, следовательно, должны выполнять разные социальные функции, не согласен, например, американский социолог Майкл Киммел, по мнению которого, данная биологическая теория формируется под воздействием патриархальных гендерных установок [6].

В отличие от мужчины, женщина ограничена своим полом и потому зависима. Ограничение свободы женщины ее полом можно найти, например, у Н.А. Бердяева, который утверждал: «В поле мужчина значит меньше, чем женщина. Женщина — вся пол. Ее половая жизнь — вся ее жизнь, захватывающая ее целиком, поскольку она женщина, а не человек» [2, с. 432]. Сейчас несостоятельность данной идеи становится все более очевидной, так как современные средства контрацепции, развитие социальных институтов по присмотру за детьми и возрастающая роль мужчины в воспитании детей дают женщине ту социальную и психологическую свободу, которой она была лишена в традиционном обществе.

Женщина — созидатель материального, мужчина — созидатель духовного. Еще Платон определил любовь к женщине как более низкую, чем любовь между мужчинами, поскольку она способна породить детей, но не духовные блага [7]. Такое отношение к женскому созидательному потенциалу привело к тому, что вся история культуры — это история маскулинной культуры. Некоторые

исследователи утверждают, что многие творческие жанры не достигли статуса высокого искусства только потому, что считались женскими. Например, женщин допустили в художественную литературу только сейчас, когда она приобрела статус источника развлечения, стала считаться занятием несерьезным. Но допустили только женщин-авторов легких жанров: любовных романов, детективов, фэнтези.

Эмансипированная женщина — пародия на мужчину. Эта идея появилась одновременно с началом феминистского движения первой волны. В качестве примера можно привести Отто Вейнингера, который одним из первых стал рассуждать о психологической предрасположенности к эмансипации лишь определенной категории женщин, имеющих мужские характерологические черты и признаки, названные им «злой женственностью». Такой тип женщин, по мнению философа, способен разрушить и уничтожить женственность как таковую [4]. И сейчас есть ряд исследователей, которые придерживаются этой же точки зрения, например Л.М. Богатова [3]. Однако гендерная идентичность имеет такое разнообразие форм, что говорить о каких-то определенных критериях женственности и мужественности не имеет смысла. Каждый человек неповторим, главное, чтобы общество дало возможность индивиду реализовать свои способности и проявить личностные особенности, не боясь оказаться на более низкой иерархической ступени. Это возможно только после достижения гендерного равенства и признания «инаковости» каждого человека.

Равенство полов достигнуто, гендерные проблемы решены. Такую позицию заняли когда-то большевики после неудачного эксперимента с внедрением «женотделов». Принять эту точку зрения означает закрыть глаза на существующие общественные проблемы и привести общество к губительному состоянию стагнации. На самом деле проблема гендерных стереотипов и их преодоления требует долгих и разносторонних исследований, как теоретических, так и эмпирических. Гендерная тематика принадлежит к междисциплинарной категории исследований и требует внимания со стороны ученых из самых разных областей: антропологии, социологии, психологии, философии, педагогики, истории и т. д.

Степень соответствия общепринятой гендерной роли влияет на жизнь человека в целом, определяет степень его благополучия. Если гендерные рамки слишком жесткие, как это было еще в начале прошлого столетия, страдает свобода личности, так как биологический пол становится основой жизненного сценария. Однако поверхностное смягчение гендерных стереотипов, не ведущее к искренней

толерантности и уважению к индивидуальному выбору, также не является решением проблемы, так как неопределенность представлений порождает чувство постоянного неудовлетворения собой и мешает нормальному развитию гендерных отношений. Смягчить влияние гендерных стереотипов на массовое сознание можно лишь через развитие идеи гендерного равенства и толерантности к «инаковости», а также путем гендерной социализации подрастающего поколения.

Список литературы:

1. Аристотель. О возникновении животных. М., Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1940.
2. Бердяев Н.А. Смысл творчества // Философия свободы. Смысл Творчества. М.: «Правда», 1989.
3. Богатова Л.М. Эмансипация как онтологическая трагедия пола. // Философские науки. — 2008. — № 6. — с. 113—133.
4. Вейнингер О. Пол и характер. М.: Изд. центр «Терра», 1992.
5. Грэй Дж. Мужчины с Марса, женщины с Венеры. М.: «София», 2010.
6. Киммел М. Гендерное общество. М.: РОССПЭН, 2006.
7. Платон. Пир //Избранные диалоги. М.: Худ. лит., 1965.
8. Словарь гендерных терминов. М.: «Информация — XXI век», 2002.

3.4. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ Ф.К. САВИНЬИ В КОНТЕКСТЕ ГЕРМАНСКОЙ ИСТОРИОСОФИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

Асламов Николай Евгеньевич
аспирант НИУ-ВШЭ, г. Москва
E-mail: ulfilla@mail.ru

На протяжении полутора столетий остро обсуждается вопрос о влиянии известных мыслителей конца XVIII — первой половины XIX вв. на Ф.К. Савиньи, основателя известной институции германского правоведения — исторической школы права.

В целом, в специальной литературе по данному вопросу сформировались три основных позиции: одни усматривали в концепции Савиньи рецепцию взглядов Шеллинга [6, S. 313-320], другие — авторов XVIII в. (прежде всего, Гердера) [7, S. 158; 8, S. 190, 196], третьи — Гегеля [9, S. 1-62; 13, S. 160]. Тем не менее, есть основания считать, что философия истории Савиньи не сводима ни к одному из перечисленных вариантов.

Его концепция была озвучена еще в ранних работах; достаточно эскизную, но всё же вполне четкую ее формулировку можно обнаружить еще в статье «Голоса за и против новых юридических кодексов», вышедшей в 1817 г. [10].

Подобно другим своим ранним концепциям, Савиньи конкретизирует свои мысли в полемике с юристом Тибо. В частности, Савиньи упрекает своего оппонента в предположении, будто история должна охватить вообще все народы на земле, и утверждает целесообразность выборочного подхода к всеобщей истории права [10, S. 4]. Однако, интереснее всего небольшое предварительное замечание Савиньи: по его мнению, Тибо открывает истории права «новую необычную перспективу» («eine neue auffallende Aussicht») [10, S. 4]. Этот эпитет чрезвычайно важен: если для Савиньи интерес к истории всех, а не отдельных народов представляет собой нечто новое и необычное, с философией истории Гердера, который как раз и отстаивал значимость всех народов на земле [2], он либо не был знаком, либо не считал ее значимой.

Важно отметить, что Савиньи интересуется не столько самими представлениями об истории права, сколько их методологическим

основанием. Изучение права всех народов отрицается, во-первых, потому, что оно не может быть основано на источниках из-за их неполноты или отсутствия [10, S. 5—6], а во-вторых, потому, что «право чужих народов имеет для нас совсем не одинаковый интерес» [10, S. 7].

Нетрудно заметить, что первая из установок Савиньи (мы можем работать только с тем, о чем у нас имеется эмпирический материал), резко размежевывает его с проектом, предполагающим возможность спекулятивной дедукции исторического процесса, предложенным Фихте в «Основных чертах современной эпохи» [4, с. 360—617]. Поэтому соотнесение Е.А. Косминским историософии Фихте и исторической школы права [3, с. 292—295] имеет под собой меньше оснований, чем казалось советскому историографу.

С характерным представителем романтической историософии Шиллером Савиньи концептуально расходится по другому пункту: несмотря на то, что дописьменные времена не были зафиксированы, для Шиллера это совершенно не означает, что они не подлежат осмыслению историка, который в данном случае должен обращаться к филологическому инструментарию, поскольку «источник всякой истории есть традиция, а орган традиции есть язык» [12, S. 126]. Несмотря на то, что некоторые тезисы Савиньи можно интерпретировать в этом ключе (например, соотнесение права и языка, а также возможность выявления древних норм обычного права через изучение сохранившихся обычаев и традиций), лидер исторической школы в собственных исторических исследованиях (прежде всего, «Истории римского права в Средние века» [11]) не использует инструментарий филологической или этнологической реконструкции.

Довольно слабо подход Савиньи согласуется и с историософией Шеллинга. Изложение последней представляет собой отдельную исследовательскую задачу, интересную не только в контексте данного исследования, поэтому стоит сделать некоторые предварительные замечания. Шеллинг никогда специально не занимался философией истории, поэтому ни в одном из текстов мы не можем найти ее четкого, дидактического изложения. В то же время, в более или менее развернутом виде она встречается во многих текстах, например, в «Системе трансцендентального идеализма», «Мировых эпохах» и, главным образом, в «Историко-критическом введении» [5, с. 160-374]. Поэтому внутренняя эволюция взглядов Шеллинга, которая неизбежно отражалась и на его историософии, создает дополнительную проблему.

В самом конце трактата «Размышления о сущности человеческой свободы и связанных с нею предметов» Шеллинг делает интересное

замечание: «Если лишить философию диалектического принципа..., то ей действительно не останется ничего другого, как искать опору в истории и руководствоваться *традицией*..., видя в ней источник и руководящую нить. Тогда настанет время, когда и для философии начнут искать норму и основу в истории, подобно тому как некогда у нас пытались создать поэзию на основе изучения поэтических произведений всех народов. Мы питаем величайшее почтение к глубокомыслию исторических исследований... И тем не менее мы думаем, что истина нам ближе и что решение всех проблем, возникших в наше время, следует искать сначала у нас самих, на нашей собственной почве, прежде чем обращаться к столь отдаленным источникам» [5, с. 157-158]. В данном случае, историческое исследование для Шеллинга — это, по большому счету, вспомогательный конструктор, своего рода «костыли разума», не способного решить проблемы на материале настоящего, а потому обращающегося к прошлому. Историко-ретроспективному подходу Савиньи к проблемам современной ему юриспруденции это явно противоречит.

С последним связана другая методологическая установка Савиньи — историк должен обращаться только к тем проблемам, которые являются актуальными для Германии его времени. Хотя последнее обстоятельство уже отмечалось [8, S. 192], никто не пытался сравнивать этот тезис Савиньи с аналогичными утверждениями его современников: прежде всего, Шиллера, Фихте и Гегеля, хотя это вполне могло бы послужить доказательством идейной близости, а то и концептуальной зависимости лидера исторической школы права от других философов.

Следует сразу сказать, что в логике обоснования одного и того же подхода указанные мыслители существенно различаются. Речь Шиллера посвящена легитимации исторических исследований, т. е. ими в принципе можно не заниматься, но если уж обращаться к истории, то исключительно для решения современных проблем [12, S. 127], а не из антикварного интереса. Фихте необходимо четкое представление о современной эпохе и предшествующих ей, с одной стороны, чтобы понять, что ждет человечество в будущем, а с другой стороны, чтобы получить ориентиры для практической деятельности, нацеленной опять же на будущее не менее, чем на настоящее. По мнению Гегеля, мы вообще не сможем понять современность в отрыве от исторического процесса, ее обуславливающего, но главное: Германия в ее нынешнем состоянии представляет собой завершение истории, и далее ничего радикально нового произойти не может [1; с. 147—148], т. е. исторический

горизонт исследователю жестко задан внутренней логикой самого исторического процесса.

С легитимационной логикой Шиллера Савиньи явно расходится: для него нет никаких альтернатив историческому познанию права. Фихтевский пафос деятельности у Савиньи заметен гораздо отчетливее, поскольку он предлагает, в первую очередь, программу решения практических проблем, связанных с необходимостью модернизации правовой системы в Германии, но вместе с тем, известный юрист вообще не заглядывает в будущее, и не думает о том, каким оно должно быть. Гегелевский тезис о необходимости рассматривать итог только в совокупности с путем близок историко-ретроспективному подходу Савиньи, но для него современное германское право нигде не выступает апогеем правовой истории [8, S. 192].

Кроме того, предпринимались попытки определить критерий, которым руководствовался Савиньи для определения важного и неважного для изучения германского права. По мнению К.-Э. Меке, немецкий юрист предлагал рассматривать только те европейские народы, которые в этническом и языковом отношении близки немецкому [8, S. 192]. Однако, собственные слова Савиньи обрисовывают несколько иную картину: «С моей точки зрения, истории права различных народов не следовало бы приписывать одинаковую значимость. Наиболее важной есть и остается история права, имеющего к нам непосредственное отношение, т.е. германского, римского и канонического права: исходя из этого необходимо понять, что германское право в научном смысле ни в коем случае не следует ограничивать тем, которое действует в самой Германии, но в большей степени охватывает все германские племена» [10, S. 7].

Из цитаты видно, что Меке исказил слова Савиньи: сосредоточившись на второй части утверждения, он не заметил первой. В приведенной цитате речь идет не только о важности права германских народов, но и о римском, а также каноническом праве. Заметим также, что явная равнозначность этих трех областей права для германского теоретически не предполагает жесткой «романистской» концепции, которая неоднократно приписывалась Савиньи, как, впрочем, и «германистской».

Далее эта мысль приобретает дополнительные коннотации: «Право совершенно чужих народов имеет для нас совсем не одинаковый интерес, поскольку состояние этих народов в большей или меньшей степени родственно нашему, поэтому право всех христианских европейских народов негерманского корня, несмотря

на свое чуждое происхождение, намного ближе нам, чем право восточных народов» [10, S. 7].

В этой небольшой фразе Савиньи вновь размежевывается с крупными историософскими концепциями своего времени.

Речь идет, во-первых, о Гердере, с которым Савиньи не связывает ни отношение к восточным народам, ни исторический горизонт, в котором происходит изложение всеобщей истории: напомним, что у Гердера это, в зависимости от трактовок, либо утопическое наступление эры всеобщей гуманности, либо христианское второе пришествие, а у Савиньи — современное состояние Германии.

Во-вторых, Савиньи не говорит о том, что имманентная логика самого исторического процесса делает какие-то народы историческими, а какие-то нет, как это будет у Гегеля; в данном случае историк сам определяет, какие народы важны для понимания германского права.

В целом, все расхождения, о которых шла речь выше, напоминают критику с позиций исторического позитивизма в адрес немецкого идеализма, но концепция Савиньи не является и позитивистской, поскольку исследуемый автор нигде не пишет о построении объективной исторической картины: наоборот, речь идет о том, что именно интерес исследователя придает мировой истории той или иной вид.

Тем не менее, историко-позитивистская методология формировалась не без участия Савиньи, в первую очередь, благодаря его симпатии к эмпирическим исследованиям и источниковедческой критике правовых памятников Средневековья. С другой стороны, нельзя забывать и о связях Савиньи с позитивистски ориентированным Л. Ранке, который станет учителем целой плеяды немецких историков.

Суммируя всё вышесказанное, можно сделать вывод, что именно философия истории Савиньи оказывается исторической и логической смычкой между историософией немецкого идеализма и позитивистским подходом к истории: от первой исследуемый автор заимствует интерес к «внутреннему устройству» всеобщей истории, второй будет инспирирован его источниковедческими исследованиями.

Список литературы:

1. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. Пер. с нем. А.М. Водена — СПб.: Наука, 2005. —477 с.
2. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. Пер. с нем. А.В. Михайлова — М.: Наука, 1977. —705 с.

3. Косминский Е.А. Историография средних веков. V в. — середина XIX в. Лекции. Под ред. С.Д. Сказкина, Е.В. Гутновой. А.Я. Левицкого. Ю.М. Сапрыкина — М.: Изд-во Московского университета, 1963. — 431 С.
4. Фихте И.Г. Основные черты современной эпохи // Соч. в 2-х т. Т. 2 — СПб.: Мифрил, 1993. —с. 360—617.
5. Шеллинг Ф.В.Й. Сочинения в 2 т. Т. 2 – М.: Мысль, 1989. —636 с.
6. Haferkamp G.W. Georg Friedrich Puchta und die «Begriffsjurisprudenz» — Frankfurt am Mein: Vittorio Klostermann GmbH, 2004. —XVIII, 534 S.
7. Kunze M. Jherings Universalrechtsgeschichte. Zu einer unveröffentlichten Handschrift des Privatdozenten Dr. Rudolf Jhering // Rechtsgeschichte in den beiden deutschen Staaten (1988-1990). Beispiele, Parallelen, Positionen. Hrsg. von H. Mohnhaupt — Frankfurt am Mein: Vittorio Klostermann GmbH, 1991. —S. 150-162.
8. Mecke Ch.-E. Begriff und System des Rechts bei Georg Friedrich Puchta — Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2009.- 975 S.
9. Ross A. Theorie der Rechtsquellen. Ein Beitrag zur Theorie des positiven Rechts auf Grundlage dogmenhistorischer Untersuchungen — Leipzig-Wien, 1929. —472 S.
10. Savigny F.K. Stimmen für und wider neue Gesetzbücher // Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft. —1817. — Bd. 3. S. 1—52.
11. Savigny F.K. Geschichte des Römischen Rechts in Mittelalter. Bd. 1 — Heidelberg: J.C.B. Mohr, 1834. —XX, 486 S.
12. Schille F. Was heißt und zu welchem Ende studiert man Universalgeschichte? // Der Teutsche Merkur. 1773—89. Bd. 4 — Weimar: Hoffman, 1789. — S. 105—135.
13. Schönfeld W. Puchta und Hegel // Rechtsidee und Staatsgedanke. Beiträge zur Rechtsphilosophie und zur politischen Ideengeschichte — Berlin: Junker & Dünhaupt, 1930. —S. 1—62.

МЕТАФИЗИКА ВСЕЕДИНСТВА В.С. СОЛОВЬЕВА: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Монина Наталья Петровна

к. филос. н., ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, г. Омск

E-mail: monijulia@yandex.ru

Всеединство — центральная категория философии В.С. Соловьева. Он следующим образом сформулировал суть теории всеединства: всеединство по самому понятию своему требует полного равноправия, равноценности и равноправности между единым и всем, между целым и частями, между общим и единичным. К.В. Фараджев отмечает, что тема всеединства — одна из наиболее значимых не только в творчестве В.С. Соловьева, но и - впоследствии — во всей русской религиозной философии. Он также пишет: «Идея всеединства подразумевает, во-первых, неизбывную взаимосвязь того, что явлено на свет, во-вторых, взаимопроникновенность Абсолюта и действительности, которая окружает человека» [7, с. 83].

В.С. Соловьев различает два вида всеединства: истинное или положительное и ложное. Истинное всеединство, по определению философа, «...такое, такое, в котором единое существует не за счет всех или в ущерб им, а в пользу всех. Ложное, отрицательное единство подавляет или поглощает входящие в него элементы и само оказывается, таким образом, пустотою; истинное единство сохраняет или усиливает свои элементы, осуществляясь в них как полнота бытия» [1, с. 13]. Когда всеединство трактуется как бытийный принцип, оно становится отвлеченным началом, именно в этом случае оно есть отрицательное всеединство или же «чистое бытие, равное чистому ничто... принцип, с которым нельзя ничего начать и из которого ничего нельзя вывести» [цит. По 8, с. 48]. В противоположность ему положительное всеединство есть сущность Абсолютного как Всеединого Сущего. Догмат троичности становится для В.С. Соловьева ориентиром для усмотрения троичности в самых разных областях и предметах. Так, в отношении всеединства, можно сказать, что оно имеет три модуса или образа — Благо, Истина, Красота: «если в нравственной области (для воли) всеединство есть абсолютное благо, если в области познавательной (для ума) оно есть абсолютная истина, то осуществление всеединства... в области материального бытия есть абсолютная красота» [цит. по 8, с. 49].

Очевидно, что в основе понятия «положительное всеединство» лежит имплицитный для русской религиозной культуры феномен соборности, который предполагает такое единство всех воцерковленных людей и духовных сил, включая и самого Бога, при котором усиливаются все позитивные качества каждой входящей в это единство личности за счет присущего всем соборного сознания. Дух этого сознания и оплодотворяет творчество каждой личности, каждого художника, входящего в тело церкви, в лоно христианской культуры.

Правомерно ли рассматривать теоретико-ценностные воззрения В.С. Соловьева, если в годы его жизни и творчества слово «ценность» в русской философской мысли еще не получило статуса аксиологической категории? Л.Н. Столович в одной из своих работ отвечает на этот вопрос положительно, ибо «именно в трудах Вл. Соловьева оно начинало обретать этот статус. А самое главное — великий русский философ исследует этические, эстетические и собственно философские проблемы по существу в теоретико-ценностном аспекте» [6, с. 39].

В своей докторской диссертации «Критика отвлеченных начал» В.С. Соловьев ставит вопрос об оценочном отношении и ценностном значении всех видов человеческой деятельности, которые помимо их внешней закономерности, одинаковой для всех, имеют также и внутреннее значение согласно той оценке, которую мы делаем. Рассмотрим этические и эстетические ценности в философии всеединства В.С. Соловьева.

В работе «Оправдание добра» философ так формулирует начало нравственности: «В совершенном внутреннем согласии с высшею волею, признавая за всеми другими безусловное значение, или ценность, поскольку в них есть образ и подобие Божие, принимай возможно полное участие в деле своего и общего совершенствования ради окончательного откровения Царства Божия в мире» [4, Т.2, с. 261]. Говоря об этической составляющей в отношении человека, философ отмечает, что благоговение, сострадание и самообладание (аскеза) — таковы нравственные черты нормального, духовно здорового человека. Эти три добродетели неотделимы друг от друга, они дополняют одна другую и лишь в совокупности образуют нормальный нравственный характер. Взятые отдельно, они приводят к нездоровой односторонности.

Истинная нравственность, по словам В.С. Соловьева, не там, где человек поступает по своим желаниям, а там, где эти желания возвышенны, где они совпадают с велениями Бога.

Принципы всеединства как пути к идеальной полноте бытия и соборности, как высшего типа творческого сознания, стали теми глубинными основами, на которых базировалось эстетическое сознание почти всех представителей русской религиозной философии XX в. (П. Флоренского, Н. Бердяева, С. Булгакова и др.), несмотря на различие в понимании отдельных эстетических положений и на разную степень высвеченности у них тех или иных эстетических проблем. Другой значимой для эстетического сознания Серебряного века мифологемой стали проходящие через все творчество Соловьева образ и концепция Софии Премудрости Божией.

Понятие Софии, являющееся по формулировке А.Ф. Лосева «философско-поэтическим символом», стало олицетворением аксиологического триединства во всем его блеске и очаровании. Ценностный смысл Софии — как конкретного выражения соловьевской концепции всеединства в философско-художественном образе «Вечной Женственности» и мировой Премудрости, символа единения Истины, Добра и Красоты — как идеала и нормы должного мира отмечал и Е.Н. Трубецкой.

Одной из центральных проблем в философии В.С. Соловьева является аксиологическая по своей сути проблема взаимоотношений Добра, Истины, Красоты. Философ настаивает на единстве и даже тождестве «аксиологической троицы». По его словам, «истина есть добро, мыслимое человеческим умом; красота есть тоже добро и та же истина, телесно воплощенная в живой конкретной форме. И полное ее воплощение — уже во всем есть конец и цель, и совершенство, и вот почему Достоевский говорил, что красота спасет мир» [цит. По 6, с. 44].

В центре собственно эстетических взглядов Соловьева стояли две классические проблемы: красоты и искусства. То абсолютное и идеальное, что для разума является истиной, для воли является добром, для чувства — красотой. Красота разлита в природе, неслучайно и одну из своих работ В.С. Соловьев называет «Красота в природе». Основой этой природной красоты, по мнению философа, является мир, вселенная в их согласии, гармонии, ладе. Эта идея воплощается и в звездном небе, и в законе всемирного тяготения, и в просторе океана, и в восходе солнца. Красота природы — это одухотворенная материя, тварная София, мировое всеединство, гармония и любовь.

Человек не только созерцает красоту природную, уже данную, он стремится и сам творить ее. Это творчество, воплощающее идеи в образы, одухотворяющее материю, называется искусством.

В статье «Общий смысл искусства» философ видит задачу искусства «не в повторении, а в продолжении того художественного дела, которое начато природой...» [2, т. 2, с. 348]. Основная установка у Соловьева в вопросах эстетики может быть охарактеризована, как теургическая. Уже в «Философский началах...» Соловьев связывает художественное творчество с мистикой, так как его цель есть «общение с высшим миром путем внутренней творческой деятельности» [3, с. 73]. Анализ конкретного художественного творчества, образцов настоящего в его понимании искусства приводит Соловьева к убеждению в высокой эстетической значимости искусства в универсуме. Искусство облакает красотой человеческие отношения, воплощая в своих образах истинный смысл человеческой жизни, и этим продолжает природный процесс по воплощению идеи. Однако изначальный хаос наиболее активно прорывается именно в сфере органической жизни в форме разрушений, смерти, а в человеческом обществе еще и в форме зла. Поэтому, убежден русский философ, человек, наделенный сознанием, должен не просто пассивно отображать в своем искусстве действительность, но и активно воздействовать на природу в направлении ее преображения. Красота искусства, таким образом, является реальным «переходом и связующим звеном между красотой природы и красотой будущей жизни», а само искусство предстает «вдохновенным пророчеством» [5, с. 245].

Под «свободной теургией», или «цельным творчеством» грядущей жизни, Соловьев понимал новое органическое «расчлененное» единство основных ступеней (степеней) творческой сферы: мистики, изящных художеств и технических художеств, направленное на созидание преображенной жизни, объединение, осознанное и свободное, в отличие от первобытной теургии, когда обе низшие «степени» еще не были выделены из мистики, т.е. не имели самостоятельности. Свободная теургия — один из главных феноменов двигателей грядущего положительного всеединства, реализации идеального социокосмического единства на основе сознательного высшего объединения внутренне самостоятельных и самодостаточных элементов творческой сферы. Цель этого единения сугубо мистическая и определяется высшей ступенью творчества — мистикой: «общение с высшим миром путем внутренней творческой деятельности». «Истинное искусство» и «истинная техника», не утрачивая в этом единстве своей самостоятельности, служат этой цели.

Итак, Соловьев видит смысл нового этапа искусства (как высшей ступени человеческой жизни и деятельности) в творческих

(преобразовательно-преображающих) взаимоотношениях человека, природы и Бога. Высшая цель искусства — теургия, т. е. претворение физической действительности в идеальную, преобразенную телесность.

В.С. Соловьев считал, что искусство своими средствами должно служить общей жизненной цели человечества. Такой «жизненной целью» видел задачу мистического преображения мира, решение которой зависит и от художника, способного обрести в своем творчестве поистине пророческое вдохновение.

Список литературы:

1. Бычков В.В. Вл. Соловьев и эстетическое сознание Серебряного века // Владимир Соловьев и культура Серебряного века: К 150-летию Вл. Соловьева и 110-летию А.Ф. Лосева / [Отв. ред. А.А. Тахо—Годи; Сост. Е.А. Тахо—Годи]; Научн. совет «История мировой культуры». – М.: Наука, 2005. — 631с. — С. 11—29.
2. Зеньковский В.В. История русской философии. В 2 т. Ростов - на Дону: Феникс, 1999.
3. История русской философии. Учеб. для вузов./ Ред. кол. М.А. Маслин и др. М.: Республика, 2001. — 639 с.
4. Соловьев В.С. Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1988.
5. Соловьёв В.С. Сочинение в 2-х книгах / Ред. и сост. А.В. Гульга, А.Ф. Лосев — М.: Прогресс, 1990. Кн.2. — 452 с.
6. Столович Л.Н. Теоретико-ценностные воззрения Вл. Соловьева // Владимир Соловьев и культура Серебряного века: К 150-летию Вл. Соловьева и 110-летию А.Ф. Лосева / [Отв. ред. А.А. Тахо—Годи; Сост. Е.А. Тахо—Годи]; Научн. совет «История мировой культуры». — М.: Наука, 2005. — С. 33—46. — 631 с.
7. Фараджев К.В. Русская религиозная философия. М.: Весь мир, 2002. — 208 с.
8. Хоружий С.С. После перерыва. Пути русской философии. СПб.: Алетейя, 1994. — 448 с.

ПОНЯТИЕ «НАУЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ» И ЕЁ ВОПЛОЩЕНИЕ В НАУЧНОМ МИРОВОЗЗРЕНИИ Л.И.МЕЧНИКОВА

Шанина Елена Андреевна

аспирантка НГПУ, г. Нижний Новгород

E-mail: agnosticizm@list.ru

Термин «научная философия» одним из первых употребил В.В. Зеньковский. Это, прежде всего поиск философии, опирающейся на науку, часто не идущей дальше синтеза научных обобщений. Здесь больше интереса к «научному мировоззрению», чем к философии. Незыблемым фундаментом для «научной философии» является вера в научную достижимость бытия, преклонение перед методами и завоеваниями науки.

Зеньковский пишет, что если взять все течения, тяготевшие к «научной философии», то в них можно отметить, как наиболее существенные, три основные черты. Первая, это вера в *единственность научных методов* в постижении бытия, преклонение перед научными приемами мысли, наивный рационализм, т. е. признание (наперед) «соответствия» нашей мысли строю бытия [1, с. 668]. Но каковы могли бы быть эти методы? Очевидно, что по самой природе философии речь не может идти о преобладании таких исследовательских процедур, как наблюдение каких-либо находящихся в пространстве и времени объектов, экспериментирование с ними и т. д. Поэтому по преимуществу методы научной философии должны носить теоретический, абстрактный характер. Подобно тому, как для физики оказались плодотворными методы из математического анализа, теории функций и других математических теорий, в ряде областей философии и методологии нашли применение логические методы. Центральное место логических методов в научной философии не исключает использования в необходимых пределах различных приемов и способов исследования. Главное, чтобы это были методы науки. Второй чертой В.В. Зеньковский называет навеваемое наукой убеждение в *относительности* нашего знания, в его постоянной эволюции и в невозможности никакого «абсолютного» знания, т. е. убеждение в «историчности» всякого знания. Третьей характерной чертой всего этого направления мысли является отвержение (заранее) всякой метафизики (антиметафизическая

тенденция) [1, с. 669]. Таковы общие черты тяготения к «научной философии».

В русской культуре наивное преклонение перед наукой особенно настойчиво стало проявляться во второй половине 19 века. Это Н.Г. Чернышевский, Д.И. Писарев, В.В. Лесевич и др. Но к этому же времени относятся и блестящее развитие русской науки — особенно естествознания. Великие имена И.И. Пирогова, Менделеева, Ковалевского, И.И. Мечникова, Сеченова и другие знаменуют исключительные успехи русской науки, и естественно, что культ научного знания и поспешное подчинение ему всей мысли получает особую силу [1, с. 669]. Поэтому и возникает «научная философия».

Одним из распространенных философских течений в XIX веке был позитивизм. Как самостоятельное философское направление он оформился в 30-е годы прошлого столетия. В центре внимания позитивистов находился вопрос о взаимоотношении философии и науки. Они полагали, что всякое подлинное, по их представлениям, «положительное» (позитивное) знание может быть получено в виде результата развития отдельных специальных наук, либо их синтетического объединения. Поэтому-де философия, претендующая на содержательное исследование реальности, не имеет права на существование в качестве особой научной дисциплины.

История философии и науки, особенно история их взаимодействия — важнейшие показатели теоретического освоения действительности. Глубокая связь философии и науки — это не только достояние истории, но и реальность настоящего и неизбежность будущего.

Одним из интересных и оригинальных представителей «научного мировоззрения» и так называемой «научной философии» был знаменитый биолог и патолог — И.И. Мечников. Имя его связано с рядом важнейших построений в области теоретической медицины (теория фагоцитоза, иммунитета и т. д.), но не менее замечательны были работы его в области физиологии, эмбриологии и близких дисциплин. Мечников — ученый с мировым именем, типичный и яркий представитель той веры в мощь научного знания, которая так характерна для XIX и XX в. Но вместе с тем Мечников всю жизнь размышлял на этические темы, в итоге чего появились его известные книги «Этюды о природе человека», «Этюды оптимизма».

Зеньковский пишет, что как человек, преисполненный веры в мощь науки, Мечников глубоко убежден, что «человек при помощи науки в состоянии исправить несовершенства своей природы» [2, с. 683]. Отсюда центральное понятие в мировоззрении

Мечникова — понятие «ортобиоза», научной регуляции жизни. Придя к убеждению, что смерть становится желанной в итоге длительной жизни (реальности жизни души после смерти Мечников никогда не признавал) Мечников пришел к выводу, что идеал для человека заключается в том, чтобы «достичь долгой, деятельной и бодрой старости, приводящей, в конечном периоде, к развитию чувства насыщения жизнью и к желанию смерти». «Величайшее счастье, — тут же пишет Мечников [2, с. 684] — заключается в нормальной эволюции чувства жизни, приводящего к спокойной старости и, наконец, к чувству насыщения жизнью».

В творчестве Мечникова очень ярко прослеживается третья характерная черта «научной философии» антиметафизическая позиция. Чтобы ее и другие черты четко отследить обратимся к беглой характеристике научно-философских идей Мечникова. Зеньковский утверждает, что для Мечникова только научные методы могут нас приблизить к познанию бытия [2, с. 684]. Сам разум, естественно «возникающий» в ходе развития природы, есть функция жизни, но для Мечникова разум все же может и должен активно подчинить себе природу. «Я не знаю, — писал он [2, с. 684], — имеет ли природа какой бы то ни было идеал и отвечает ли ему появление человека на земле». «Не имея понятия, — добавляет тут же Мечников с предельной категоричностью, — ни о «целях», ни о «мотивах» природы, я никогда не становился на метафизическую точку зрения». Но в таком случае всякая активность разума, направленная на изменение природы («ортобиоз»), не имеет ведь оснований в самом бытии! Мечников сознает это: «Я так мало убежден в существовании каких-нибудь предначертаний природы для превращений наших бедствий в блага и дисгармоний в гармонии, что нисколько не удивился бы, если бы идеал этот никогда не был достигнут» [2, с. 684]. Для Мечникова ничего нет за пределами природы, и здесь он так резко расходится, например, с научными прозрениями знакомого нам другого великого русского ученого — Пирогова. Мечников — чистый позитивист и потому утверждает: «Мы не можем постичь неведомого, его планов и намерений. Оставим же стороне (!) «Природу» [2, с. 684] и будем заниматься тем, что доступно на шему уму» [2, с. 685]. Эта позиция приближается к трагическому мировоззрению Герцена; по существу, «оптимизм» Мечникова висит в воздухе. Призывая к «ортобиозу», но, «оставляя в стороне» «Природу», на чем же основывает Мечников не только свой ортобиоз но и вообще моральную установку? Сам Мечников признается в одном месте, что он основывает нравственное поведение на эгоизме [2, с. 685], но

в другом месте он довольно остро критикует утилитаристическое обоснование морали. Мечников призывает человека активной саморегуляции: «подобно тому, как человек, изменил природу животных и растений, человек должен будет изменить свою собственную природу для того, чтобы сделать ее гармоничной». Но почему он «должен»? Когда дальше Мечников говорит о своеобразной религии будущего» [2, с. 685], то дело идет все о той же «вере в науку». Наука же в будущем, как это ясно само собой, лишь резче определеннее покажет невозможность проникнуть в «Неведомое»...

Изложение же своих социологических воззрений Мечников начинает с проблемы прогресса, которую рассматривает как одну из самых важных проблем исторической науки. Человеческая история, «лишенная идеи прогресса, представляет лишь бессмысловую смену событий, вечный прилив и отлив случайных явлений, которые не укладываются в рамки общего мировоззрения» [2, с. 688]. Социология и призвана указать «Ариаднину нить», необходимую для отыскания дороги в запутанном лабиринте исторических фактов и событий. «Существенной задачей для нас, — пишет Мечников, — является — определить, в чем состоит прогресс и по какому точно определенному признаку можно узнать, прогрессирует ли данное общество, не употребляя при этом никакого субъективного произвола, никакого предвзятого мнения, обыкновенно выставляемого различными социологическими теориями» [2, с. 688].

Вслед за позитивистами школы Конта — Спенсера Мечников считал, что социология, с одной стороны, должна усвоить строгий, свободный от пережитков метафизики, метод естественных наук; с другой — ей следует ясно и определенно установить свою специфику, как особой общественной науки. По отношению к биологии социология, с точки зрения Мечникова, занимает такое же место, какое занимает биология по отношению к наукам, изучающим неживую природу. Но в то же время, как нельзя свести биологию к химии и физике, точно так же «логично и естественно допустить, что только одними биологическими законами нельзя разрешать вопросы социологии» [2, с. 688].

Самой общей, социальной формой жизни Мечников, подобно Кропоткину и Михайловскому, считает кооперацию — добровольное или вынужденное объединение людей в сообществе для достижения общей цели. Принцип кооперации «совершенно отличен и противоположен принципу борьбы за существование, насколько этот принцип сам отличается от более общего принципа — ньютоновского закона всеобщего тяготения» [2, с. 689]. Подчеркнув, таким образом,

свое отрицательное отношение к попыткам биологизации общественной жизни и особенно к социал-дарвинизму, Мечников, однако, считал, что между эволюцией органической жизни и прогрессом жизни общественной имеют место определенные совпадения. Здесь он, как и Михайловский, реставрирует органическую теорию Скороспелые обобщения одного историка, разыскивающего малейшие следы материализма (философского) у русских ученых сводят мировоззрение Мечникова к материализму. Но витализм, связывание психики с нервной системой вовсе не есть материализм. Вообще, мировоззрение Мечникова, связанное с попытками ограничиться тем, что дает наука, так окрашено этикой, так тесно связано с понятием «идеала» (чуждого «Природе»), что характерно чертой этого мировоззрения надо признать лишь трагический надрыв, стоящий позади идеи «ортобиоза».

Итак, философские идеи Мечникова растворяется в научном мировоззрении. Это и является воплощением «научной философии» в его творчестве.

Список литературы:

1. Зеньковский В.В. История русской философии: учеб. пособие — М.,2004. —999 с.
2. Цит.по Зеньковский В.В. История русской философии: учеб. пособие — М.,2004. — 999 с.

3.5. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

ФИЛОСОФИЯ КАК МЕТАФИЗИКА: ОТ АНТИЧНОСТИ ДО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Дмитриева Анастасия Валерьевна
аспирантка НГГУ, Нижневартовск
E-mail: anastas84@mail.ru

Метафизика (от *греч.* μετά τὰ φυσικά — то, что после физики) — философское учение о сверхчувственных началах и принципах бытия вообще или какого-либо определенного вида бытия [9, с. 362—363]. Метафизика выступает гарантом подлинности философии, поскольку в своих понятиях выходит к бытийной сущности и мира, и философии [19, с. 3–5]. Ее предметом являются: бытие, ничто, свобода, бессмертие, Бог, жизнь, материя, истина, душа, становление, Мировой дух, природа и т. п.

В истории европейской мысли слово «метафизика» часто употреблялось как синоним понятия «философия». Ближе к нему и понятие «онтология». Вплоть до XVIII в. метафизика отождествлялась с онтологией как учением о бытии, пока немецкий мыслитель Хр. Вольф не разделил семантическое значение понятий «онтология» и «метафизика» и стал понимать онтологию как метафизику бытия и вещей. Сам же термин «онтология» в XVII в. ввел Р. Гоклениус и параллельно И. Клауберг (в варианте «онтософия», как эквивалент понятия «метафизика»). При этом метафизика подразделялась на учение о самом сущем (онтология), о сущности мира (космология), о человеке (философская антропология) и о Боге (теология). Философы различали спекулятивную метафизику, которая стремится объяснить и выводить общую действительность, исходя из высшего всеобщего принципа, и индуктивную метафизику, которая пытается набросать единую картину мироздания посредством общего обозрения всех частных наук [15, с. 270–271].

Термин «метафизика» впервые ввел Андроник Родосский (I в. до н. э.), систематизатор произведений Аристотеля (384–322 гг. до н. э.), назвавший так группу его трактатов о «бытии самом по себе». Позднее условное название произведения дало имя предмету исследования, который сам Стагирит определял как «первую философию», чья задача — изучать «первые начала и причины», или же как науку о божественном, «теологию» [2, с. 68–70, 181–182]. Он

специально подчеркивал, что «имеется в виду наука о сущности», которую следует рассматривать «как самую главную и главенствующую науку» [2, с. 100–102]. Однако, метафизика как способ мышления возникла задолго до Аристотеля, по сути совпадая с первыми шагами философии.

Метафизика в античности. Для раннегреческих мыслителей «философия» и «мудрость» были синкретичным созерцанием истинной картины Космоса, а потому собственно философский метод исследования у них не отличался от метода научного. Однако уже в начальный период развития древнегреческой мысли намечается различие между подходами «физиологов», выявлявших природные основания мироздания, и «теологами», искавших сверхприродные основания бытия, что приводит к осознанию необходимости размежевания натурфилософской и собственно философской установок познания.

У Платона (427—347 гг. до н. э.) метафизика уже может быть обнаружена как специально обоснованный метод. Не предпринимая формального расчленения «мудрости» на различные науки, афинский философ в ряде диалогов дает описание высшего типа знания, восходящего от эмпирической реальности к бестелесным сущностям по иерархической «лестнице» понятий и нисходящего обратно к чувственному миру, обретая при этом способность видеть истинное бытие и находить во всяком множестве единство, а во всяком единстве – множество. (Платон называл этот метод «диалектикой») [18, с. 316–318].

Его ученик Аристотель построил классификацию наук, где первое по значению и ценности место занимает наука о бытии как таковом, о первых началах и причинах всего сущего, которую он назвал «первой философией». В отличие от «второй философии», т. е. «физики», «первая философия», рассматривает бытие независимо от конкретного соединения материи и формы, выступая и наукой о бытии, т. е. обо всем, что существует «в себе», и наукой о целесообразном, целокупном и неподвижном.

Но если для Платона наука мудрости познает чувственный мир в его истинно сущем значении через постижение идей [17, с. 155–159], то Аристотель стремится устранить удвоение действительности, поскольку, по его мнению, идеи не могут существовать отдельно от самих вещей [2, с. 330]. Тем не менее, «первая философия» у Аристотеля одновременно есть и теология, потому что она рассматривает Бога как высший принцип мироздания.

Таким образом, античная метафизика, рассматривая сущее, приходит к идее его единства, и как следствие, к идее мира в целом, к неэмпирическому, умопостигаемому знанию о всеобщей связи. Не связанная ни с субъективностью человека (как науки «пойетические»), ни с человеческой деятельностью (как науки «практические»), метафизика, по Аристотелю, является самой ценной из наук, существуя не как средство, а как цель человеческой жизни и источник высшего интеллектуального наслаждения.

Метафизика в Средние века. Средневековая философия признавала метафизику высшей формой рационального познания бытия, хотя и подчиненной сверхразумному знанию, данному в Откровении. Европейская схоластика основывалась на примате веры над знанием. Поскольку реальность для нее представляла как эманация божественной сверхчувственной первоосущности, то и метафизика была обусловлена теологическими принципами постижения Бога. В средневековой европейской философии метафизика изучала широкий спектр трансцендентных объектов: рациональный Логос, божественный Ум (Нус) и др. Схоластика считала, что метафизике доступно богопознание, осуществляемое по аналогии с высшими родами сущего (Единое, Истина, Благо, Красота и т. п.).

Следовательно, метафизика Средневековья — это познание Бога как действующей, всеобщей причины и духовной цели, оторванной от материального мира, как считал *Фома Аквинский* (1225 или 1226—1274 гг.) [20, с. 15], и как высшего блага и бесконечно совершенного существа, как утверждал *Ансельм Кентерберийский* (1033—1109 гг.) [1, с. 128—130].

В целом средневековая метафизика, достигшая своего расцвета в XIII—XIV вв., существенно обогатила понятийный и терминологический словарь европейской и мировой философии.

Метафизика в эпоху Возрождения. В дальнейшем религиозная метафизика нередко низводилась до ее оценки как догматики, которая не позволяет увидеть человека-микрокосма в качестве концентрированного воплощения Вселенной, что нашло свое выражение в учениях Ренессанса. Антропологизм эпохи Возрождения приводил к признанию центрального положения человека в мироздании. *Томазо Кампанелла* (1568—1639 гг.) даже утверждал, что «...человек — это Бог. Физика, изучающая природу, политика и медицина показывают его как ученика Бога, метафизика — как сотоварища ангелов; богословие — как сотоварища Бога» [10, с. 329].

Гуманистическая мысль позднего Ренессанса характеризуется углубленным психологическим анализом внутреннего мира личности.

Так, *Николай Кузанский* (1401—1464 гг.) строил свое учение на тезисе о «мудром незнании», коренящемся в сердце и приводящем к «сверхрациональному» познанию подлинной реальности. По его мнению, «эманация формообразующего света» озаряет мозг и придает чувственным объектам индивидуальный смысл, различие и связь [16, с. 54–73].

Метафизика в Новое время. Новоевропейская метафизика выходит из границ, очерченных теологией, и возвращает себе «природу» как объект автономного исследования. Но на смену авторитету богословия приходит наука, не менее властно подчинившая себе метод и направление метафизического знания. Метафизика, формально оставшись «царицей наук», не только испытывает влияние естественных наук, достигших в этот период выдающихся успехов, но и до некоторой степени сливается с ними. Великие философы XVII столетия (периода расцвета метафизики Нового времени), как правило, являются и великими естествоиспытателями.

Основная черта новой метафизики — сосредоточенность на вопросах гносеологии, что делает ее в первую очередь *метафизикой познания*, а не метафизикой бытия (каковой она была в античности и в Средние века). Это справедливо и для метафизики рационализма [6, с. 309], тесно связанной с традиционной онтологией, и для метафизики эмпиризма [3, с. 217], резко размежевавшейся с дедуктивным методом средневековой схоластики, приводившим, по мнению эмпириков, к догматическому возведению понятий в статус бытия.

Метафизические системы XVII и XVIII вв. свидетельствуют о том, что они признают не только формальное понятие мира в целом, или единство многообразия, но и содержательную целостность. Критерием всеобщей связи мироздания служит ее *рациональность*, т. е. конструируемость из априорных аксиом разума и дедуктивных выводов. В результате новоевропейская метафизика создает образ мира как интеграл всех возможных содержаний опыта и обосновывает их ценность в их разумной основательности. Тем самым она устанавливает аналог с естественными науками.

Таким образом, к началу Нового времени метафизика постепенно восстанавливается как теоретическая конструкция тотальности. Великие философские системы *Рене Декарта* (1596—1650 гг.), *Томаса Гоббса* (1588—1679 гг.), *Бенедикта Спинозы* (1632—1677 гг.), *Никола Мальбранша* (1638—1715 гг.), *Готфрида Вильгельма Лейбница* (1646—1716 гг.) и других новоевропейских мыслителей, прежде всего, разрабатывались как проекты границ понимания, которые должны

выразить эмпирическую многогранность в качестве единства. Здесь впервые в истории философии соединялись метафизическая и теоретико-познавательная проблематика.

Это новое состояние философии отличает поиск абсолютной очевидной основы познания. И если *Галилео Галилей* (1564—1642 гг.) предлагал просто заменить аристотелевскую логику математикой [4, с. 227—231], то Декарт разработал достаточно конкретную и обобщенную рационалистическую методологию. В отличие от *Френсиса Бэкона* (1561—1626 гг.), апеллировавшего к опыту и наблюдению [3, с. 198—199, 203, 211, 213], французский мыслитель обращался к разуму и самосознанию, «...посредством которых мы можем прийти к познанию вещей без всякой боязни обмана...» [7, с. 84].

Достоверность и очевидность он находит в самовосприятии мыслящего субъекта. «*Cogito, ergo sum*», — утверждает французский философ. «Я знаю, что я существую, потому что я мыслю об этом и воспринимаю себя самого как существо мыслящее». При этом самосознание Декарта не замкнуто на себя, а открыто Богу, выступающему источником объективной значимости человеческого мышления [8, с. 20—25, 29—43, 53—57].

В разработке метафизических проблем, выявлении их связи с математикой и естествознанием Лейбниц продолжил традиции новоевропейского рационализма: «...Теология, или метафизика, говорит о *действующей причине* вещей, т. е. об уме; нравственная философия... говорит о *цели* вещей, т. е. о благе; математика... говорит о *форме* вещей, т. е. о фигуре; физика говорит о *материи* вещей и единственном ее состоянии, вытекающем из сочетания ее с другими причинами, а именно о движении» [14, с. 94]. Основными понятиями его метафизики являются категории субстанции и Бога. «В истинной философии и здоровой теологии, — писал философ, — следует различать между тем, что объяснимо природой и силами созданных вещей, и тем, что объяснимо лишь силами бесконечной субстанции» [13, с. 498]. В учении о монадах как идеальных началах всех вещей и предустановленной гармонии мира немецкий мыслитель выражает гипотетический характер метафизической системы и принимает во внимание ее объяснительную мощь как ценностный критерий.

В XVIII в. метафизика переживает кризис, что обусловлено отъединением от нее позитивных наук, вырождением умозрительных систем в догматическое систематизаторство, например, в учениях *Христиана Вольфа* (1679—1754 гг.) и *Александра Готлиба*

Баумгартена (1714—1762 гг.), активной разрушительной критикой метафизики со стороны сенсуализма, скептицизма и механистического материализма. Метафизика на долгие годы была осуждена, и там, где ею продолжали заниматься, она распалась на онтологию, учение о наиболее общих понятиях, и натуральную теологию, учение о Боге на основании разума.

«Критическая философия» И. Канта. В классической немецкой философии XVIII—XIX вв. происходил сложный процесс радикального пересмотра старой метафизики, парадоксально связанный с реставрацией метафизики как умозрительной картины мира. Важную роль в этом процессе сыграла «критическая философия» Иммануила Канта (1724—1804 гг.).

Отвечая на вопрос: «Как возможна метафизика как наука?», Кант прежде всего трактует метафизику в классическом смысле. Немецкий мыслитель подразделяет метафизику на *metaphysica generalis*, которая изучает сущее как таковое, т. е. онтологию, и *metaphysica specialis*, предметом исследования которой является человек, природа и Бог, т. е. психология, космология и телеология.

Считая догматическую онтологию бессодержательной метафизикой, Кант заменил ее трансцендентальной философией, утверждая, что такая метафизика и есть философия в точном и строгом смысле слова. По его мнению, «...метафизика имеет дело собственно с априорными синтетическими положениями, и только они составляют ее цель... *Порождение* же априорного познания, как на основе созерцания, так и на основе понятий... составляет главное содержание метафизики» [12, с. 86].

Таким образом, в «критический период» своего творчества философ критиковал не метафизику как науку (необходимость и ценность которой он признавал, считая ее завершением культуры человеческого разума), а догматическую метафизику прошлого. Своей задачей он считал изменение метода метафизики и определение собственной сферы ее приложения. Разделяя рассудок и разум, Кант показывает, что некритическое распространение деятельности рассудка за пределы возможного опыта порождает ошибки старой метафизики. Философ предлагает программу построения метафизики как истинной системы (т. е. такого учения, где каждый отдельный принцип или доказан, или в качестве гипотезы приводит к остальным принципам системы как следствиям).

В связи с этим он указывает на два опорных пункта, вокруг которых вращается метафизика как трансцендентальная философия: во-первых, учение об идеальности пространства и времени, которое в

отношении теоретических принципов только указывает на непознаваемое сверхчувственное, а во-вторых, учение о реальности понятия свободы как понятия о познаваемом сверхчувственном. Фундаментом обоих пунктов, по Канту, является понятие разума о безусловном в целокупности всех подчиненных друг другу условий. Задача подлинной метафизики состоит в том, чтобы освободить это понятие от иллюзий, возникающих из-за смешения явлений и вещей-в-себе, и, избежав тем самым антиномий чистого разума, осуществить переход «от чувственно воспринимаемого к сверхчувственному» [11, с. 239].

Истинная метафизика, таким образом, возможна лишь как систематическое знание, выведенное из чистого и очищенного от иллюзий разума. Однако Кант не построил такой философской системы, ограничившись исследованием противоречий, в которые неизбежно впадает разум, пытающийся синтезировать законченную картину мира. Немецкий мыслитель разделил метафизику на метафизику природы и метафизику нравов, толкуя последнюю как такую сферу, где противоречия чистого разума находят свое практическое разрешение. Он также четко размежевал метафизику и естествознание, указав, что предметы этих дисциплин совершенно различны.

Классическая немецкая философия после И. Канта. На основе кантовских идей (в частности, учения о творческой роли субъекта в познании) *Иоганн Готлиб Фихте* (1762—1814 гг.), *Фридрих Вильгельм Йозеф Шеллинг* (1775—1854 гг.) и *Георг Вильгельм Фридрих Гегель* (1770—1831 гг.) построили новый вариант метафизики. Его наиболее специфичной чертой было понимание Абсолюта не как неизменной сверхреальности (такова была установка традиционной метафизики), а как сверхэмпирической истории, в которой совпадают процесс и результат. Так, связав на основе принципа историзма мышление и бытие, метафизику и науку, разум и природу, Фихте, Шеллинг и Гегель истолковали диалектику разума как движущую силу развития познания.

Особую позицию по отношению к метафизике занимает «поздний» Шеллинг, чья «положительная» философия, отмежевалась от немецкого трансцендентализма как от «негативного» конструирования идеальных схем. По его мнению, истинная метафизика должна обратиться к позитивной реальности, данной, с одной стороны, в Откровении, а с другой — в экзистенциальном опыте.

Рассматривая истину и бытие как процесс, Гегель создал систему, в которой истина выступает как поступательное развитие разума, а

противоречие — как его необходимый момент. В своей системе философ представил мир как самоосуществление Абсолютного духа. Он переосмыслил кантовское различие рассудка и разума и сделал последний носителем истинного познания, а диалектику — методом постижения противоречий и развития понятий. Рассудок, согласно Гегелю, оперируя конечными однозначными определениями, является хотя и необходимым, но недостаточным условием познания. Поэтому источник ошибок метафизического метода немецкий мыслитель видел в ограничении познавательной деятельности лишь сферой рассудка.

В результате Гегель впервые противопоставил метафизику и диалектику как два различных метода. Вместе с тем он оценивал свою философию как «истинную» метафизику и традиционно понимал ее как «науку наук». «...Человек, — писал Гегель, — как мыслящее существо есть врожденный метафизик. Важно поэтому лишь то, является ли та метафизика, которую применяют, настоящей, а именно: не придерживаются ли вместо конкретной, логической идеи односторонних, фиксированных рассудком определений мысли...» [5, с. 240]. В отличие от «дурной» метафизики, которая заменяет конкретную идею односторонними и абстрактными определениями рассудка, истинная метафизика есть мышление, которое постигает единство определений в их противоположности [5, с. 146–147, 244].

Таким образом, философией Гегеля заканчивается классический период метафизики Нового времени, развившейся из греческого начала. В отличие от схоластических построений Средневековья, классическая новоевропейская метафизика формируется и утверждается не как онтологическое и космологическое догматическое сооружение, но в качестве конструктивной теории для интеграции постоянно растущего эмпирического знания и рационального способа поведения человека.

Список литературы:

1. Ансельм Кентерберийский. Прослогион // Соч. М.: Кантон, 1995. С. 123—165.
2. Аристотель. Метафизика // Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1976. Т. 1. С. 63—367.
3. Бэкон Ф. Новый органон // Антология мировой философии: В 4 т. М.: Мысль, 1970. Т. 2. С. 193—218.
4. Галилей Г. Диалог о двух главнейших системах мира — Птолемеевой и Коперниковой // Антология мировой философии: В 4 т. М.: Мысль, 1970. Т. 2. С. 227—231.

5. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: В 3 т. М.: Мысль, 1975. Т. 1. 452 с.
6. Декарт Р. Первоначала философии // Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 1. С. 297—422.
7. Декарт Р. Правила для руководства ума // Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 1. С. 77—153.
8. Декарт Р. Размышления о первой философии, в коих доказывается существование Бога и различие между человеческой душой и телом // Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1994. Т. 2. С. 3—72.
9. Доброхотов А.Л. Метафизика // Филос. энциклопедич. словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1983. С. 363.
10. Кампанелла Т. Метафизика // Чаша Гермеса: Гуманистическая мысль эпохи Возрождения и герметическая традиция. М.: Юристъ, 1996. С. 323—333.
11. Кант И. О вопросе, предложенном на премию Королевской Берлинской академией наук в 1791 году: Какие действительные успехи сделала метафизика в Германии со времени Лейбница и Вольфа? // Соч.: В 6 т. М.: Мысль, 1966. Т. 6. С. 177—255.
12. Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука // Соч.: В 6 т. М., 1965. Т. 4. Ч. 1. С. 67—210.
13. Лейбниц Г.В. Переписка с Кларком // Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1982. Т. 1 С. 430—528.
14. Лейбниц Г.В. Письмо к Якобу Томазию о возможности примирить Аристотеля с новой философией // Соч.: В 4 т. М. : Мысль, 1982. Т. 1. С. 85—102.
15. Метафизика // Филос. словарь: Основан Г. Шмидтом. — 22-е, новое, переработ. изд. под ред. Г. Шишкоффа / Пер. с нем. / Общ. ред. В.А. Малинина. М.: Республика, 2003. С. 270—271.
16. Николай Кузанский. Об ученом незнании // Антология мировой философии: В 4 т. М.; Мысль, 1970. Т. 2. С. 53—77.
17. Платон. Федр // Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1993. Т. 2. С. 135—191.
18. Платон. Государство // Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 3. С. 79—420.
19. Пушкин В.Г. Сущность метафизики: от Фомы Аквинского через Гегеля и Ницше к Мартину Хайдеггеру. СПб.: Лань, 2003. 480 с.
20. Фома Аквинский. Сумма против язычников // Мир философии: Книга для чтения: В 2 ч. М.: Политиздат, 1991. С. 15.

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПОНЯТИЯ «НАУЧНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»

Лёвин Виктор Гаврилович

*профессор, д. филос. н., креативный директор
Центра инновационных ресурсов, г. Самара
E-mail: seneka88@mail.ru*

Бытие науки динамично. Концентрированное проявление ее динамизма обнаруживается в научных революциях. Исследованию механизмов, природы, истоков и закономерностей научных революций посвящены многочисленные труды экономистов, историков, социологов, методологов и специалистов в области философии науки.

Обзор современных работ философского плана показывает, что многие исследователи, разрабатывавшие проблемы научных революций, придерживаются позиции так называемого когнитивизма. К числу сторонников этой позиции не относится Т. Кун, создавший теорию парадигмального развития науки. Однако когнитивизм характерен для К. Поппера и И. Лакатоса [2]. В их трудах рассматривались обобщенные модели динамизма научного познания, в том числе — вопросы конкуренции научных теорий, смены исследовательских программ и др. Продолжением когнитивного способа обоснования научных революций в отечественной литературе является концепция смены типов рациональности в науке [3].

Достоинство когнитивизма состоит в том, что он опирается на солидную традицию, которая связывает научные революции с коренной ломкой устаревших теорий, понятий, категорий. Ярким примером подобной ломки стал знаменитый «кризис в физике», разразившийся на рубеже XIX — XX веков. Похожие критические точки в своем развитии прошли механика, биология, химия и другие науки. На таком обширном материале когнитивизм, как общий принцип постижения механизмов революционного преобразования науки, испытал свою познавательную эффективность. Вместе с тем, его применение было конкретизировано в указанных выше моделях динамики научного познания.

Со своей стороны отмечу определенную односторонность когнитивного подхода к объяснению и обоснованию революционной динамики науки. На это обстоятельство вполне ясно указывают новые концепты, применяемые для характеристики социального статуса науки и для оценки ее влияния на социокультурную жизнь

современного общества. К числу таких концептов относятся «научно-техническая революция», «научно-технологическая революция», «научно-информационная революция» и др.

Использование новых концептов можно рассматривать как отражение процесса слияния, преодоления разобщенности ранее обособленных потоков преобразований, совершавшихся в науке и в технике, в науке и в технологической сфере и пр. Обособленные ранее сферы культурного прогресса теперь пронизывают друг друга. Это означает, что наука технизируется, а техника онаучивается. Идет процесс формирования единой системы «наука-техника». И весь этот процесс свидетельствует о преображении сущности науки. Наука обнаруживает свойства технологизированной деятельности, которая играет ведущую роль в обеспечении технико-технологического прогресса.

Отражением происходящих процессов является выработка понимания того обстоятельства, что время чистой науки и время истолкования науки как только познавательной деятельности уходит в прошлое. На смену приходит осознание факта, что понятие «наука» существенно обогащается. Наука наших дней не является только познавательной деятельностью. Она все более приобретает черты сложно организованного производства. Ее продуктом является и приобретение общих и специфических знаний, и подготовка кадров научной квалификации, и разработка проектов и программ совершенствования общественных отношений, способов и форм взаимодействия общества с природой. Но, кроме того, современная наука воплощена в различных соотносительных друг с другом социальных институтах. К ним принадлежат академии наук, научные лаборатории и центры, книжные и журнальные издательства и т. п. Эти три главных аспекта современной науки следует учитывать в трактовке оснований и механизмов новейших научных революций. В предлагаемой статье предпринята попытка обозначить сущность научных революций в контексте широкого понимания науки как социального явления. Заявленный подход может иметь смысл, если позволит по-новому характеризовать истоки, условия и причины научных революций, определить результаты и перспективы ближайшего революционного хода развития современной науки.

Автор отстаивает тезис, что революционность — это историческая необходимость развития науки. В когнитивной области революции вызываются вектором стремления к постижению нового, неизведанного. С методологической точки зрения революционная предрасположенность науки предотвращает ее от застоя и

догматической спячки. В указанном направлении срабатывает также извечная критическая составляющая научного поиска, диалоговая и дискуссионная конструкции научного познания. Есть и личностная составляющая, формирующая революционные свершения в науке. Речь идет о том, что для революции всегда требуются люди особого склада. Им свойственен отважный поиск вопреки мнениям авторитетов. Они не удовлетворяются достигнутыми знаниями. Такие ученые противодействуют устаревшим способам управления наукой, стремятся к пересмотру кадровой политики в науке. В свое время истинное бунтарство по таким вопросам проявлял М.В. Ломоносов, который неоднократно выражал критическую позицию о «Худом» состоянии академического корпуса. В архивах Академии наук сохранились его записки по данному поводу.

Великие исходят из того, что наука выдвигает высокие требования к тем, кто ей служит. В свои критические моменты наука требует жить по правилу: перестаньте быть людьми лабораторий и письменных столов. Выйдите за стены учебных корпусов. Перестаньте быть узкими специалистами, станьте Учеными, ответственными за всю науку и за поддержание достоинства науки. Пробудите кроме интеллекта еще и свой темперамент, свою мудрость и свою совесть в борьбе за научный прогресс. И наступают моменты истории, когда появляются те, кто готов совершить революционные скачки в научном познании, восставая против принятых ранее идей, принципов и концепций, против тирании старых воззрений, против отживших порядков и способов организации науки. Современная наука уже с начала XX столетия усилиями своих истинных служителей превращается в мощную силу социальной эволюции, которая обнаруживается в эффектах, связанных с техническими, технологическими, экономическими, организационными, управленческими преобразованиями.

Все революции осуществляются по законам борьбы. Так это происходит и в науке. Возникает буря, которая сносит старые постройки в способах добычи и организации научного знания и научной деятельности. В науке наступает полоса интеллектуального смятения и буйных новаций одновременно. Почва старых научных истин уходит из-под ног. А новые знания еще бесформенные, плохо организованы. В них зачастую нет необходимой для науки меры. И наука утрачивает респектабельность твердого достоверного знания. Она движется в неизвестное, которое многим кажется отрывом от реальности. Но в итоге обнаруживается, что наука переходит к более глубоким истинам, которые обобщаются в новой картине мира,

в новой методологии. Не менее важно, что наука становится творцом новых технологий. А в более глубоком смысле научные революции открывают новые пути и способы человеческого бытия в мире.

Научные революции открывают ученым поприще активного участия в борьбе за право своего творческого существования. В революционный период передовые ученые вступают в столкновение с устаревшими формами человеческой культуры: со старой метафизикой, с авторитарной и догматичной религией, с изжившими себя условностями морального поведения.

По характеру своего осуществления революция является мощной встряской, доходящей подчас до катаклизмов. В этот период разрешаются накопившиеся противоречия в системе знаний, в организационных структурах научной деятельности, в институциональных отношениях внутри науки и в окружающей науку социальной среде. Все это может порождать резкие и очень бурные конфликты внутри научного сообщества. В такой ситуации сказываются неравномерность внутренних процессов, идущих в науке, нарушения «норм» научной деятельности, столкновения между стилями мышления, борьба между различными парадигмами в научном познании и т. п.

Это своего рода тектонические сдвиги в науке, результатом которых становится появление во многом неожиданной науки, уходящей в принципиальных основах и в способах научной деятельности от науки прежних эпох. Старая и новая наука по ряду параметров становятся несовместимыми, перестают быть конгруэнтными по отношению друг к другу.

Особое внимание хотелось бы обратить на структурные, организационные и технологические сдвиги в науке революционных периодов. От них нельзя абстрагироваться, давая характеристику научной революции последних десятилетий. Показательно, что и в прошлые времена на переломных этапах в структуру науки включались новые активные элементы, возмещавшие преобразование науки как социального явления. Так в XVIII в. возникли академические сообщества; в XIX и XX вв. появились индустриальные лаборатории и др. К структурным сдвигам относится возникновение отраслей науки, которые способны осваивать принципиально новые области знания. Подобные революционные рывки были связаны с появлением технических наук, генетики, информационных наук и пр. Новая структура науки появлялась и как результат революционного движения, и как его побудительный фактор.

Процесс постижения истоков, механизмов и последствий научных революций продолжается. Среди новых вопросов важная роль принадлежит исследованию времени как социальному ресурсу научных революций. Существует гонка за временем, ставится задача ускорения времени реализации научных преобразований, воплощаемых в экономических, технических, социальных решениях. При этом важно осознавать, что научная революция не является кратковременным актом, она осуществляется как длительный процесс, в ходе которого идет радикальная трансформация многих параметров науки, переоцениваются ее фундаментальные ценности. Подобные трансформации могут осуществляться многократно, и сама революция может осуществляться поэтапно. В силу данного обстоятельства правомерно вести речь о типах, видах и ступенях научной революции.

Когнитивный подход позволил выявить ряд видов научных революций, в том числе: **мини-революции** (которые протекают внутри отдельных научных дисциплин и касаются фрагментов их знаний; показательно, к примеру, революционное влияние на химию открытия кислорода); **локальные революции** (которые производят взрыв внутри определенной науки и выливаются в новое направление движения соответствующего дисциплинарного научного знания; так развивались, например, события в современной космологии в связи с разработкой теории Большого взрыва). Но наибольший интерес вызывают в свете современных всемирных перемен так называемые **глобальные научные революции**. Их своеобразие состоит в том, что они протекают в пространстве всей науки и связаны с мировоззренческими, глубинными методологическими превращениями. В ходе таких революций способна измениться общая научная картина мира, преобразоваться стиль научного мышления, сформироваться новый тип научной рациональности. Но эти признаки не исчерпывают характера современной глобальной научной революции. Она по разным каналам влечет круглые социально-культурные перемены, составляющие особую эпоху в прогрессивном развитии человечества.

Проведенный анализ показывает, что в последние десятилетия возникли особые предметы-объекты научного познания и научной деятельности. К их числу относится Земля как общий исторический дом человечества и уникальный носитель жизни, грандиозные искусственные системы — типа осваиваемого ближнего космоса и др. Особенность исторического момента заключается еще и в том, что предметная область новейшей науки связана с выявлением и исследованием **исторически развивающихся систем**. Сам процесс

развития подобных систем рассматривается теперь в рамках общей концепции глобального эволюционизма. Данная концепция соединяется с принципами синергетики, которые ориентированы на учет самоорганизации и саморегуляции сложных объектов, на изучение возможностей перехода сложных систем от одного уровня устойчивости к другому. Учитывается также перелом постепенности в эволюции систем, наличие «точек бифуркации» в их истории. В таких точках возможные структуры эволюции становятся важным фактором детерминации. В силу этого весь процесс эволюции приобретает нелинейный характер.

Для исследования тенденций и перспектив изменения названных уникальных объектов используются также критерии и методы сценарного представления исторических изменений. Соответственно разрабатывается методология исторической реконструкции для изучения и объяснения сверхсложных эволюционных процессов. Она применяется для построения перспектив будущего человечества, для воспроизведения последствий Большого взрыва Вселенной и т. д.

На такой почве возникает обоснованное представление о новой роли субъекта в научном познании. Уже в эпоху неклассической науки было осознано, что субъект не является внешним сторонним наблюдателем протекающих процессов. Теперь вводится более сильная установка, гласящая, что субъект участвует в ситуации выбора и своим воздействием способен влиять на поле возможных состояний системы. А в земных условиях он становится главным участником геологических, экологических и других процессов. Человеческие перспективы воздействия на суперсложные объекты усиливаются в связи с появлением компьютерных технологий и созданием методов автоматической переработки громадных массивов информации. Переход к решению задач освоения сверхсложных объектов заставляет пересматривать существовавшие до недавнего времени критерии оценки истинности познания. Сегодня уже не может считаться удовлетворительной нейтрально-истинностная позиция исследователей. Трактовка науки только как некой исследовательской технологии, настроенной на объективную истину, становится недостаточной. Поскольку масштабы научной деятельности с подобными системами затрагивают интересы больших масс человечества, а подчас и судьбу всего человечества, постольку сегодня в науке пробивают себе дорогу разумно взвешенные практические действия. Наука начинает опираться на оценки больших сообществ людей, на выводы авторитетных экспертов и пр. Правилom становится обсуждение

в науке и в обществе ограничений и запретов на определенные виды исследовательской работы (например, в области генной инженерии).

На фоне подобных изменений приобретает остроту вопрос: имеет ли научное рациональное познание безусловный приоритет перед до-рациональными и внерациональными формами постижения реальности? Этот вопрос еще не получил четкого решения. Но необходимость диалога между наукой и не-наукой достаточно ясно осознается в культурном сообществе. Можно предположить, например, что все более глубокое вхождение человечества в космическую эру потребует преобразования основ научной деятельности, иных способов организации науки и подготовки новых исследовательских кадров, опирающиеся на новые моральные ориентиры в научном сообществе. Выявляется, однако, что наука нашего времени еще далека от некоторой меры совершенства и явно недостаточно учитывает важность гуманитарных и социальных перемен, способных скорректировать ближайшие и отдаленные перспективы вхождения науки в культурное пространство эпохи. Не освоены в частности идеи гармонии, целостности человеческого бытия, правильного пути жизни и др. Между тем, к их ассимиляции подталкивают заботы о преодолении современных кризисных процессов научно-технического развития. В том же направлении действуют заботы, возникшие перед нами в атомную эру существования человеческого общества.

В итоге надо признать, что наука в последние примерно тридцать—сорок лет переходит в некоторую ультрасовременную фазу своего развития. Одна из ведущих черт этой фазы заключается в том, что для современной науки характерен многовекторный охват предметных областей. Выбор ее проблем и тематики, формирование новых методов, разработка инструментально-технической базы осуществляются в чрезвычайно широком горизонте, что позволяет говорить о переходе к фронтальному развитию науки.

Добавим, что уходит в прошлое классическое понимание о лидере науки (о «дисциплине-лидере») как источнике революционных прорывов. Сегодня в науке много лидеров, которые попеременно сменяют друг друга на передовом фронте исследований. Но они еще и объединяются в рамках комплексных, междисциплинарных научных разработок.

Налицо также каскадное развитие науки. И это существенный момент для понимания перспектив развертывающейся в наше время научной революции. Говоря о каскадном развитии науки, надо иметь в виду, что научная находка или открытие, сделанные в прошлом,

получают многократное продолжение в более позднее время. Историки науки выявили, например, что открытие изменений интенсивности пучка света, дифрагирующего на решетке, привело шаг за шагом к созданию микроскопа на основе ПП-резонанса, который используется для обозрения кинетики протекания химических и биохимических реакций. Каскады свидетельствуют о длительности скачков в развитии наук. Вместе с тем они являются одним из условий глобализации научных революций.

Новейшая глобализация в развитии науки опирается на развертывание сверх обычных масштабов производственной деятельности человечества, объектом которой становится вся планета Земля и ее ближний космос. В этой расширенной сфере деятельности ставятся и решаются комплексные проблемы и разворачиваются чрезвычайно емкие исследования и разработки. Соответственно науку интересуют теперь глубинные процессы в земной коре. В ней формируются крупные научные производства для изучения мирового океана, для исследования массовых атмосферных явлений, динамики земного климата, состояния биосферы Земли, анализа изменений околоземного космического пространства и др. И в этих направлениях находят применение новые методы, новые исследовательские технологии, работают новые научные коллективы, формируются новые механизмы кооперации научного труда. Теперь следует ожидать новые революционные прорывы, которые без всякого сомнения изменят облик современной науки и практики.

Своеобразный кластер сложной научной деятельности формируется вокруг исследований проблем жизни и проблемы антропосоциогенеза. Они разрабатываются и в аспекте естественнонаучных, и социальных, и культурно-духовных задач, обострившихся в последние десятилетия. Здесь справедливо ожидать создание новых ресурсов революционного преобразования науки как социокультурного явления.

Говоря о революции в современной науке, надо отметить возникновение новых способов организации научной работы. Среди них перспективными являются создание и функционирование превращенных форм научных (исследовательских) сообществ, а также внедрение международного принципа работы научных структур. Вот конкретный пример: организация «распределенных вычислений». На основе принципа «распределенных вычислений» был развернут проект поиска внеземных цивилизаций, объединивший полтора миллиона добровольцев. Находясь в связи с центром всего проекта через интернет, громадное число частных владельцев компьютеров

обеспечивают вычислительную мощность 8 Тфопс. Реализован также проект массового участия в определении новых последовательностей числа «Пи». И теперь математики точно знают, какая цифра стоит на квадриллионной позиции иррационального числа «Пи».

Международный принцип работы используется в современной науке широко и плодотворно. Так, Европейская организация ядерных исследований (ЦЕРН) сосредоточила объемные финансовые, технические и интеллектуальные ресурсы, что обеспечивает проведение грандиозных исследований, позволивших открыть элементарные частицы, участвующие в переносе слабого взаимодействия. В последние годы ученые этого центра существенно продвинулись в понимании процессов, происходящих во Вселенной. В частности, проведены эксперименты по детектированию «вимпов», слабо взаимодействующих с обычным веществом. Интернационализации научных работ содействуют также Принстонский международный центр, Будапештский клуб, Римский клуб, Объединенный институт ядерных исследований (Дубна). При ООН разрабатывается программа «Новый международный экономический порядок». Проводятся мировые инновационные форумы, например, Московский международный салон промышленной собственности «Архимед». Начала свою работу российско-американская группа по космической медицине, созданная совместным решением РКА и НАСА. Свою задачу она видит в стратегическом планировании фундаментальных исследований в космосе и на Земле. В том числе предполагается развернуть исследования радиационного воздействия на человека; механизмов деструкции материалов космических станций под воздействием микроорганизмов; пути создания модифицированных растений, способных жить в условиях Марса.

Нельзя правильно понять революционный ход современной науки без учета ее связи со сквозной разработкой темы безопасности. Что в этой области происходит? Идет разработка концептуальной платформы безопасности для современного человечества. Вырабатываются методы прогноза, предупреждения и управления разнообразными рисками, с которыми сталкивается новейшее общество. Выявлены различные аспекты безопасности, в том числе военная, экологическая, биологическая, радиационная, информационная и др. Идет осознание того обстоятельства, что в этой области требуется зачастую разработка уникальных проектов, рассчитанных на избирательное функционирование крупных искусственных систем, обеспечивающих противодействие масштабным рискам и создающих условия для устойчивого развития человечества.

Революционным для современной науки является формирование устойчивой цепочки: исследование, расчет, наблюдение, воздействие на объект, технология. Причем, технологичными становятся даже экзотические открытия. Такой путь проделало, например, открытие и применение фуллеренов, которые впервые были обнаружены в недрах космической материи.

Возникает положительная связь между звеньями научной работы. Процесс идет как эстафетный: открытие эффекта — создание аппаратуры и приборов на базе этих эффектов — использование аппаратуры в других областях науки — новые сенсационные подчас открытия в этих областях — появление подлинных взрывов и переворотов в соответствующих сферах науки. Сегодня в рамках подобных эстафет ожидаются взрывы в генетике, медицине, микроэлектронике.

Осуществляется мощное технологическое сопровождение фундаментальных исследований. Показательно, например, что на коллайдере RHIC (работает на тяжелых релятивистских ионах золота) предпринята уникальная по дерзости попытка в лабораторных условиях воссоздать процесс Большого взрыва нашей Вселенной.

Возникают невиданные ранее средства изучения уникальных объектов. К ним относятся, например, некоторые средства изучения Земли: сверхглубокие скважины (9 км. — в Германии, 12 км. — на Кольском полуострове); появились глубоководные аппараты для исследования океана; прошли по уникальным маршрутам атомные ледокольные суда, а ледокол «Арктика» достиг Северного полюса. Создание и применение подобных средств потребовало развертывания сложнейших комплексов научно-технологических разработок. В результате рождается еще один виток революционного развития науки, результаты которого выходят за пределы чисто познавательного действия.

Из сказанного выше проистекает вывод, что революционное развитие современной науки охватывает не только крутые перемены в корпусе научных знаний. Этот вывод во многом не совпадает с продолжающимися трактовками научной революции в качестве смены концептуальных средств познания [1]. В действительности, как это показано в предлагаемой автором статье, происходит многоуровневое и веерное развитие всей сферы современной науки, осуществляется серия научных прорывов в разных областях, объединенных в мир науки. В том числе научное развитие оказалось вовлечено в мощные технологические, экономические, социальные прорывы. Учет этого обстоятельства позволяет внести определенные коррективы в наше

понимание механизмов и перспектив научной революции, эксплицировать онтологический статус понятия «научная революция».

Список литературы:

1. Брокман Дж. Будущее науки в XXI веке. Следующие 50 лет — М.: Изд. АСТ, 2008. — 256 с.
2. Лакатос И. Методология исследовательских программ — М.: АСТ, Ермак, 2003. — 148 с.
3. Стёпин В. С. Философия науки. Общие проблемы — М.: Изд. Гардарики, 2008. 384 с.

О ПРИРОДЕ И СУЩНОСТИ ИСКУССТВА

Булычев Игорь Ильич

д. ф. н., профессор ИГАСУ, г. Иваново

Фурса Сергей Викторович

аспирант ИГАСУ, г. Иваново

E-mail: slayman@inbox.ru

Как известно, первоначально искусство носило синкретический характер в том смысле, что не было отделено от ремесла, мастерства, техники (древнегреческое «техне»). Все эти слова фактически обозначали одно и то же. Затем, пройдя не легкий путь, искусство постепенно формируется в качестве относительно самостоятельного и специфического элемента культуры. Искусство выделилось из общественного сознания в качестве *особого вида оценочной деятельности человека* [4].

Между тем исторические походы к различным концепциям в философии и эстетике оказались далеко не однозначными. В эпоху античности возникает такое понятие, как «мимезис» — (подражание). Так, Гераклит видел в искусстве подражание красоте природы. Платон считал, что искусство подражает предметам, и оно есть лишь их отражение или отражение отраженного. По мнению Демокрита, природа искусства заключается в подражании животным, ибо «наблюдая за действиями животных, насекомых, птиц, люди научились от паука — ткачеству и штопке, от ласточки — постройке домов, от певчих птиц — лебедя и соловья — пению» [7, с. 352]. Аналогичные взгляды присущи Аристотелю, который считал, что

каждый человек с детства имеет инстинкт *подражания* — (он дает этому термину широкое значение, и свободы творчества оно не, сколько не ограничивает) [2, с. 1022], т. е. это то, что наиболее ему присуще от рождения. Изображение этого подражания и приносит всем удовольствие.

Также в античной философии появился термин «катарсис» (греч. *katharsis* — очищение), используемый для обозначения эстетического воздействия искусства. Теория и практика в пифагорейской школе была направлена на очищение души от вредных и ненужных страстей: таких, как ревность, гнев, страх и т. д. — при помощи музыкальных особенных ладов. Только тогда, когда человек очистит свою душу, он может очистить и свое тело. В том же русле развивались и представления Аристотеля, который обращал внимание на специфическое воздействие музыки, песнопений античных трагедий. Благодаря этому, происходит очищение и облегчение — тот самый катарсис (очищение через страх и сострадание), в процессе чего психика человека испытывает удовольствие. Спустя некоторое время, возникло множество различных интерпретаций термина «катарсис». Под ним понимали очищение от: а) страстей (от чрезмерностей); б) страстей (их устранение); в) возбуждения страстей. Достижение катарсиса должно было привести человека к восстановлению гармонии его духовного мира. Поэтому «катарсис может рассматриваться в качестве завершающей фазы сложного психофизиологического процесса восприятия произведений искусства. Ибо в психике человека происходит разряд эмоций, нервной энергии, «самосгорание» противоположно направленных аффектов. И, наконец, мы учимся у искусства вечным ценностям — Истине, Добру и Красоте. Искусство воспитывает нас, лепит нашу нравственность» [3, с. 161 – 163].

В Новое время И. Кант, обращаясь к искусству, считал, прежде всего, необходимым отличать его от труда ремесленников. В искусстве человек свободно творит и в процессе этой свободной деятельности получает удовольствие. В ремесле же (под ним Кант понимал трудовую деятельность), напротив, человек не испытывает ничего приятного, однако оно необходимо для того, чтобы обустроить свой быт или заработать средства на существование. Анализируя искусство и эстетические явления, немецкий мыслитель отнюдь не связывал их с исторически сложившимися условиями и практикой. В искусстве Кант видел две основных доминанты: первая — это приятное, вторая — прекрасное. Приятное относится к низшей форме художественного творчества, оно имеет самоцель — практическое предназначение.

Прекрасное, которое не имеет практического предназначения, служит познавательной деятельностью людей на основе суждений.

Г. Гегель, говоря об искусстве, признавал его одной из низших ступеней в познании, тогда как высшей является, конечно же, наука. Именно истина является целью познания, в искусстве она предстает нам в виде красоты, которая и есть чувственное выражение идеи. Фактически Гегель был склонен любые явления рассматривать сквозь призму гносеологии. Поэтому неудивительно, что аксиологические факторы для него не имеют самостоятельного значения и подчинены гносеологическим.

Гегель различает искусство и науку следующим образом: в науке отражение содержания происходит в «*понятиях*», а в искусстве — на основе чувственных «*художественных образов*», поэтому «*логическое теоретическое (понятийное) мышление выше художественного чувственного — (образного)*». Сравнение красоты природы и красоты искусства приводит Гегеля к выводу о том, что: а) Красота в природе не совершенна. б) Она лишь есть отражение той самой красоты, которая содержится в абсолютной идее. Отсюда понятно, почему прекрасное в действительности Гегель ставит ниже прекрасного в искусстве. Ибо цель искусства — отражение идеи и духа, а вовсе не самой жизни.

Развитие рассмотренных выше историко-философских взглядов (концепты мимезиса, катарсиса и др.) во многом шло в русле гносеологизаторских представлений, которые наиболее завершённый вид приняли в эстетических представлениях Гегеля.

Революционные демократы XIX в. Герцен, Беллинский, Чернышевский и др. полагали, что искусство отражает действительность, оно должно способствовать и служить передовым общественным идеям. Чернышевский утверждал, что «*прекрасное — это есть жизнь*», а «*искусство отражает действительность и прекрасное в искусстве ниже прекрасного в действительности*». Тем самым он выдвигает антитезис тезису Гегеля. Позднее Чернышевский дополняет свой тезис следующим высказыванием: «*Прекрасное есть жизнь. Ближайшим образом, такая жизнь, которая соответствует нашим представлениям о прекрасном*». Он пытается уйти от абстрактных суждений, которые были ранее изложены в его диссертации. Искусство — главный предмет эстетики.

Вследствие того, что искусство является, в первую очередь, проявлением образно-оценочного освоения мира, оно нередко сближалось и частично отождествлялось с другими сферами ценностно-оценочного бытия: моралью, религией, философией и др.

Правда, это все же не приводило к растворению искусства в указанных явлениях, чему препятствовала яркая самобытность и социальная специфика искусства. «Максимальное сближение искусства с религией в эпоху средневековья, с этикой в период Просвещения, с философией в XX веке не приводило к растворению художественного творчества в иных духовных сферах, — пишет в данной связи О.А. Кривцун. — Причина этого заключается в том, что сама природа искусства не позволяет использовать его язык для «ретрансляции» уже готовых философских или этических идей» [6, с. 295].

Итак, на протяжении всей истории философии мы можем видеть множество взглядов, касающихся различных концепций о природе и сущности искусства. Мыслители постепенно сужали поиски границ этой проблемы. С позиции современной реальности искусство характеризуют как «особую форму общественного сознания и человеческой деятельности, представляющую собой отражение действительности в художественных образах» [5, с. 284]. В то же время природа искусства сложна и многогранна, поэтому вопрос о сущности искусства до сих пор остается открытым.

Мы полагаем, *что наиболее перспективной является понимание природы искусства как важнейшего вида оценочной (ценностной) деятельности.* Отличительным признаком этой художественной деятельности является его образный характер.

Для обоснования нашей позиции, прежде всего, необходимо выяснить, чем оценка отличается от знания, а образ от понятия.

Знание это — накопленный в сознании опыт, результатом которого является познание окружающей действительности. Термин «знание» многозначен и предполагает следующие смыслы:

- знание — как разнообразные способности и умения, а так же навыки, которые базируются на осведомленности субъекта;
- знание — в котором информация имеет познавательную значимость.
- знание — как отношение субъекта к действительности.

Виды знаний:

Житейское — основано на эмпирических повседневных взаимоотношениях субъектов не только между собой, но и с природой. Фундаментом для этих взаимоотношений выступает здравый смысл и обыденное сознание. Где эмпирический характер заключается в констатации различных фактов и их непосредственного описания.

Практическое — строится в основном, на каких либо действиях. С помощью действий происходит овладение вещами, что приводит в последствии к преобразованию объективного мира.

Элементарной клеточкой науки выступает знание, простейшим и наиболее массовидным выражением которого является понятие. Последнее служит также основой для формирования суждений и умозаключений. Клеточка искусства относительно противоположна клеточке науки. «Ткань» искусства слагается из оценок, массовидным выражением которых выступает образ.

Понятие — *это мысль отражающая, как частное, так и общее свойство предмета, процесса, явления окружающей действительности*. Допустим, воспринимая какой-либо предмет, мы формируем в сознании конкретное понятие о нем. Например, говоря о яблоках разных сортов, мы понимаем их как разные по цвету, размеру и т. д., но в понятии «яблоко» мы сосредотачиваем свои мысли на существенном признаке как отдельном фрукте со своим оригинальным вкусом, который отличается от других.

Итак, научное знание строится на базе понятий. В нем достигается понимание действительности в контексте прошлого, настоящего и будущего, достоверное обобщение фактов, а также осуществляется предвидение различных явлений. Реальность репрезентируется в форме отвлеченных понятий и образующихся на их основе категорий, общих принципов и законов, которые зачастую приобретают крайне абстрактные формы. Однако все они выступают элементами рационального логического мышления.

Далее рассмотрим более подробно, что представляет собой оценка и такая ее разновидность, как художественный образ. Как воздействует оценка на наше сознание и последующее поведение?

Оценка — это составной компонент аксиологического процесса (мышления). Оценочная деятельность существенно отличается от познавательной деятельности, ибо последняя ориентируется и не может не ориентироваться на принцип объективности, тогда как первая непременно в большей или меньшей степени опирается на корпоративные и иные групповые, а также общественные интересы, которые, на уровне идеологических репрезентаций, нередко выражаются в весьма субъективных оценочных мотивациях и ориентирах. Поэтому искусство характерно такой формой сознания, которая «не просто описывает какие-то действительные или воображаемые явления реальности, а выносит им оценку одобряет или осуждает их требуют их осуществления или устранения» [12, с. 512].

В процессе образно-оценочного освоения действительности субъект как бы сливается в одно целое с объектом в своих эмоциональных переживаниях. Сложность понимания оценки заключается в том, что она может носить как понятийный, так и

непонятный (образный) характер. Художественное (эстетическое) освоение мира нередко чересчур категорично отождествляют с чувственным восприятием. Между тем не только чувственное, но и рациональное восприятие может носить художественный (эстетический) характер, если оно вызывает заинтересованное, эмоциональное отношение со стороны субъекта. Эта «фундаментальность для человека, как субъекта познания означает, что эмоции содержат в себе как оценочный так и познавательный компоненты (эмоциональные образы и знания)» [1, с. 190].

В искусстве существуют различные виды оценочных понятий (хорошо, безразлично, плохо; положительный и отрицательный). Они дают формулировку нашим мысленным оценочным суждениям о правильности и неправильности, вредности и не вредности и т. д., в процессе сравнения и определения того, что будет признано ценностью.

Оценочное (ценностное) отношение включает в себя отношение человека к самому себе и к окружающему его социуму. Прогрессивное и регрессивное, полезное и вредное, доброе и злое, прекрасное и безобразное — важнейшие полярности этого отношения, коренящихся в социальном бытии.

Наиболее общим противоречием оценочного отношения выступает взаимодействие между ценностью и ее антиподом, т. е. контрценностью, или антиценностью. Понятие ценности определяет положительное значение объекта (предмета, вещи) для субъекта. Контрценность (антиценность), напротив, есть значимость отрицательная.

Формы оценок, как и знаний, многообразны. Они могут выступать как в понятном, так и непонятном виде (живопись, музыкальные произведения и т. д.). Подобно тому, как базой знания выступает понятие, аналогичной основой оценки служит образ. В справочных философских изданиях понятие образа встречается достаточно редко. И даже, если оно имеет там место, то фактически редуцируется к ступеням или формам познания. Например, к образам относят порой акты как чувственного, так и дискурсивного познания и отражения, т. е., с одной стороны, ощущения, восприятия и представления, с другой — понятия, суждения и умозаключения. Наука и научная картина мира формируются, прежде всего, на базе понятий, тогда, как образы имеют здесь вспомогательное значение. Напротив, искусство и художественная картина мира слагаются, в первую очередь, из образов (в том числе понятных). Здесь образ отнюдь не представляет собой типично гносеологическое образование,

более или менее адекватно отражающее объективную реальность. Он вполне может оказаться чрезвычайно сильным искажением этой самой объективной реальности.

В рассматриваемой связи заслуживающее внимание определение образа можно найти чаще всего в различных справочных изданиях по эстетике и искусству. В них отмечается, что художественное освоение мира носит образный характер, здесь возможны свои абстракции, но преобладает наглядность, непосредственность, общее передается через единичное. Каждый образ — это одновременно репрезентант действительности, выражающий общественные (а также групповые, профессиональные и др.) позиции художника, с которых он оценивает мир. Репрезентации в искусстве носят, в отличие от научно-аналитических рефлексий, синтезирующий («целостный») характер — синтезирующий как в отношении содержания образа, так и слитности в нем эмоций, мыслей, переживаний субъекта. Кроме того, абстракции в искусстве и эстетике подчинены, в конечном счете, оценочным компонентам. Таким образом, в современной научно-философской литературе понятие образа употребляется в *двух основных значениях*. Первое из них — широкое — подразумевает под образом любой акт отражения сознанием человека. В этом случае все продукты процесса отражения (ощущения, восприятия, представления; понятия, суждения, умозаключения; эстетические, этические и другие оценки) рассматриваются в качестве конкретных форм подобного образного отражения действительности. Вторая — значительно более узкая и строгая интерпретация — видит в образе известную альтернативу общему понятию. И первое, и второе словопотребление опирается на сложившиеся в «целостной системе обобщенных социально значимых взглядов человека на мир и свое место в нем, способ общественного самосознания и самоопределения человека, осознания им своей жизнедеятельности, ее смысла и значения окружающего мира» [9, с. 7] — мировоззренческие традиции. Мы используем термин «образ» во втором, т. е. в узком и специальном его значении. Наиболее распространенной в искусстве является оценка в форме эстетического образа.

Следует заметить, что в истории духовной культуры порой отрицалась не только оценочная природа искусства, но даже его образный характер. Неслучайно в ряду эстетических категорий категория художественного образа — сравнительно позднего происхождения. Впрочем, нередко признание образа как неотъемлемого компонента искусства уживалось с его причислением к

разряду познавательного, а отнюдь не оценочного мышления. Эта традиция особенно характерно для Гегеля и его последователей.

«Для науки характерны: не противоречивое, строгое мышление, наднациональный характер; для искусства: мышление не строгое, метафорическое, опирающееся на чувственные образы, включающее индивидуальность художника и национальные особенности его культуры» [8, с. 89—94]. Специфика понятийного и образного процесса в науке и искусстве получает соответствующее выражение в специфике их *языков*. Язык науки базируется по преимуществу на аппарате понятийного мышления, где «языковое сознание отличается от «просто» сознания прежде всего тем, что оно доступно прямому наблюдению: процессы его работы протекают и их результаты фиксируются в языковой форме» [12, с. 53] Напротив, язык искусства по преимуществу основан на мышлении образами. Язык искусства «бедности» и формальности языка науки противопоставляет «богатство» собственного языка. В соответствии с такой ориентацией искусство в полной мере использует многозначность естественного языка: возможности звуков и красок, жестов и ритмов, мимики и пантомимы. Каждый существенный элемент искусства представляет собой органическое единство единичного, особенного и общего. Такая целостность достигается основной клеточкой оценочно-эстетической рефлексии — художественным образом.

Итак, художественный образ, с одной стороны, и научное понятие — с другой, представляют собой некоторое взаимодополнительное единство. Будучи элементарными клеточками, из которых слагаются языки искусства и науки, образ и знание, следовательно, не могут быть сведены один к другому.

Типичным представителем образного мышления выступает *метафора*. Смысл метафоры состоит — «в тех новых выразительных оттенках, которые привносит метафорический образ; вся ее ценность в том, что она прибавляет к общей мысли, выражая ее» [10, с. 91]. И, следовательно, метафора, аллегория, сравнение — вообще все формы образности речи имеют существенное познавательное значение. Образные выражения, обладающие переносным смыслом, — это не просто украшения, а весьма важное и специфическое средство соответствующего смыслового содержания, которое только таким путем может быть вполне адекватно передано. Следовательно, метафоры и другие образные формы имеют непосредственное отношение к познавательному (гносеологическому) процессу. Нередко рождению нового научного понятия предшествует метафора.

И все же наиболее органичным пространством для метафоры выступает пространство искусства. Посредством метафоры нередко осуществляется диалог с бессознательным. Художественное произведение, в отличие от научной теории, непременно связано с наглядной образностью. И хотя в процессе художественного замысла и его воплощения используются сразу два языка — словесно-понятийный и образный, — тем не менее первый здесь, в конечном счете, подчинен последнему. Известно также, что отличие языка искусства от языка науки заключается также в невозможности выразить оценки с помощью применения аппарата точных наук. Искусство и художественная картина мира, в отличие от научной, базируются по преимуществу на оценках образно-ассоциативного, т. е. вненаучного характера. Тогда как знания (научные и др.) имеют здесь не главное, а вспомогательное значение. Законы художественной деятельности не могут быть отождествлены с научными или философскими (например, с законами диалектики).

Познание, особенно научное, имеет своей постоянной целью рационализацию знания, т. е. стремится к максимальному преодолению всего иррационально-хаотического, эмоционально-оценочного, субъективно-произвольного. Напротив, искусство стремится к преодолению объективизма и голого эмпиризма, рационального схематизма и дезаксиологизма. Абстракции в искусстве и эстетике подчинены, в конечном счете, оценочным компонентам: искусство постоянно создает все новые методы художественной иррациональности (футуризм, кубизм, поп-арт, сюрреализм и все прочее в том же роде).

В целом, знание и оценка, понятие и образ — взаимодополняющие и несводимые друг другу компоненты всей духовно-теоретической деятельности (науки, искусства и философии). В то же время специфическими клеточками науки выступают знание и понятие, а искусства — оценка и образ в их органическом соединении.

Список литературы:

1. Актуальные проблемы современной когнитивной науки // Материалы международной научно-практической конференции — И.: Изд-во Ивановского государственного университета 2010. — 190 с.
2. Аристотель. Этика, Политика, Риторика, Поэтика, Категории — Минск.: Литература, 1998. — 1022 с.
3. Багдасарьян Н. Г. Культурология — М.: Высшая школа, 1998. — 161—163 с.

4. Булычев И.И. Основы философии, изложенные методом универсального логического алгоритма — Т.: Изд-во Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, 1999.
5. Грицанов А. А. Новейший философ. словарь — Минск.: Современный литератор, 1999. —284 с.
6. Кривцун О. А. Эстетика: Учеб. для вузов — М.: Аспект-пресс, 1998. — 295 с.
7. Лурье С. Я. Демокрит: Тексты. Перевод. Исследования — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1970.352 с.
8. Маркс, Энгельс, т. 42 — М.: Политиздат, 1974. —89-94 с.
9. Мировоззрение наука практика. Сборник научных трудов — Иркутск: Изд- во ИГПИ, 1988. —7 с.
10. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии // 2-е изд. СПб.: Питер, 1946. — 91 с. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <http://ezolib.ru/Rubinshtain-osnovy-obshej-psihologii> (дата обращения 23.07.2011).
11. Фролова И. Т. Философский словарь // Изд., шестое переработанное и дополненное — М.: Изд. Полит. Литер., 1991. —512 с.
12. Язык и действительность Сборник научных трудов памяти В.Г. Гака — М.: Ленанад, 2007. —53 с.

СЕКЦИЯ 4.

ИСТОРИЯ

4.1. ИСТОРИЯ РОССИИ

ВЛИЯНИЕ ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА РАЗВИТИЕ ХОЗЯЙСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ОСВОЕНИЕ ТЕРРИТОРИИ ОМСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ НА РУБЕЖЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

Азарова Людмила Васильевна

к. геогр. н. доцент, ОмГАУ., г. Омск

E-mail: milazar55@yandex.ru

Процесс освоения территории и формирование территориально-отраслевой структуры хозяйственного комплекса Омского Прииртышья в разные исторические периоды развития страны, в том числе и в начале XX столетия, основывались и обуславливались многими факторами. Но ведущими и решающими были историко-географические факторы, которые оказали воздействие на все элементы хозяйственного комплекса. Выделим наиболее важные из этих факторов.

1. В течение небольшого исторического периода в России был осуществлен ряд радикальных изменений (Столыпинская реформа 1906—1912 гг., изменение общественного строя в 1917 г., социалистические преобразования 1917—1918 гг.).

В начале XX века возникли серьезные проблемы в хозяйственном комплексе страны, в первую очередь в сельском хозяйстве. Из-за исчерпания возможности экстенсивного ведения хозяйства в связи с отсутствием земельных ресурсов в центре европейской части страны, наличия основы социально-экономической базы агропромышленного комплекса России в виде малоземельных потребительно-трудовых крестьянских хозяйств, государство предприняло аграрную реформу, которую в истории принято называть столыпинской. Петр Аркадьевич Столыпин, назначенный в апреле 1906 г. министром внутренних дел, а

в июле того же года — председателем Совета министров, стал главным генератором и проводником аграрной реформы начала XX века.

В этот период определились основные направления преобразований: 1) легитимизация выхода крестьян из общины, 2) передача им земли в собственность, 3) свободное переселение в Сибирь, 4) расширение продажи земли аграриям посредством Крестьянского банка П.А. Столыпин никогда не рассматривал выход из общины как основной инструмент реформирования. Однако советские историки и постперестроечные исследователи в оценке реформ ограничились рассмотрением итогов выхода из общины. Всего из сельской общины вышло 26,9 % домохозяйств [7, с. 55]. Однако Столыпин главной целью реформы считал:

- повышение благосостояние крестьян посредством интенсификации производства, землеустройства (ликвидация чересполосицы);
- создание соответствующих рыночной и социально-бытовой инфраструктур, агрономической помощи, финансово-кредитной и законодательно-правовой поддержки;
- контролируемого переселения в азиатскую часть России.

За период 1906—1914 гг. масштабы землеустроительных работ, проведенных в России, потрясли консервативный европейский мир. Площадь обустроенных земель была равна территории Великобритании. Все подвергшиеся землеустройству дворы сократили чересполосицу до 1—3 полей. Возросло число дворов, сокративших дальность полей до 0,5 км от усадьбы. В результате землеустройства было организовано до 1 млн. хуторов (обособленный участок земли с усадьбой владельца) и отрубов (земельный участок, выделенный из общинной земли в единую собственность при сохранении двора в деревне) [7, с. 56].

2. В период аграрной реформы произошло еще одно значительное изменение в жизни крестьянства: расширялось и качественно совершенствовалось низовое крестьянское кооперативное движение. Значительное количество кооперативов создано за период 1906—1914 гг., создавалось до 3 тыс. кооперативов в год (с 1900 по 1905 г. их насчитывалось только 240). К началу 1914 г. в России насчитывалось более 31 тыс. кооперативов, из них 6 тыс. различных сельскохозяйственных обществ, артелей, товариществ [10, с. 62].

Кооперация снабжала крестьянские хозяйства инвентарем, удобрениями, стройматериалами, потребительскими товарами. Крестьянские кооперативные перерабатывающие заводы, производственные артели и товарищества все более конкурировали

с предпринимательскими маслодельными, сыроваренными, картофелекрахмальными и паточными объединениями. Западную Сибирь называли «2страной» крестьянского маслоделия. В 1913 г. около 50 % общего числа западносибирских маслозаводов составили крестьянские кооперативные объединения, а в 1917 г. — 70 % [3, с. 4].

В первое 20-летие XX века в становлении сибирской крестьянской кооперации важную роль сыграли государственные мероприятия. Таковыми были 1) расширение сети сибирских железных дорог, что привело к расширению рынков сбыта и выходу продукции Западной Сибири на международный рынок; 2) государство ввело систему финансово-кредитной поддержки крестьянских кооперативов; 3) введен институт правительственных инструкторов и агрономов.

3. Сельское хозяйство становится высокотоварной и доходной отраслью. Россия становится мировым лидером по общему объему сельскохозяйственной продукции. В 1909—1914 гг. страна производила более 500 кг на душу населения зерновых культур (в 1999 г. — 340 кг). Сельское хозяйство давало в 1913 г. более 53 % национального дохода страны (Омское Прииртышье — 70,3 %). Только экспорт сибирского сливочного масла приносил России в 2 раза больше золота, нежели отечественная золотопромышленность [1, с. 45]. Конкурировать с капиталистическими сельскохозяйственными и пищеперерабатывающими предприятиями, выходить на общероссийский и мировой рынки крестьянским кооперативам России удавалось посредством союзных объединений. Например, был образован Сибирский союз маслодельных артелей. Такие крупные союзы открывали свои представительства не только в российских торговых центрах, но и в европейских. Процесс объединения в союзы начался после 1905 г. и достиг своей кульминации к 1917 г. В период Первой мировой войны сложности возникли в сибирской масломолочной кооперации, которая была вынуждена переориентироваться на внутренний рынок и запросы армии, и большинства кооперативов работали по принципу самокооперации.

Однако Омский регион, как и вся Россия, в канун XX века оставался по отраслевой структуре аграрно-индустриальным комплексом. По данным переписи 1897 г., сельские жители составляли 85 % демографического потенциала России. На доходы от земледелия — главного занятия в Российской империи жили 70,3 % всего населения, от животноводства — 3,6 % населения. Таким образом, в сельском хозяйстве было занято около 74 %

трудоспособного населения империи [7, с. 52], а Омском Прииртышье еще более. Так, сельское население в 1920 г. составляло 84,3 % (в 1897 г. — 90,6 %) [11, с. 113].

4. Важную роль сыграло событие, которое повлияло не только на особенности освоения территории Омского региона, но и на формирование территориально-отраслевой структуры его хозяйственного комплекса. Таким событием явилось строительство Транссибирской железнодорожной магистрали.

Первые предложения по сооружению Транссиба еще в 1837 г. выдвинул инженер М.И. Богданов. В феврале 1891 г. вышел Указ о строительстве «сплошной через всю Сибирь железной дороги» от Челябинска до Владивостока. Сооружение дороги было объявлено «великим народным делом». Магистраль делилась на семь дорог: Западно-Сибирскую, Средне-Сибирскую, Круго-Байкальскую, Забайкальскую, Амурскую, Северо-Уссурийскую и Южно-Уссурийскую. В ноябре 1892 г. правительство выделило 150 млн. руб. на первоочередные и 20 млн руб. на вспомогательные работы. Использование огромного количества людей на строительстве железной дороги от Урала до Тихого океана позволило постоянно наращивать темпы сооружения Транссиба. К зиме 1893 г. было построено 413 км, в 1894 г. — 891 км, а в 1895 г. — более 1 300 км.

Завершение строительства Западно-Сибирской железной дороги (Челябинск — Омь протяженностью 1 418 км) произошло в 1896 г.

Омская железная дорога имела несколько направлений:

- Екатеринбург — Тюмень — 1885 г. (326 км);
- Екатеринбург — Челябинск — Омь — 1896 г. (1 687 км);
- Тюмень — Омск — 1913 г. (572 км);
- Синарская — Шадринск — 1913 г. (158 км) [1, с. 40-41].

Первый поезд в Омск на левый берег Иртыша пришел 25 августа 1894 г. Вес грузового поезда был 350 тонн, скорость — 4 версты в час. Скорость пассажирского поезда была 20 верст в час. По магистрали проходили в сутки 3,5 пары поездов. Омск стал одним из центров Транссибирской магистрали, когда здесь в 1911 г. было определено место пребывания управления Омской железной дороги. Дорога дала мощный импульс развитию промышленности, торговли, культуры нашего края [2, с. 140-141].

Событием огромной важности стало для города сооружение в 1896 г. железнодорожного моста через Иртыш. Благодаря ему в Омск хлынули финансовые и людские потоки из Москвы и других городов России, потянулись зарубежные фирмы по закупке масла и финансовым операциям. С Урала стали поступать строительные

материалы. Стальные рельсы сомкнули в деловом общении континентальный Запад и Восток. Благодаря Транссибу город весьма удачно оказался на перекрестке двух транспортных артерий — железнодорожной и водной. Омск становится первым транспортным узлом Западной Сибири и крупным центром торговли хлебом и сельскохозяйственной продукцией всего Прииртышья [2, с. 142].

Все это вылилось в строительство монументальных зданий драмтеатра, Торгового корпуса, Московских торговых рядов. Русско-Азиатской компании, судебных установлений, управления Омской железной дороги. В 1911 г. была проведена первая Западно-Сибирская выставка, привлекая много иногородних и зарубежных фирм: из США, Англии, Франции, Германии, Дании и Швеции. Однако торговая деятельность иностранных компаний и фирм была прекращена после Октябрьской революции 1917 г. [9, с. 204]. Одним словом, Омск благодаря железной дороге получил мощный импульс в своем экономическом и культурном развитии. Город превращается при этом в крупный торгово-распределительный центр Западной Сибири. Здесь возникают железнодорожные и металлообрабатывающие мастерские по ремонту вагонов, а также плугостроительный завод Рандрупа, литейно-механический завод Войтковского, механический завод Кулекова, фабрика вялок Жукова и др. только за период с 1896 по 1914 г. число предприятий в Омском Прииртышье и Омске выросло почти в 6 раз, а стоимость производимой ими продукции в 3-5 раз [8, с. 94; 6, с. 19-56]. К 1913 г. в Омске насчитывалось уже 183 промышленных предприятия, где работали 2 440 человек. Основная часть предприятий принадлежала иностранному капиталу [4, с. 4].

5. Немаловажное значение для становления и развития территориально-отраслевой структуры хозяйства, в том числе и аграрного сектора, России имело переселение в Сибирь, Степной край (ныне Казахстан), Среднюю Азию, Дальний Восток. За первое 20-летие XX в. население Азиатской части увеличилось вдвое [7, с. 57]. За эти годы переселенцы освоили 30 млн. десятин в Сибири, в среднем на одного переселенца приходилось около 10—15 десятин земли [7, с. 58]. Поток переселенцев из Европейской России, хлынувший сюда по железнодорожной дороге, ежегодно превышал в первое десятилетие 100 тыс., а в последующем увеличился до 400-500 тыс. человек [2, с. 141]. Статистические данные дореволюционной России свидетельствуют о том, что с 1889 по 1914 гг. на территорию современной Омской области переселилось более 500 тыс. чел., а к концу 1917 г. население области в современных границах составило

1 млн. 36 тыс. человек [5, с. 135]. Но доля сельского населения была по-прежнему велика. Из числа осевших в Омском регионе переселенцев преобладали представители 12 губерний: Черниговской, Полтавской, Пензенской, Курской, Вятской, Орловской, Самарской, Рязанской, Тамбовской, Харьковской, Пермской и Витебской (губернии расположены в порядке уменьшения доли переселенцев в область). В период 1906—1912 гг. первенство по переселенцам сохраняется по-прежнему за Полтавской, Харьковской, Черниговской, Херсонской и Воронежской губерниями [12, с. 52-54]. В расселении переселенцев по территории области проявляется склонность селиться в привычных ландшафтах и сходных хозяйственных условиях (Тарском, Тюкалинском и Омском уездах). Они занимались хлебопашеством, овощеводством, садоводством. По данным сельскохозяйственной переписи 1917 г., удельный вес переселенцев среди населения составил более половины — 57,4 %, а старожилов и туземного населения — 34,5 и 8,1 %. Особенно много переселенцев было в Омском уезде — почти 71 % [13, с. 69]. В Омском регионе в течение двух десятилетий произошло заселение обширных пространств, где проживало население с неоднородным составом по месту выхода и национальному составу.

Поступательное движение в развитии хозяйства было прервано революционными событиями и гражданской войной.

В первое 20-летие XX в. первоначальный всплеск формирования территориально-отраслевой структуры хозяйства сменился сокрушительным падением его в годы революции и гражданской войны.

Таким образом, феодально-империалистический характер хозяйственного механизма в начале XX в., т. е. сочетание новейших форм капиталистического предпринимательства (получивших распространение в передовых отраслях промышленности) с феодальной (помещичьей) формой землевладения, отразился на хозяйственном комплексе России и Западной Сибири. Здесь происходили кардинальные структурные и организационно-производственные изменения. Оставаясь по-прежнему аграрным хозяйством, Омский регион и Омск становятся — «главными воротами» Сибири. Вместе с тем хозяйственное освоение территории этого времени еще более усилило диспропорцию в экономическом его устройстве. Население в северной, притаежной зоне, по-прежнему занималось традиционной охотой, рыболовством и лесными промыслами. Здесь одновременно незначительно развивалось сельское хозяйство. Южная часть региона — лесостепная и степная зоны — становились более развитой. В ее пределах развивались не только

отрасли сельскохозяйственного производства, но и постепенно начинает формироваться отраслевая структура промышленности. Но последняя в основном концентрируется в Омске, за исключением пищеперерабатывающей промышленности, которая получила развитие вдоль всей Транссибирской магистрали. В первое 20-летие XX в. географический рисунок (географический образ территории) её территориальной структуры хозяйства представляет как-бы «новогоднюю гирлянду», протянувшуюся с севера на юг и с запада на восток Омского Прииртышья. Постепенно с процессом освоения ресурсов территории (растительных, животных, земельных, минерально-сырьевых), с повышением уровня развития промышленных пунктов и приобретением ими многофункциональности хозяйственной, политической и культурной деятельности, влиянием исторических факторов географический образ территории меняется, особенно в последующие этапы освоения территории и становления структуры хозяйства.

Список литературы:

1. Азарова Л.В. Изучение родного края. Экономико-географическая характеристика Омской области: Общая характеристика хозяйства и промышленности / Л.В. Азарова. — Омск: ООО «Изд-во «Наследие. Диалог-Сибирь»»; Полиграфический центр КАН, 2003. — 192 с.
2. Азарова Л.В. Индустриализация. Этапы освоения территории Омской области и формирование территориально-отраслевой структуры хозяйства с конца XIX в. до наших дней / Л.В. Азарова // Земля, на которой мы живем. Природа и природопользование Омского Прииртышья / Отв. Ред. Плюхин В.Р. — Омск: Полиграф, 2002. — С. 141—143.
3. Азарова Л.В. Историко-географические факторы развития Российской империи и освоения Омского Прииртышья на рубеже тысячелетия / Л.В. Азарова // Первая российская революция и буржуазно-демократический этап развития Российской империи. 1900—1917 гг.: Материалы Международной научной конференции. — Омск: Изд-во ОмГПУ, 2005. — С. 3—9.
4. Азарова Л.В. Омск на рубеже веков / Л.В. Азарова // Золотые страницы. Омский регион: Прошлое и настоящее. Альманах. Омск; Новосибирск: ООО «Дантея», ООО «Деал», 2001. — С. 4.
5. Земля, на которой мы живем. Природа и природопользование Омского Прииртышья / Отв. Ред. Плюхин В.Р. — Омск: Полиграф, 2002. 576 с.
6. Колесников А.Д. Омская пашня. — Омск, 1999. — 199 с.
7. Петриков А.В., Галас М.Л. Сельское хозяйство России в XX веке / А.В. Петриков, М.Л. Галас // Россия в окружающем мире: 2001

(Аналитический ежегодник) / Отв. Ред. Н.Н. Марфенин. — М.: Изд-во МНЭПУ, 2001. — С. 52—79.

8. Пугачева Н.М. Иностранные компании в Омске // Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-географический словарь. — М.: Отечество, 1994. — С. 93—94.
9. Пугачева Н.М. Первая Западно-Сибирская, сельскохозяйственная, лесная и торгово-промышленная выставка // Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-географический словарь. — М.: Отечество, 1994. — С. 203—204.
10. Российская империя в начале XX века // Новейшая история Отечества. Т. 1 / Под. ред. Киселева, Э.М. Щагина, 1998. — 494 с.
11. Сигутов П.Т. Некоторые вопросы географии сельского хозяйства населения Омской области // Известия Омского отдела Географического общества СССР. 1965. Вып. 7 (14). — С. 112—115.
12. Сигутов П.Т. Особенности динамики населения Омской области в связи с основными этапами её хозяйственного освоения (дореволюционный период) // Очерки населения и хозяйства Западной Сибири: Сб. статей. Новосибирск: Зап.-Сиб. книжное изд-во, 1965. — С. 48—71.
13. Сигутов П.Т. Состав населения Омской области по районам выхода // Природа, население и хозяйство Омской области. — Омск: ОГПИ, 1974. С. 51—60.

ЛИЧНОЕ ПОДСОБНОЕ ХОЗЯЙСТВО СРЕДНЕГО ЗАУРАЛЬЯ (1965–1985 ГГ.)

Афонасьева Ольга Владимировна

к. и. н., г. Ишим

E-mail: aovishim1@yandex.ru

Одной из форм сельскохозяйственного производства является личное подсобное хозяйство (ЛПХ), главными экономическими функциями которого являются дополнительное производство сельскохозяйственной продукции и формирование совокупных доходов сельского населения. Политика государственных органов по отношению к ЛПХ в 1950—1960-е гг. претерпевала значительные изменения и не была достаточно последовательной. Тем не менее, обострение продовольственной проблемы к середине 1960-х гг. сняло ограничения с ведения личного подсобного хозяйства.

Рабочим совхозов предоставлялись земельные участки размером 0,15 га, колхозникам до 0,5 га. Проведение мероприятий по восстановлению ЛПХ дало свои положительные результаты. поголовье скота в личной собственности населения Среднего Зауралья на 1 октября 1965 г. в сравнении с соответствующим периодом 1964 г. выросло: по крупному рогатому скоту — на 10,7%, по свиньям на 4,6 процента [3]. Возросло производство продуктов сельского хозяйства, что положительно сказалось на увеличении продажи продовольственных товаров на колхозных рынках и улучшении снабжения ими населения.

Принимаемые государственные меры должны были мотивировать крестьян к расширению личных подсобных хозяйств, однако этого не происходило. Одним из объяснений происходящего процесса стало разрушение традиционного быта миллионов крестьян, в котором сохранялась связь с землей, с сельским хозяйством. Повышение заработной платы и увеличение производства сельскохозяйственной продукции колхозов и совхозов позволили жителям села покупать необходимые продукты в магазине, а учитывая специализацию сельского хозяйства, требующую вставать около 4 часов утра и растянутый рабочий день, мотивировали многих к сокращению подсобных хозяйств. Так если в годы VIII пятилетки доля продукция ЛПХ в Среднем Зауралье составляла 30% от валовой

продукции сельского хозяйства, в IX — 27%, в X — 24%, в XI — 22 процента [1].

За 1965—1979 гг. размер посевной площади личных подсобных хозяйств региона сократился на 12%, составив 24,84 тыс. га. [11]. После принятия постановления в 1977 г., поддерживающее ведение личного подсобного хозяйства, посевная площадь, задействованная в ЛПХ, постепенно возрастает. В 1985 г. она составила 26,7 тыс. га. Больше всего под приусадебное хозяйство было занято земли в Тюменском и Ишимском районах — 2483 га и 2197 га соответственно. Однако общий размер, используемой в личных подсобных хозяйствах земли составлял лишь 95% от уровня 1965 года [9].

Сокращение посевной площади произошло по ряду причин. Одной из них стало преобразование колхозов в совхозы и переход колхозников на положение рабочих и служащих, у которых, по нормам приусадебный участок был меньше. К тому же в это время происходит рост удельного веса людей пенсионного возраста, которые были не в состоянии обрабатывать свои приусадебные участки.

Главными культурами в приусадебном земледелии Среднего Зауралья были картофель и овощи. Если на протяжении двадцати лет посеvy картофеля составляли 90—96% от общей площади земельного участка, то размеры посевной площади овощей постоянно менялись: 1965 г. — 1800 га, 1980 г. — 2080 га, 1985 г. — 907 га. [10, с. 10—12]. Картофель является интенсивной культурой, и особых преимуществ его возделывание на больших полях не имело места, поскольку уборка приходилась на дождливое время и выполнялась в основном вручную. Хранилась значительная часть картофеля в личных погребах, что давало экономии на транспортных расходах. Поэтому на «сотках» выращивалось от 65% до 70% картофеля и только 33% овощей от общего объема производства [12]. Это позволяло вовлечь все дополнительные ресурсы рабочей силы семьи и получить существенный доход.

В середине 1970-х гг. происходит перестройка структуры приусадебного хозяйства, суть которой состояла в перенесении центра тяжести с трудоемких отраслей на более легкие, не требующие больших затрат труда и материальных средств, рассчитанные лишь на собственное потребление. Производство картофеля на душу населения сократилось на 20%, овощей на 45 процентов [10, с. 18].

В передовых колхозах совхозах, где было налажено хорошее снабжение сельскохозяйственными продуктами из фондов общественного хозяйства, колхозники, рабочие и служащие качественно изменяют свое подсобное хозяйство, превращая его

в источник получения свежей зелени, плодов и ягод. К середине 1980-х гг. общая площадь плодово-ягодных насаждений в сельской местности составила 1361 га. По сравнению с 1965 г. площадь ягодных насаждений в хозяйствах селян увеличилась в 4 раза [4].

К середине 1980-х гг. приусадебные земельные участки имели практически все семьи колхозников, 81% рабочих и служащих совхозов и других предприятий, проживающих в сельской местности [6].

Для личного подсобного хозяйства важнейшей отраслью являлось животноводство. В стоимости всей валовой продукции, получаемой с приусадебных участков, примерно 2/3 приходилось на продукцию животноводства.

В середине 1960-х гг. в области насчитывалось 104,7 тыс. личных подсобных хозяйств, в которых содержался скот. Однако только за VIII пятилетку их численность сократилась до 97,2 тыс. хозяйств [8]. За 1965—1985 гг. удельный вес численности крупного рогатого скота в личных подсобных хозяйствах сократился с 27% до 16%, коров — с 36% до 22 процентов [13]. С сокращением поголовья мясомолочного скота происходит снижение производства основных его продуктов. Так если в 1965 г. производство мяса в XI пятилетке в сравнении с VIII сократилось на 27 процентов. Так, если в 1965 г. производство говядины и телятины в ЛПХ составляло 25%, то в 1985 г. оно снизилось до 13 процентов. Такая же ситуация наблюдалась и в производстве молока [14]. За три пятилетки в течение 1971—1985 гг. уровень производства молока снизился на 13 процентов. К примеру, если в середине 1970-х гг. на одного жителя сельской и городской местности приходилось 15,5 кг мяса скота и птицы и 120 кг молока, произведенного в личных хозяйствах крестьян, то через десять лет этот объем продуктов уменьшился в 2 раза [10, с. 35].

Снижение уровня производства основных продуктов животноводства не могло не сказаться на государственных закупках. Продажа скота в XI пятилетке в сравнении с IX сократилась в 5,4 раза, молока — на 4,9 тыс. тонн.

Сокращение производства мяса в личных подсобных хозяйствах области потребовало от местных органов власти принятия новых решений. В 1977 г. бюро обкома партии и исполком областного Совета народных депутатов постановил: обеспечить увеличение производства поросят в колхозах, совхозах и других хозяйствах и молодняка птицы на инкубаторноптицеводческих станциях, птицефабриках для продажи населению в количестве полностью удовлетворением потребности [2].

За год колхозами и совхозами было продано населению 66,6 тыс. голов поросят и 910 тыс. цыплят, что почти в два раза превышало уровень продаж поросят и в 4,3 раза цыплят в 1975 году [5].

В XI пятилетке расчете на 100 хозяйств граждан сельской местности содержалось 71 голова крупного рогатого скота, в том числе 35 коров, 46 свиней, 89 овец [7]. Численность крупного рогатого скота и коров была на 40% ниже уровня, имеющихся в личных хозяйствах в 1965 г. Однако, в отличие от 1960—1970-х гг. содержание скота в подсобных хозяйствах в основном сводилось к удовлетворению потребности семьи.

Таким образом, в 1965—1985 гг. сельскохозяйственное производство Среднего Зауралья претерпело значительные изменения. Государственные вложения в аграрный сектор способствовали увеличению объемов производства в общественных хозяйствах. Выросла их доля в валовом объеме производства. Одновременно снижалась роль личных подсобных хозяйств в производстве сельскохозяйственной продукции, основная задача которых стала постепенно сводиться к удовлетворению внутренних потребностей семьи и снабжению городского населения дефицитными видами продуктов.

Список литературы:

1. Валовая продукция и производительность труда в сельском хозяйстве. Статистический сборник. Тюмень, 1984. С. 16—17; Развитие подсобных хозяйств граждан 1982-1987 гг. Тюмень, 1987. С. 8; Тюменская область в цифрах 1981—1985 гг. Свердловск, 1986. С. 32.
2. ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 200. Д. 138. Л. 21, 25.
3. ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 4162. Л. 190.
4. ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 4142. Л. 7; Оп. 2. Д. 582. Л. 2.
5. ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 6080. Л. 51.
6. О производстве сельскохозяйственной продукции в личных подсобных хозяйствах граждан. Тюмень, 1983. С. 3.
7. О производстве сельскохозяйственной продукции в личных подсобных хозяйствах граждан. Тюмень, 1983. С. 1.
8. О развитии животноводства в Тюменской области за годы 8 пятилетки. Стат. сборник. Тюмень, 1971. С. 28.
9. О развитии сельского хозяйства Тюменской области за 1958—1965 гг. Стат. сборник. Тюмень, 1966. С. 1; Основные показатели развития отраслей АПК за годы 11 пятилетки. Стат. сборник. Тюмень, 1986. С. 53; Развитие подсобных хозяйств граждан 1982—1987 гг. Тюмень, 1987. С. 10—12.

10. Развитие подсобных хозяйств граждан 1982–1987 гг. Тюмень, 1987. С. 10–12, 18, 35.
11. Тюменская область в цифрах 1975–1980 гг. Свердловск, 1981. С. 37.
12. Тюменская область в цифрах 1975–1980 гг. Свердловск, 1981. С. 43; Развитие подсобных хозяйств граждан 1982–1987 гг. Тюмень, 1987. С. 17.
13. Тюменская область в цифрах. 1981–1985 гг. Свердловск, 1986. С. 36; Развитие подсобных хозяйств граждан в 1982–1987 гг. Тюмень, 1987. С. 25.
14. Тюменская область в цифрах. 1981–1985 гг. Свердловск, 1986. С. 38–39.

ГЕРОЛЬДМЕЙСТЕРСКАЯ КОНТОРА СЕНАТА: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ

Татьяна Анатольевна Белова

к. ист. н., доцент ОмГМА, г. Омск

E-mail: belova.t.a@mail.ru

24 января 1722 г. Петр I подписал знаменитую «Табель о рангах». Этот законодательный акт на два следующих столетия определил основы государственной службы в России. В основе причин издания «Табели о рангах» лежали потребности социально-политического характера.

С одной стороны, повлияло усложнение социальной структуры общества, в связи с чем, уже на рубеже XVII и XVIII вв. потребовалось выделение государственной службы в самостоятельную сферу деятельности для обеспечения ее относительной независимости, и вместе с тем создание особой группы профессионалов — государственных служащих.

С другой стороны, усиление государственно-правовых начал в деятельности государственной власти и повышение роли законов как актов оформления политической воли монарха. В этой связи государственная служба стала также регулируемой государством, т. е. «монаршая воля» была определена в виде компетенции того или иного чиновника по разрешению государственных дел, отступление от которой рассматривалось как невыполнение предписаний главы государства.

«Табель о рангах» предусматривала иерархию должностей, по которым и давался чин. Право назначения на должности было распределено между Императором и Сенатом. Царь определял

впервые высшие пять классов, а в IV—XIV классы — Первый департамент Сената. Своеобразным «управлением кадров» становилась созданная в 1722 г. Герольдмейстерская контора Сената, руководителем которого был Герольдмейстер.

По штатному расписанию сенатская Герольдмейстерская контора состояла из Герольдмейстера, его товарища (заместителя), секретаря и десяти канцеляристов и подканцеляристов. В управлении кадрами государственной службы она опиралась на соответствующих должностных лиц коллегий, контор, канцелярий в центре; губернских и провинциальных администраций на местах. В лице Герольдмейстерской конторы субъект верховной власти и Правительствующий Сенат имели в своих руках инструмент непосредственного управления государственной службой. В конторе, таким образом, должны были осуществлять поименный учет всех дворян и принятых на государственную службу, иметь сведения о возможных кандидатах для назначения, а также учет дворянских детей. А для борьбы с самозванством в представлении себя дворянином предусматривались меры по обеспечению чистоты дворянского сословия. Герольдмейстер выдавал дипломы и присваивал гербы.

Историческая наука относит распространение гербов в России ко времени правления Петра I и рассматривает их появление как одно из многих заимствований западно-европейских традиций. При этом почти всегда историки акцентируют внимание на том, что Петр I, взойдя на престол, застал гербы в России и санкционировал это общественное явление. В то время ему нужно было учреждение, которое занималось бы вопросами установления численности дворянства, составлением различных реестров, наблюдением за прохождением всеми дворянами военной или гражданской службы, их перемещениями по службе, контролем и проверкой количества и деятельности недорослей (дворянских детей), охранением сословных прав дворян и составлением им гербов.

По «Табели о рангах» на герольдмейстера было возложено составление гербов, во-первых, всем обер-офицерам, во-вторых, дворянам, хоть и не служившим на военной службе, но могущим доказать свое дворянство за сто лет, и, в-третьих, иностранцам, доказавшим свои права на родовые гербы. Здесь же, в пункте 16 отмечалось, что в России имеет место самовольное присвоение гербов и тем самым фиктивное возведение в ранг дворянина [8] (это делали люди, не будучи дворянами по рождению и не жалованные в дворянство царем). Думается, что именно этот факт, а также

необходимость разрешения ряда дворянских проблем заставили Петра I обратиться к вопросу практического создания гербов. Из этого можно сделать вывод, что петровское законодательное закрепление герба вызвано проблемами государственного развития, а не было чистым заимствованием «западноевропейского обычая», вопреки распространенному мнению.

В опубликованной 5 февраля 1722 г. Инструкции Герольдмейстеру последний пункт гласил о составлении гербов, указание выяснить. Петр I подчеркивал, что в России составление гербов «дело новаго основания, того ради надлежит ему ко управлению Герольдмейстерской должности искать всякаго способа, а именно: каким образом, или порядком знатных и прочих фамилий в родословных и прежних гербах и вновь данных содержания быть имеют: и для того к тому пристойныя книги других Государств приискывать и переводить; и что по тому изобретено будет, о том ему Герольдмейстеру обстоятельно доносить Сенату, а в Сенате разсмотря, докладывать Его Императорскому Величеству» [6].

Следует подчеркнуть, что Герольдмейстерская Контора появилась на серьезном основании. До ее учреждения кадровыми вопросами службы дворян ведал Разрядный стол Сената, образованный в 1711 году после ликвидации Разрядного Приказа [7]. А также параллельно Герольдмейстерской Конторе в Москве в 1722 году образовалась Канцелярия Московских Герольдмейстерских дел, которая просуществовала до 1871 года. Первоначально была создана Канцелярия Герольдмейстерских дел А, так как Данная мера была предпринята в связи с тем, что каждая коллегия имели конторы в Москве, соответственно от Канцелярии Герольдмейстерских дел в Москве также оставалась в помощь ей созданная контора. Впоследствии названия переменялись: петербургское отделение — главное — стало называться Герольдмейстерской конторой, а в Москве работала Канцелярия московских Герольдмейстерских дел. Ее функции были те же, что и у Герольдмейстерской Конторы. В ведении Канцелярии находился архив Разрядного стола.

Остановимся и на выборе кандидатуры главы Герольдмейстерской Конторы — герольдмейстера. 28 января 1721 года в списке кандидатов на должность герольдмейстера была наложена собственноручная царская резолюция: «Изъ сих надлежит быть двумъ: одному геролдмейстеру, другому рекитмейстеру» [1]. Всего было представлено в списке имен: К.А. Нарышкин, В.Ф. Салтыков, М.В. Сабакин, Н.М. Жировой — Засекин, С.А. Кольчев, А.М. Апраксин, Ф.М. Волконский. В результате

голосования новую должность с начала февраля занял Степан Андреевич Колычев. 12 января 1722 года по именному указу, данному Сенату, «Об обязанности сенатских членов», в п. 4 определялось: «Быть при Сенате... Рекейтмейстеру, Экзекутору и Герольдмейстеру или иной какой чин, кто б Дворян ведал и всегда представлял к делам, когда спросят» [2]. С этого времени должность герольдмейстера начала существование при Сенате. Однако, для герольдмейстера, несмотря на столь определенное название его деятельности, на первом месте пока еще стоял вопрос не о гербах, а об организации дворянской службы в государстве.

В Инструкции герольдмейстеру [3] это сформулировано достаточно четко. В первую очередь ему вменялось в обязанность составить самые полные списки всего русского дворянства: генеральные, именные, по чинам. Другие списки должны были указывать, «кто из них к делам годится, и употреблены будут и к какому, порознь, и за тем оных останется» [4]. Последние должны были содержать сведения о дворянских детях, их числе и возрасте. Инструкция четко определяла рамки работы по составлению таких списков. Герольдмейстеру предстояла колоссальная работа, ему нужно было: 1) получить из Сената прежние списки шляхетства, которые оказались в нем после ликвидации Разряда; 2) затем получить из Военной и Адмиралтейской коллегий именные списки всех (дворян и недворян), находящихся на военной службе; 3) запросить подобные сведения из всех коллегий, губерний и провинций путем рассылки указов; 4) использовать предстоящие дворянские смотры для получения таких сведений у явившихся; 5) ежегодно запрашивать все коллегии, канцелярии, губернии и провинции об изменениях в этих списках, связанных со смертью или рождением [5].

Таким образом, в основную обязанность герольдмейстера входило составление ведомости о государственной службе дворянства. Также главной заботой герольдмейстера стала борьба со старым московским «нетством» (т. е., уклонением дворян от службы).

Список литературы:

1. О назначении одного из царедворцев в герольдмейстеры, а другого в ректмейстеры. // Сборник РИО. — Т. 11. — С. 414.
2. Об обязанностях сенатских членов. // ПСЗ-1. — Т. VI. — № 3877.
3. Об отправлении дел по его должности. // ПСЗ — 1. Т. VI. — № 3896.
4. Об отправлении дел по его должности. // ПСЗ — 1. Т. VI. — № 3896. — Пункт 2.

5. Об отправлении дел по его должности. // ПСЗ-1. Т. VI. — № 3896. — Пункт 3.
6. Об отправлении дел по его должности. // ПСЗ- 1. Т. VI. — № 3896. — Пункт 5.
7. Об учреждении Правительствующего Сената и о бытии при оном разрядному столу вместо разрядного приказа и по два комиссара от губерний //ПСЗ-1 . — Т. IV. — № 2321.
8. Табель о рангах всех чинов воинских, статских и придворных, которые в каком классе чины; и которые в одном классе чины, те имеют по старшинству времени вступления в чин между собою, однако ж воинские выше протчих, хотя б и старее, кто в каком классе пожалован был. // ПСЗ-1. – Т. VI. — 3890. — Пункт 16.

ПРИНЦИПЫ НОВОГО СУДЕБНОГО ПРАВА ПО РЕФОРМЕ 1922 ГОДА

Вафаева Эльвира Рашидовна

ассистент кафедры истории Отечества и МПИСПА

им. Зайнаб Бишиевой,

Республика Башкортостан, г. Стерлитамак

E-mail: yafaeva.elvira@mail.ru

Российское государство за период своего существования пережило не одну судебную реформу. Изучать судебную реформу 1922 г., ее причины, сущность и воздействие на современное уголовно-процессуальное законодательство необходимо. И прежде всего потому, что успешное реформирование современных судебных органов не должно происходить в отрыве от исторического опыта прошлых лет. Процесс создания модели обновленного российского суда не приведет к позитивному результату, если не будут тщательно проанализированы и учтены пробелы, ошибки и положительные моменты прошлого.

В советской литературе причины и сущность судебной реформы раскрывались достаточно политизировано и шаблонно. В наше время появилась возможность беспристрастно оценить все плюсы и минусы реформы, а также ее значение для российского государства в целом и правосудия по уголовным делам в частности [3, с. 14].

С окончанием гражданской войны, возобновлением мирной жизни и переходом государства к новой экономической политике

перед судами ставились и новые задачи в борьбе с преступностью. Несмотря на то, что в начале 1920-х годов уровень преступности в России оставался достаточно высоким, в ее структуре и характере все же произошли некоторые изменения. На фоне снижения количества преступлений, связанных с вооруженными попытками свержения власти, бандитизмом, организацией массовых беспорядков, в то же время отмечалось возрастание преступлений, именованных в советской литературе «экономической контрреволюцией», — вредительств на промышленных предприятиях, диверсий, преступлений в торговле. С повышением благосостояния граждан РСФСР стало больше имущественных преступлений и преступлений против личности [1, с. 117].

Своеобразными предвестниками судебной реформы можно признать ряд принятых в 1921—22 гг. нормативно-правовых актов, оказавших существенное влияние на правосудие по уголовным делам.

В феврале 1921 г. Народным комиссариатом юстиции РСФСР издано постановление «Об усилении ответственности должностных лиц за преступления, совершаемые при продовольственной работе» [5]. Весной, летом и осенью того же года Совнарком принял декреты «Об ограничении прав по судебным приговорам» и «О трудовом дезертирстве» [6], «О мерах борьбы с хищениями из государственных складов и должностными преступлениями, способствующими хищениям», «О борьбе со взяточничеством» [7], «О наказаниях за ложные доносы», «О контрабанде» [8] и др.

В мае 1922 г. в РСФСР был принят первый Уголовный кодекс, четко установивший круг преступных деяний и определивший меры наказания за их совершение.

Результатом предпринятой в начале 1920-х кодификации уголовно-процессуального законодательства стало принятие 25 мая 1922 г. первого Уголовно-процессуального кодекса РСФСР [2, с. 11].

На содержание первого УПК, конечно же, наложило определенный отпечаток существование в то время двух судебных систем — местного народного суда и территориальных революционных трибуналов. Поэтому кодекс отражал особенности рассмотрения дел и в тех и в других органах правосудия.

В кодексе впервые были предприняты попытки определить и законодательно закрепить стадии советского уголовного процесса. До этого некоторые стадии не имели законодательного оформления (например, стадия возбуждения уголовного дела).

Кодекс устанавливал следующие стадии уголовного процесса: возбуждение уголовного дела, дознание и предварительное следствие,

предание суду, судебное разбирательство, постановление приговора, кассационное рассмотрение, исполнение приговора [3, с. 25].

Однако не все стадии были регламентированы достаточно четко. Например, некоторую неясность вызывало соотношение стадий дознания и предварительного следствия.

Кодекс внес некоторые ограничения прав граждан на защиту по сравнению с первыми нормативно-правовыми актами о суде. Так, участие защитника допускалось лишь со стадии судебного разбирательства. На стадиях дознания и предварительного следствия его участие нормами УПК не предусматривалось.

Отношение к первому УПК РСФСР было неоднозначным. Складывалось впечатление, что к нему проявляли интерес в основном деятели советской юстиции и представители либерально настроенной общественности. На фоне дипломатических успехов РСФСР на Генуэзской конференции, финансовой реформы, преодоления последствий голода кодификация уголовно-процессуального законодательства, да и судебная реформа в целом представлялись в массовом сознании событием второго плана.

Но, несмотря на это, УПК был относительно высоко оценен не только советскими юристами, но антисоветски настроенными прежними российскими правоведами, находившимися в эмиграции. Так, видный специалист по уголовному праву Н.С. Тимашев писал, что «с внешней стороны УПК является, вероятно, наиболее совершенным из законодательных актов Советской власти» [4, с. 29]. Он также обратил внимание на практически полное отсутствие выражений агитационного характера и деклараций. Что касается пробелов и неточностей, присутствовавших в кодексе, то они, по мнению этого видного юриста, не превышали технических погрешностей многих законов дореволюционного времени.

В то же время, несмотря на достаточно совершенное нормативное содержание кодекса, просматривалось значительное расхождение этого содержания с существовавшей судебной практикой. Причины неспособности судебных органов эффективно применять нормы УПК объяснялись, во-первых, низким культурным и профессиональным уровнем большинства работников юстиции на местах и, во-вторых, постоянным вмешательством в процесс осуществления правосудия партийных и советских органов.

По мнению того же Н.С. Тимашева, основным лейтмотивом первого УПК являлась «идея ничтожности частного лица перед государственными органами» [4, с. 29]. Кодекс стал «детисем эпохи организованного бесправия», когда государство создавало «для его

реализации специальный аппарат», нуждающийся в соответствующих правилах. И УПК представлялся совокупностью подобных правил «в сфере уголовно-судебной деятельности государства» [4, с. 30].

Принято считать, что собственно судебная реформа началась с принятия 11 ноября 1922 г. ВЦИК постановления об утверждении Положения о судоустройстве РСФСР [9].

Согласно Положению, на территории РСФСР стала действовать единая система судебных учреждений:

1. Народный суд в составе постоянного судьи;
2. Народный суд в составе того же постоянного народного судьи и двух народных заседателей;
3. Губернский суд;
4. Верховный суд РСФСР и его коллегии [1, с. 118].

Название в законе новой судебной системы единой видится достаточно неудачным. Его неудачность, прежде всего, вытекает из содержания ст. 2 Положения, указывавшей, что в РСФСР временно действовали военные и военно-транспортные трибуналы, а также другие судебные учреждения. Таким образом, Положение о судоустройстве предусматривало существование двух систем судов (общие суды и революционные трибуналы) вместо трех систем (народные суды, революционные трибуналы, военные трибуналы). Несмотря на указание о временном характере функционирования специальных судов, деятельность военных трибуналов продолжалась до 1990-х гг., когда они были заменены военными судами (ставшими, по сути, тоже своего рода формой специальных судов) [2, с. 11].

Утвердив новую судебную систему Республики, Положение не включило в себя нормы, определявшие подсудность дел различным звеньям этой системы. Это было одним из существенных недостатков данного нормативно-правового акта. Пробел восполнила глава II УПК РСФСР 1923 г.

Народные суды рассматривали в качестве судов первой инстанции большинство уголовных дел.

Губернские суды являлись судами первой инстанции для уголовных дел, прямо отнесенных законом к их ведению, параллельно осуществляя функции судебных центров губерний и органов, рассматривавших кассационные жалобы и протесты на приговоры народных судов [1, с. 118].

Верховный Суд РСФСР выступал судом первой инстанции и кассационным судом в отношении приговоров губернских судов, а также высшим надзорным органом в отношении всех судебных учреждений Республики [2, с. 11].

Следует отметить, что основные принципы установления подсудности уголовных дел, хоть и в несколько измененном виде, продолжают действовать до сих пор.

С одной стороны, вроде бы формально упростив существовавшую судебную систему (напомним, что были ликвидированы территориальные революционные трибуналы), с другой стороны, теперь целых три звена стали действовать в качестве судов первой инстанции, вместо прежнего единого народного суда. Поэтому реального упрощения судебной системы не произошло, а произошло, скорее, ее усложнение. Наличие губернских судов и Верховного Суда РСФСР не только как судов первой инстанции, но и как кассационных и надзорных органов достаточно сильно отдалило суд от населения. Такое отдаление противоречило декларациям большевиков о демократических принципах советского правосудия [4, с. 29].

Подобная система судов первой инстанции, берущая начало с 1922 г., продолжает свое существование и в наши дни. Согласно действующему УПК, судами первой инстанции являются все судебные учреждения общей юрисдикции: от районных (городских) народных судов до Верховного Суда Российской Федерации. Определенная категория уголовных дел подсудна военным судам, которые, как уже говорилось, были введены вместо военных трибуналов [1, с. 120].

В целом пока сохраняется и установленный в период судебной реформы порядок кассационного и надзорного производства по уголовным делам.

Детальный анализ материалов судебной реформы 1922 г. позволяет сделать вывод о ее неплохой теоретической проработанности. Но, несмотря на качественную теоретическую основу, реформа, к сожалению, не выдержала столкновения с жизненными реалиями, что в дальнейшем и привело к трансформации ее первоначальной сущности.

Список литературы:

1. Лезов И.Л. Судебное строительство на местах в первые месяцы советской власти. // Вестник Московского государственного университета. Сер. 11 Право. — 1998. — № 1. — С. 115 — 122.
2. Пашин С. Краткий очерк судебных реформ и революций в России// Отечественные записки. — 2003. — № 2(10). — [электронный ресурс] — Режим доступа — URL: <http://www.strana-oz.ru/>
3. Портной В.П. Славин М.М. Становление правосудия Советской России (1917 — 1922). — М., 1990.

4. Н.С. Тимашев о праве и власти Советской России и реалии современной практики// Правовестник. 15.11.2011. — [электронный ресурс] — Режим доступа — URL: <http://pravovestnik.ru>
5. Собрание Узаконений РСФСР. 1921. № 20. Ст. 122.
6. Собрание Узаконений РСФСР. 1921. № 39. Ст. 209; № 46. Ст. 227.
7. Собрание Узаконений РСФСР. 1921. № 49. Ст. 262; № 60. Ст. 421.
8. Собрание Узаконений РСФСР. 1921. № 77. Ст. 639; № 79. Ст. 674.
9. Собрание Узаконений РСФСР. 1922. № 69. Ст. 902.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ЮСТИЦИИ ПОПЫТКАМ НАРУШЕНИЯ ЗАКОННОСТИ ПАРТИЙНО-СОВЕТСКИМИ ОРГАНАМИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Крыжан Анна Викторовна

*к. ист. н., доцент кафедры гуманитарных дисциплин Регионального
открытого социального института, г. Курск
E-mail: kryjhan@mail.ru*

В исследованиях последних десятилетий большое внимание уделено анализу примата «революционной целесообразности» над законностью в первые годы советской власти. В большинстве случаев целесообразность весьма подробно рассматривается и обосновывается, при этом в тени остается тот факт, что это было время, когда новая власть осознала, что право и правоохранные органы могут стать послушным инструментом в её руках, в связи с чем в развитие советской правовой системы стало целенаправленным.

В данной статье мы попытаемся обосновать следующее утверждение: на фоне господства «власти маузера» в начале 20-х годов в Советской России появились и начали развиваться зачатки правоохранительной деятельности, которые проявлялись в работе местных органов юстиции. Для достижения этой цели мы опирались на материалы типичного центрального региона — Курской губернии.

Исследуя процесс становления российской государственности в постреволюционный период в фундаментальном труде «История Советской России», Э. Карр высказал точку зрения о том, что «местным органам [исполкомам Советов] пришлось довольствоваться формальной властью, которая нормально не осуществля-

лась» [7, с. 180]. Тем не менее, между исполкомами и местными органами юстиции возникали достаточно принципиальные противоречия. В материалах VII губернского съезда советов, работавшего в Курске в декабре 1920 г., отмечается, что «...губюсту пришлось ... напрячь много сил и энергии для преодоления тормоза со стороны различных советских органов, смотревших на юстицию как на орган второстепенной важности» [8]. Наиболее очевидно это проявлялось на уездном уровне.

Специфика сферы юстиции заключается в том, что её работники, независимо от того, занимаются ли они управленческой или практической деятельностью, так или иначе, опираются на теоретические знания в области законодательства и процессуальных норм. Однако такие знания, как известно, формируют у личности определенную совокупность взглядов, которую можно охарактеризовать как правовую культуру. Проникнув в среду безграмотности и некомпетентности, столкнувшись с низким образовательным и культурным уровнем основной массы работников юстиции, она породила следующее своеобразное явление: бывшие крестьяне, хлебопашцы и рабочие стали буквально воспринимать понятие «правоохранительная деятельность». Предписанные нормативными актами надзорные функции ещё более усиливали их рвение в пресечении нарушений правопорядка любыми органами. Наибольшее количество подобных нарушений наблюдалось со стороны исполкомов, чьи функции не были чётко определены, партийных комитетов, которые все больше сами диктовали «правила игры», и чрезвычайных органов, которые подчинялись только партийному руководству. В результате парадоксальные конфликтные столкновения в 1920—1922 гг. были явлением не столь уж редкими.

Одним из вопросов, по которым возникали противоречия между уездными бюро юстиции и советскими органами, была деятельность судебно-следственных учреждений. Суды и следственные комиссии были подотчетны органам юстиции, которые в свою очередь входили в структуру уездных исполнительных комитетов. Очевидно это вызывало у советских руководителей представление о непосредственном подчинении им народных судов, тем более, что по Положению о народном суде РСФСР, судьи на местах избирались уездными исполкомами. Исполкомы пытались воздействовать на судей в отношении характера выносимых приговоров, несанкционированно отстраняли от должности, вызывали для объяснений, почему так, а не иначе разрешено дело [4, д. 14. л. 3]. Заведующий Курским отделом юстиции отмечал, что «некоторые

уисполкомы до сих пор не хотят примириться с установленным законом ограничении их ранее ничем не ограниченных прав в деле отозвания и утверждения Народных судей и Народных следователей, самостоятельно заменяя одних судей и следователей другими» [2, д. 42. л. 4].

Попытки уездных руководителей воздействовать на процесс судопроизводства были столь частыми, что вынудили провинциальных работников обратиться в Наркомат юстиции за разъяснением о порядке взаимоотношений судебных и советских органов. В полученном разъяснении подчёркивалось, что советские органы не вправе вмешиваться в работу судов и следователей и не могут требовать от судей объяснений по поводу вынесенного приговора или решения. Должностные лица, сделавшие распоряжение об отстранении в административном порядке от должности судьи или следователя, подлежат преданию суду за превышение власти [4, д. 38. л. 71].

Конфликты органов юстиции с советскими органами зачастую возникали по причине стремления уездных бюро защитить права отдельных граждан. В связи с этим, показательным является дело братьев Осадчих, рассматривавшееся в Рыльском уезде в начале 1921 г. Источником этого дела стало заявление гражданина К.Д. Осадчих следователю 2-го следственного участка Дроздову о том, что у него по предписанию Рыльского уездного исполкома отобрали имущество, принадлежавшее его детям, близнецам Александру и Михаилу. Действительно, распоряжение председателя уездного исполкома Самойлова от 17 января 1921 г. предписывало начальнику милиции 2-го района Рыльского уезда «произвести опись имущества сирот Осадчих Александра и Михаила, проживающих в д. Маниной и по описи передать их опекуну – деду Толстых Павлу. Если же со стороны гр. Осадчих Константина Дмитриевича будет оказано сопротивление к производству описи, то немедленно такового арестовать и представить в Рыльский уисполком» [5, д. 39. л. 55].

К.Д. Осадчих — отец указанных братьев, не был лишен родительских прав. Следователь 2-го судебного участка Рыльского уезда счел действия властей незаконными и вынес постановление о рассмотрении этого вопроса уездным Съездом народных судей. Съезд поручил Дроздову провести предварительное следствие, однако, председатель уисполкома Самойлов не только отказался от дачи показаний, но и пригрозил следователю арестом на 14 суток [5, д. 39. л. 53].

Дело об имуществе «сирот» постановлением председателя уездного бюро юстиции было передано в суд 2-го участка, который признал изъятие имущества незаконным. Рассмотрение действий уездного исполкома было выделено в отдельное делопроизводство и передано «в убуост для направления по подсудности на предмет привлечения виновных к ответственности» [5, д. 39. л. 58—59].

Несомненно, подобные действия по защите законных интересов граждан ущемляли властные амбиции советских руководителей и не улучшали взаимоотношений уездных бюро юстиции с исполкомами.

Негативный характер нередко носили и отношения органов юстиции с партийными комитетами. В этой связи характерен случай, произошедший в Старооскольском уезде Курской губернии в июне 1920 г. По постановлению уездного политбюро РКП(б) был отстранен от должности и арестован судья 3-го участка В.Т. Зыбенко, который настаивал на справедливом рассмотрении дела по обвинению члена Ольшанского волостного исполкома Овсянникова, местного начальника милиции Садовникова и бывшего председателя Ольшанского волостного ревкома Солодченко в дискредитации Советской власти. В своей жалобе, направленной в НКЮ, Зыбенко прямо утверждает, что его отстранение и арест были обусловлены тем, что все трое обвиняемых были членами РКП(б) и занимали ответственные посты, непосредственно контролируемые уездным партийным комитетом [1, д. 81. л. 104—109].

Приведенный случай ареста по указанию партийных органов не был исключением. В начале февраля 1919 г. по распоряжению председателя Курской губернской следственной комиссии был арестован бывший председатель Губсовнархоза Хильченко. Губернский комитет партии постановил, что «находит возможным послать т. Хильченко в Путивль с обязательством Хильченко по требованию губкома или исполкома явиться для дачи возможных показаний следственной комиссии Ревтрибунала» [6, д. 3. л. 17]. Ссылаясь на то, что Хильченко на момент ареста был избран председателем Путивльского исполкома, президиум губкома обвинил председателя следственной комиссии, следователя и работника, осуществившего арест, в «грубом отношении не только к отдельным лицам, но и к исполкому» и нашел необходимым привлечь указанных сотрудников к ответственности. Производство дознания и следствие по вопросу привлечения к ответственности председателя следственной комиссии и следователя было передано юридическому отделу губернской чрезвычайной комиссии [6, д. 3. л. 17].

Вопрос о праве на арест граждан был еще одним камнем преткновения во взаимоотношениях между органами юстиции и иными учреждениями. Здесь уместно привести выдержку из циркуляра Министерства юстиции, подписанного А.Ф. Керенским 4.04.1917 г., которая характеризует его точку зрения по отношению к арестам: «Принятие против обвиняемого строжайшей меры обеспечения личности, т.е. взятие под стражу, требует особенно осмотрительного и вдумчивого отношения со стороны следственной власти» [3, д. 31(2). л. 70]. В 1919 г. отношение к аресту как мере воздействия было принципиально иным. Арестовывать считали себя вправе любые властные органы, особенно если они носили чрезвычайный характер. Очень характерны в этом отношении действия Продовольственных комитетов. В марте 1920 г. Курский губернский отдел юстиции сообщил в Наркомат юстиции, что «представители Продкомов, заключая под стражу граждан, не выполнивших разверстки, ... не считаются с указаниями отдела на незаконность таких распоряжений, заявляя с одной стороны, что существует продовольственная диктатура, а с другой, что Народный комиссар по продовольствию тов. Цурюпа диктует им такие меры» [1, д. 81. л. 93]. В ответ на это сообщение Наркомюст направил губернскому отделу разъяснение о том, что «...декрет о разверстке подлежащего отчуждению хлеба и фуража ... прямо указывает, что граждане, упорствующие и злобно скрывающие свои запасы, подлежат конфискации имущества и лишению свободы по приговору Народного суда, а отнюдь не по распоряжениям продорганов, как это нередко практикуется» [1, д. 81. л. 92].

Таким образом, большинство межведомственных конфликтов, возникавших в исследуемый период, было обусловлено стремлением органов юстиции выполнять свою прямую функцию — защищать законность и обеспечивать правопорядок в обществе.

В.В. Скитович, исследуя процесс зарождения контроля за законностью административной деятельности в период становления Советской власти, приходит к выводу о том, что в политической области «время экспериментов закончилось очень быстро, и новые силы конституировали самих себя в давно устоявшихся, проверенных формах...» [9, с. 7]. Беда в том, что конституирование органов юстиции было меньше всего нужно новой власти. Предназначение и сама суть деятельности правоохранительных органов противоречат той государственной модели, которая начала выстраиваться большевиками. Правоохранительные учреждения вообще «мешают» исполнительной власти, а в условиях её гипертрофии становятся

элементом, действие которого надо максимально ослабить. Закон с точки зрения власти предназначался не для защиты прав отдельной личности, а для выполнения определенной идеологической функции и обеспечения нормального функционирования государственных учреждений. С этой точки зрения, органы могли быть правоохранительными только в том случае, если они охраняли интересы государства, чем и начали заниматься все остальные институты: суд, прокуратура, органы внутренних дел и т. д. Органы юстиции, которые по сути своей занимаются законностью как бы в чистом виде, оказались просто не нужны и в конечном итоге на местах были ликвидированы. Это объясняет и то, почему правоохранительная деятельность для работников юстиции чаще всего заканчивалась плачевно. Кроме того, позиции местных юридических и партийно-советских органов были явно неравными. Характерно, что в случае незаконных арестов местные юристы обращались с жалобами в Наркомюст, рассматривая его как орган, который должен был отстаивать их права. Вряд ли это происходило бы, если бы сами работники не осознали силы складывающегося партийно-государственного аппарата и невозможности противодействовать ему законными методами. Поэтому в конечном итоге они подчинялись нормам своего времени и обращались за помощью к тому, кто, с их точки зрения, имел силу.

Список литературы:

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А—353. Оп. 3.
2. ГАРФ. Ф. А—353. Оп. 5.
3. ГАРФ. Ф. 1790. Оп. 2.
4. Государственный архив Курской области. Ф. Р-451. Оп. 1.
5. Государственный архив общественно-политической истории Курской области (ГАОПИКО). Ф. П-3. Оп. 1.
6. ГАОПИКО. Ф. П-65. Оп. 1.
7. Карр. Э. История Советской России. Кн. 1. Т. 1—2: Большеви́стская революция 1917—1923 гг. М.: Прогресс, 1990. 763 с.
8. Курская правда. 1920. 12 декабря.
9. Скитович В.В. Очерки истории и теории советской административной юстиции. М.: Прогресс, 1992. 134 с.

ПОДГОТОВКА ТЕХНИЧЕСКИХ КАДРОВ В СРЕДНЕВОЛЖСКОМ КРАЕ В 1930-Е ГОДЫ XX В.

Сорокина Светлана Владимировна

*к. ист.н., доцент, «Самарская государственная академия культуры
и искусств», кафедра философии и политологии, г. Самара
E-mail: contry@samtel.ru*

В настоящее время промышленность испытывает кадровый дефицит, который стал реальным препятствием для индустриального развития страны. Для решения этой проблемы необходимо выработать новые подходы к системе подготовки кадров. Стремительное развитие новейших технологий на производстве привело к неизбежным изменениям в подходах к подготовке кадров и реформированию профессионально-технического образования. Поэтому обращение к историческому опыту и традициям в этой сфере является актуальной.

Развитие промышленности в 1930-е годы поставило задачу массовой подготовки среднего инженерно-технического персонала. Для этого была создана сеть учебных заведений профессионально-технического образования — техникумы.

С 1930 г. начался стремительный рост сети техникумов. Они возникали, главным образом, на базе крупных промышленных предприятий, где учащимся предоставлялась богатая практика по ознакомлению с новейшим оборудованием. В эти годы была проведена реорганизация всех индустриальных техникумов по отраслевому принципу и передача их в ведение соответствующих хозяйственных объединений и наркоматов. Подготовка стала проводиться более целеустремленно, с учетом потребностей отдельных отраслей промышленности, транспорта, сельского хозяйства. К 1932/33 г. средние специальные учебные заведения сверх нормы должны были подготовить для промышленности края 2155 инженеров и 3846 техников. Это было очень актуальной задачей, особенно с учетом того, что в 1926/27 г. на Средней Волге на 1 000 жителей приходилось учащихся техникумов — 0,98, а по РСФСР — 1,30 [13, с. 48]. Эти данные свидетельствуют, что по развитию среднего специального образования край значительно отставал от других районов РСФСР.

В регионе происходил рост сети среднетехнических учебных заведений с увеличением в них количества учащихся. В 1927/28 г. в Средневолжском крае было 37 техникумов с 5 333 учащимися, из них только 2 индустриальных, где обучались 295 учащихся. В 1927/28 г. количество учащихся достигло 6 477 человек.[15, с. 9] В 1931 г. в 128

техникумах обучалось 33 279 человек, из них в 17 индустриальных техникумах обучалось 5 505 человек [16, с. 17]. Несмотря на то, что удельный вес индустриальных техникумов сократился с 4,5% в 1928 г. до 2,1% в 1932 г. их численность возросла: если в 1928/29 г. было 2 индустриальных техникума, то уже в 1931/32 г. их 21.

Особо быстро увеличивается количество техникумов с 1930 г. В 1936 г. в г. Куйбышеве работали три техникума. Механический техникум, имел 2 отделения: дневное и вечернее. На дневном отделении с четырех годичным сроком обучения готовили по специальностям: инструментальное производство и обработка металлов резанием. На вечернем обучение длилось 5 лет, причем первые 4 года без отрыва от производства и 5-й год обучения производился с отрывом от производства [1, с. 89-91]

Куйбышевский техникум строительных материалов готовил техников-технологов для работы на заводах промышленности строительных материалов и техников-строителей для промышленных и гражданских сооружений. Куйбышевский строительный техникум имел одно отделение промышленно-гражданского строительства, готовившее техников-строителей по промышленно-гражданским сооружениям.

За 1933—1934 гг. в техникумы Средневолжского края было вложено от 875,0 тыс. руб. до 1255,0 тыс. руб. [12, с. 160] По РСФСР за период 1931-1934 гг. количество этих учебных заведений увеличилось с 1 767 до 1 804, в свою очередь, контингент учащихся увеличивается с 375725 до 393246 человек. Количество индустриальных техникумов уменьшилось с 721 до 565, контингент студентов в них сократился со 173507 человек до 168242 человек. [8, с. 285] В 1931/32 г. в гидроресотехническом техникуме г. Оренбурга обучалось 150 человек, а в 1933/34 г. — уже 210 человек [2, л. 233]. В 1932 г. в 136 техникумах края обучалось 27 480 человек. В 1935 г. в промышленных техникумах Оренбургской области обучалось 590 человек, а по всем техникумам области — 5 407 человек. [10, с. 455] К началу третьей пятилетки в Пензенской области насчитывалось 15 средних специальных учебных заведений, из них 7 техникумов. Так, если в 1938 учебном году окончили техникумы и другие учебные заведения 1 160 человек, а в 1939 г. в техникумах Пензы обучалось уже 5 883 [10, с. 455]. В 1940 г. в одной только Пензе в техникумах обучалось 5 500 человек [11, с. 174].

Социальный состав учебных заведений изменяется в сторону увеличения рабоче-крестьянской и партийной прослойки. В техникумах края в период 1928—1932 гг. социальный состав учащихся был представлен рабочими — 42,5%, крестьянами — 38,1%. Доля служащих — 14,3%. [14, с. 16] В 1927/28 г. социальный состав лесного оренбургского техникума был представлен рабочими — 11,6% и крестьянами — 40,3% [6, с. 245]. В 1928—1932 гг. в техникумах края

процент комсомольцев увеличивается с 36,8% до 42%, а вот коммунистов — незначительно, с 4,2% до 5% [14, с. 16]. В 1938 г. в строительном техникуме г. Пензы из 335 учащихся комсомольцев было 29,2%, коммунистов — 0,5%, [16, с. 305] а в 1940 г. комсомольцев уже 37,1% [3, л. 79]. Из 280 учащихся Пензенского землеустроительного техникума половина были комсомольцами [6, с. 305]. Следует отметить большое количество комсомольцев, дальнейшее увеличение их числа. За период 1940—1941 гг. в Пензенском строительном техникуме доля русских увеличилась 95,9% до 97,6%, украинцев и мордвы сократилось — с 1,1% до 1,5% [3, л. 232] В 1928—1932 гг. удельный вес женщин в индустриальных техникумах Средневолжского края увеличился с 9% до 41,9% [14, с. 15]. В 1932 г. во всех техникумах происходило увеличение количества учащихся женщин с 32,7% до 46,8% [14, с. 11]. В 1926/27 г. в Оренбургском индустриальном техникуме их 2,8% [5, л. 3]. За период 1940—1941 гг. в Пензенском строительном техникуме доля женщин возросла с 12 [5, л. 79] до 21,9% [5, л. 232]

Так же, как и в вузах, в техникумах ощущалась нехватка преподавателей. Местной властью высказывалось сожаление, что инженеры и техники не шли на работу в техникумы из-за низкой оплаты [5, л. 282]. В Оренбургском индустриальном техникуме была нехватка средств для оборудования кабинетов [5, л. 282]. За период 1928-1932 гг. количество преподавателей краевых индустриальных техникумов увеличилось с 72 до 415 человек. Всего в 1932 г. в крае работало в средних технических учебных заведениях 2647 преподавателей. В индустриальных техникумах получали образование 3 833 учащихся, которых обучали 415 преподавателей, а в строительных техникумах 124 преподавателя обучали 1805 учащихся [14, с. 15] В техникумах г. Пензы на 1 октября 1938 г. числилось 5833 студента, которых обучали 263 преподавателя.

Из методов преподавания можно выделить лабораторный, а также реферативный, комплексно-групповой. В 1939/40 г. в Пензенском механическом техникуме им. Е.Д. Басулина общая успеваемость была 91,9%. По дневному отделению успеваемость выше — 93,6%. Тогда как на вечернем — 92,6% [4, л. 6]

За период 1914—1941 гг. в Оренбурге количество средних специальных учебных заведений увеличилось с 5 до 31, контингент учащихся вырос с 0,3 тыс. человек до 8,8 тыс., на дневных и вечерних отделениях — с 0,3 тыс. человек до 6,3 тыс. К 1940/41 г. в средних заведениях области 2,5 тыс. человек обучалось заочно [9, с. 129]

Если в 1914/15 г. в Ульяновской области было 1 учебное среднее специальное заведение, то в 1940/41 г. их уже 19. Контингент учащихся возрастает с 0,2 тыс. человек до 6,2 тыс. Из них количество обучающихся на дневных и вечерних отделениях возросло с 0,2 тыс. человек до 4,7 тыс.

человек. К 1940/41 гг. 1,5 тыс. человек обучалось заочно в средних специальных учебных заведениях [17, с. 90]. В 1927/28 г. по РСФСР в 672 техникумах и средних специальных учебных заведениях обучались 123,2 тыс. человек, а в 1940/41 г. в 2188 аналогичных учебных заведениях обучалось 498,2 тыс. человек [7, с. 352]. В 1940/41 г. в Куйбышевской области в 38 учебных заведениях обучалось 10,3 тыс. чел. (в г. Куйбышеве в 20 учебных заведениях обучалось 5,8 тыс.) [7, с. 352].

Таким образом, на основании вышесказанного можно сделать вывод, что краевые техникумы приняли активное участие в подготовке технических кадров. Создание широкой сети среднетехнических учебных заведений позволило подготовить тысячи техников, которые сыграли заметную роль в решении проблемы привлечения инженерно-технических кадров в промышленность.

Список литературы:

1. Весь Куйбышев [Текст]: спрв. — путеводитель по г. Куйбышеву. — Куйбышев, 1936.
2. ГАОО.Ф. 941.Оп. 1 Д. 36.
3. ГАПО. Ф. 391. Оп. 1 Д. 189.
4. Там же Ф. 1377. Оп. 1. Д. 72.
5. ГАУО. Ф. 453. Оп. 1. Д. 71.
6. Культурное строительство в Пензенском крае. 1917—1938 гг. [Текст]: док. и материалы /сост В.С. Годин и [др.]. — Саратов; Пенза, 1986.
7. Культурное строительство в РСФСР 1917-1977. [Текст]: док и материалы. — М., 1985.
8. Народное хозяйство и культурное строительство в РСФСР. [Текст] М., 1935.
9. Оренбургская область за 50 лет Советской власти. [Текст]: стат. сб. — Челябинск, 1967.
10. Пензенская область в цифрах и фактах. [Текст]: стат. сб. — Пенза, 1977.
11. Пензенская область за 50 лет Советской власти [Текст]: стат. сб. — Саратов — Пенза, 1967.
12. План народного хозяйства и социально-культурного строительства Средневолжского края на 1934 г. [Текст]. М.; Самара, 1934.
13. Полбицын, Г.Т. Значение Средневолжского края в хозяйстве СССР. [Текст] / Полбицын Г.Т. — М.; — Самара, 1930.
14. 15 лет Средней волги в цифрах [Текст]. — Самара, 1932.
15. Тизанов С.С. Кадры, состояние, потребность и подготовка их в Средневолжском крае [Текст] / С.С. Тизанов. — М.; Самара, 1930.
16. Тизанов С. Пути культурной революции в Среднем Поволжье [Текст] / С. Тизанов, И. Скворцов. — М.; Самара, 1931.
17. Ульяновская область Ордена Ленина за 50 лет Советской власти. [Текст]: стат. сб. — Ульяновск, 1967.

КАПИТАЛЬНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ПОВОЛЖЬЯ В 1938-1941 ГГ.

Филатов Сергей Геннадьевич

к. и. н., Филиал РГСУ в г. Пенза

E-mail: filatov_sg@mail.ru

Третья пятилетка вошла в историю как подготовительная к войне. Основное внимание государства в этот период было направлено на развитие оборонной промышленности. В пищевой промышленности делалась ставка на производства, ориентированные на местную сырьевую базу.

На третью пятилетку, помимо переноса крупных строек, по Поволжью планировалось строительство двух мощных хлебозаводов в Куйбышеве (на 100 тонн суточной выработки каждый), хлебозаводов в Сызрани (на 50 тонн), в Кузнецке, Мелекесе, Пензе (по 40 тонн), в Ульяновске (на 30 тонн), в Чапаевске (на 25 тонн), крупных птицекомбинатов в Куйбышеве и Ульяновске, завода эфирных масел в Ульяновске, хладокомбината в Куйбышеве [9, д. 123, л. 2; 12, д. 7, л. 8; 25, д. 654, л. 152]. Значительные средства предполагалось затратить на реконструкцию предприятий: Жигулевского пивоваренного завода — 7 млн. руб., Сызранского и Инзенского птицекомбинатов — 470 тыс. руб., хлебозаводов № 1 и № 2 г. Куйбышева — по 500 тыс. руб., заводов Пензенского спиротреста — 22 млн. руб. [4, д. 441, л. 26]. Проектная контора «Промзернопроект» в 1937 г. провела обследование и составила план реконструкции мельниц в Мелекесе [24, д. 5, л. 29]. Всего на реконструкцию предприятий Куйбышевского треста «Союзмука» планировали израсходовать 20,7 млн. руб. [14, д. 5, л. 6]

В резолюции XVIII съезда ВКП (б) (10—21 марта 1939 года) «Третий пятилетний план хозяйственного строительства СССР (1938—1942)» в разделе о новом строительстве практически повторялись решения XVII съезда о вводе в действие мясокомбинатов и сахарных заводов [20, с. 698]. Исходя из правительственного курса, в конце 1938 г. после длительного перерыва оживились работы на стройке Куйбышевского мясокомбината: к концу 1940 г. приступили к частичной эксплуатации холодильника, колбасного цеха (рабочие чертежи холодильно-колбасного корпуса были разработаны проектной конторой «Гипромясо»), машинного отделения, аппаратной, конденсатора [21, д. 1, л. 23; 26, д. 986, л. 7].

В 1939 г. в Куйбышеве, несмотря на трудности с монтажом печей, вступил в строй новый хлебозавод суточной производительностью в 75

тонн [19]. В начале 1940 года там же начала работать фабрика по производству сухих пищевых концентратов, выпускавшая сухие кисели, блинную муку, концентрированные безалкогольные напитки. Всего в 1939 г. в пищевую промышленность союзного и республиканского подчинения Куйбышевской области было вложено по сметной стоимости 5,3 млн. руб. (при плане в 5 млн. руб.), введено в действие производственных мощностей по фактической стоимости на 14,3 млн. руб. [10, д. 21, л. 2].

При некоторых успехах, достигнутых в направлении ввода новых производственных мощностей, для предвоенных лет характерно снижение капиталовложений в союзно-республиканскую пищевую промышленность. Из-за недостаточного финансирования некоторые объекты вводились при незаконченном строительстве. Например, принятый в январе 1940 г. правительственной комиссией в эксплуатацию Куйбышевский гормолзавод, в течение года работал с недостроенной котельной [6, д. 24, л. 88; 7, д. 149, л. 50]. Перед войной, в связи с сокращением финансирования строительства крупных объектов, упразднялся ряд проектных контор: в начале 1941 г. ликвидировался «Гипроспирт», который вместе с «Гипросахаром» вошел в состав «Сахаропромпроекта» [22, д. 1, л. 1; 23, д. 1, л. 1].

По мере обострения международной обстановки меняется концепция размещения предприятий. XVIII съезд ВКП (б) провозгласил курс на всемерное развитие промышленности, базирующейся на местном сырье. Для пищевой промышленности Поволжья в этом плане имелись хорошие перспективы. Еще в 1938 г. Куйбышевским облищепромом в Исаклинском, Клявлинском, Теренгульском районах были организованы колбасные производства, в Денискинском — выпуск безалкогольных напитков и мороженого; в Барышском районе намечалось строительство маслозавода мощностью в 25 тонн, завода безалкогольных напитков [18, с. 67]. На работы по восстановлению 87 мельниц Куйбышевского областного и районного мукомоля в 1939 г. было запрошено 1,8 млн. руб. капиталовложений [8, д. 77, л. 13].

Постановление президиума Куйбышевского облисполкома от 14 апреля 1939 года «О развитии областной и районной пищевой промышленности» позволило организовать строительство ряда объектов [11, д. 23, л. 55]. В результате, по сообщению начальника Куйбышевского облищепрома, за 1939 год в области вошли в строй 56 мелких и средних районных предприятий, в том числе 13 заводов безалкогольных напитков, 14 предприятий по производству мороженого, 9 колбасных мастерских, 2 булочно-кондитерские фабрики, 16 птицеферм при мельницах [1]. Общая сумма капиталовложений на строительство и реконструкцию предприятий Пензенского облищепрома составляла

12,4 млн. руб. [2]. Организация рыбных хозяйств позволила в 1939 г. пустить Бековский и Пензенский рыбные заводы [27].

Однако эффект XVIII съезда оказался кратковременным. Темпы освоения средств на пуск новых производств снижаются. План организации новых предприятий пищевой промышленности по Куйбышевской области в первом полугодии 1940 г. не был выполнен: вместо 51 предприятия организовали 25 [16, с. 37]. В Пензенской области не выполнили постановление обкома и облисполкома от 19 марта 1940 г. об организации за счет банковского кредита 26 новых предприятий областной пищевой промышленности (пустили лишь 18 предприятий-цехов) [5, д. 16, л. 43]. Было сорвано строительство Ладской и Краснослободской мельниц Мордовского треста сельхозмукомолья [28, д. 6, л. 10].

Развитие местной промышленности, не требующей больших финансовых вливаний, вступало в противоречие с развитием предприятий союзно-республиканского значения. Провозглашалось, что планирование вывозных контингентов поощряло «вредную» специализацию узкого ассортимента на отдельных предприятиях, создавая нерациональные встречные перевозки [17, с. 15]. После выхода постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 7 января 1941 г. «О мероприятиях по увеличению производства товаров широкого потребления и продовольствия из местного сырья» усилилось давление на предприятия, чей рынок сбыта выходил за пределы региона. Так, заместитель наркома пищевой промышленности СССР П. Герасимов считал ненормальным, что Жигулевское пиво, вырабатываемое в Куйбышеве, «завозится в ряд отдаленных пунктов, вплоть до Алма-Аты» [3, с. 9]. 26 марта 1941 г. Куйбышевский облисполком принял решение «О закреплении сырьевой зоны за пивоваренной промышленностью Куйбышевской области», согласно которому Жигулевский пивкомбинат снабжался ячменем исключительно районами области (это значительно сузило сырьевую базу завода) [13, д. 19, л. 29; 15, д. 3, л. 53].

Итак, курс на ускоренное развитие промышленности, приближенной к местным источникам сырья, который государство вынуждено было взять в условиях подготовки к войне, привел к наступлению на региональные отраслевые гиганты. В результате, многие достижения крупной пищевой индустрии к началу Великой Отечественной войны сводились на нет. В то же время, введенные в эксплуатацию в предвоенные годы предприятия хлебопечения, молочной и мясной промышленности, фабрики пищевых концентратов, сыграли значительную роль в жизни Поволжья в военный период.

Список литературы:

1. Альшин М. Большой рост // Пищевая индустрия. 1940. 3 января.
2. Антонович М. Социалистическое размещение производительных сил // Сталинское знамя. 1939. 26 мая.
3. Герасимов П. Больше продуктов из местного сырья // Пищевая промышленность. 1941. № 1. С. 9-11.
4. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. Р-1324. Оп. 1.
5. ГАПО. Ф. Р-2377. Оп. 1.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-135. Оп. 1.
7. ГАРФ. Ф. А—140. Оп. 1.
8. ГАРФ. Ф. А—178. Оп. 1.
9. ГАРФ. Ф. А—180. Оп. 1.
10. Государственный архив Самарской области (ГАСО). Ф. Р-2521. Оп. 7.
11. ГАСО. Ф. Р—2558. Оп. 7.
12. ГАСО. Ф. Р—3859. Оп. 5.
13. ГАСО. Ф. Р—4052. Оп. 1.
14. ГАСО. Ф. Р—4166. Оп. 1.
15. Государственный архив Ульяновской области. Ф. Р—2498. Оп. 1.
16. Гулько А. Выполнить план производства товаров широкого потребления // Коммунист. 1940. № 7. С. 26—29.
17. Евсеев П., Сенько А. Развернуть производство товаров широкого потребления // Плановое хозяйство. 1941. № 1. С. 13—27
18. Казакова Е. Решения XVIII съезда партии Ленина-Сталина воодушевляют нас на новые победы // Коммунист. 1939. № 6. С. 65-67.
19. Никитин Н. Промышленность хлебопечения // Волжская коммуна. 1939. 29 декабря.
20. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов за 50 лет: в 5-ти т. М.: Политиздат, 1967. Т. 2. 1929—1940. 798 с.
21. Российский государственный архив научно-технической документации (РГАНТД). Ф. Р—576. Оп. 1—6.
22. РГАНТД. Ф. Р—128. Оп. 4—4.
23. РГАНТД. Ф. Р—181. Оп. 2—6.
24. РГАНТД. Ф. Р—227. Оп. 1—6.
25. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 36.
26. РГАЭ. Ф. 8297. Оп. 4.
27. Сигал Б. Ресурсы для местной промышленности // Сталинское знамя. 1939. 11 октября.
28. Центральный государственный архив Республики Мордовия. Ф. П—825. Оп. 1.

**«ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ:
СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ»**

Материалы международной заочной научно-практической
конференции

16 ноября 2011 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 23.11.11. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 10,625. Тираж 550 экз.

Издательство «Априори»
630099, г. Новосибирск, ул. Романова, 28
E-mail: info@a-ti.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Априори»
630099, г. Новосибирск, ул. Романова, 28